

ГЛАГОЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
АЛЬМАНАХ

№ 11

Москва—Париж—Санкт-Петербург
2019

www.glagol.jimdo.fr

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Владимир Сергеев

Наталья Черных

Татьяна Громова

Андрей Балабуха

Главный редактор — Елена Кондратьева-Сальгеро

Обложка:

Фото Веры Бортник (1 и 4 стр.)

Стихи на обложке — Ирина Ремизова «Вертоградное»

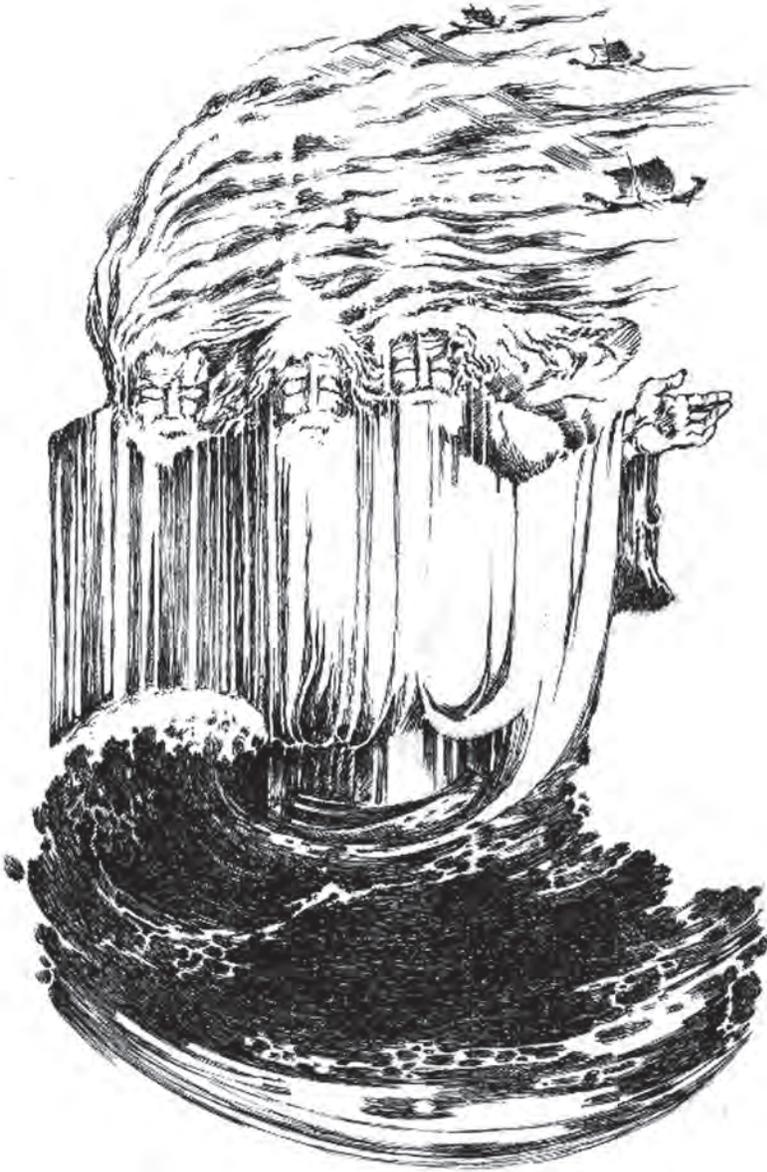
Художники — Елена Любович,

Андрей Карапетян

Дизайн макета — Татьяна Громова

Корректурa — ООО «Группа МИД»

ДРУГ С ДРУГОМ
ГОВОРИТЬ
(предисловие)

© Художник Андрей Карпетян

Мы проживаем мутные времена. Пожалуй, ни одна эпоха не знала такого мощного столкновения мнений, лбов и амбиций, с нескончаемым крушением старых иллюзий и скороспелым производством новых утопий.

Даже всемирную историю переписывают и перетолковывают уже в который раз за одно единственное столетие, не говоря уже о самых неоднозначных её персонажах.

Менталитеты отрываются от традиций и не поспевают за прогрессом. Рвут цепи старых «скреп» и не знают, что делать с новыми свободами.

Любое обычное несогласие, минуя простое раздражение, незамедлительно мутирует в ненависть и вражду. Любое противоположное мнение становится казусом белли.

И такой круговорот беды в природе взрывной волной обегает планету уже повсеместно, неумолимо накручивая всё более мощные обороты.

Всё яснее становится, что одним, пусть и сильным, рывком эту махину не остановить, слишком сильно разогналось и далеко зашло. Притормаживать необходимо, но лучше не резко, а постепенно. Мелкими рывками, глотками и кусочками. Каждому в меру своих усилий: выслушать другого, выговориться самому.

Рискуют все. Люди, страны и континенты, говорящие на разных языках, перетолковывающие свою и чужую историю, плодящие свежие утопии, крошащие старые скрепы и жонглирующие новыми свободами.

И всё-таки, всё-таки, как говорил один киногерой своему оппоненту на пороге крупного военного столкновения: пока мы разговариваем, мы живы. Мы непременно погибнем все, как только перестанем говорить друг с другом...

В этой неброской, но хлёткой истине, можно сказать, вся суть нашего издания. Мы собираем на общих страницах разных по содержанию, но интересных по исполнению русскоязычных авторов со всей планеты и предоставляем возможность почтенной публике оценить их мастерство в самых разных жанрах.

В пререкания о вкусах не вступаем, но качество текста гарантируем: дело в том, что мы серьёзно дорожим собственной репутацией и потому позволить себе принять в печать лютую банальность или мягкую графомань просто не можем.

Но главное — мы изо всех сил стараемся помогать людям продолжать говорить друг с другом: мы собираем вместе людей с разными менталитетами, мыслящих в разных категориях, пишущих в разных стилях и перетолковывающих разные события на разные лады.

В многообразии рубрик и разноголосье авторов — смысл нашего альманаха: каждый читатель непременно найдёт что-то интересное именно для себя и хотя бы любопытное для другого.

Потому что в мутные времена важнее всего продолжать говорить друг с другом, не прекращать разговора, слушать, думать, не торопиться замолчать.

Только тогда, перефразируя другого героя, и времена эти мутные мы проясним...

**Елена Кондратьева-Сальгеро,
главный редактор литературного альманаха «Глаголь»**

© Художник Андрей Карапетян

СОДЕРЖАНИЕ

Друг с другом говорить (предисловие)	
Елена Кондратьева-Сальгеро (Франция).....	4
Наш взгляд	
Дмитрий Евстафьев (Россия).....	Сумерки плоского мира и будущая глобальная неустроенность..... 10
О важном в прозе и в стихах	
Ирина Павлова (Россия).....	Упрощенчество..... 22
Амирам Григоров (Россия).....	Половина луны..... 24
о. Андрей Ткачѐв (Россия).....	Когда поѐт муэдзин..... 36 Литераторские мостки..... 38
Людмила Орагвелидзе (Грузия).....	Я дам дороге имя..... 42
Владимир Мамонтов (Россия).....	Вещи..... 50
Инга Даугавиете (Австралия).....	Не опоздай..... 61
Елена Кондратьева-Сальгеро (Франция).....	Затмение..... 68
Альгирдас Микульскис (Россия).....	Регги среднего возраста..... 74
Нелли Гутина (Израиль).....	Шпионы пишут лучше..... 80
Рита Трошкина (Латвия).....	Если сердце бьѐтся на краю..... 83
Григорий Спичак (Россия).....	Максимка-Фугас..... 98
Марина Викторова (Эстония).....	На верниссаже кривых зеркал..... 108
Сергей Волков (Россия).....	Ильич (отрывок из романа)..... 110
Алёна Асенчик (Беларусь).....	Когда наступает время..... 126
Наталья Черных (Россия).....	Горная старуха..... 129
Юрий Макусинский (Россия).....	Ленинградские ноты..... 131
Нескучно о серьёзном	
Татьяна Горичева (Россия – Франция).....	Природа нуждается в святых (из дневника)..... 142
Андрей Балабуха (Россия).....	Маленькая сага о двух медалях..... 148
Виктор Леонидов (Россия).....	Возвращение Петра Ганского..... 153
Светлана Сигида (Россия).....	Приезжайте к нам учиться!..... 159
Филипп Фиссен (Россия).....	Ой, май вэй!..... 170
Евдокия Позднякова (Россия).....	Записки древлехранителя..... 177
Александр Дубровский (Россия).....	ИСТИНА или СПРАВЕДЛИВОСТЬ?..... 190
Русские по миру	
Наталья Захарьят (Латвия).....	STANISLAVSKY.LV. Эскурс в театральное будущее.... 196
Альгирдас Микульскис (Россия).....	Земля Войны (фоторепортаж)..... 203
Беседы	
Наталья Черных (Россия).....	«Я вернулся к друзьям»..... 210
По следам немеркнущих событий	
Эдуард Тер-Сааков (Армения).....	Фото до востребования..... 216

Поэтический невод «Глагола»

Юлия Ловыгина (Россия).....	Сумерки.....	220
Владимир Узланер (Канада).....	Икона.....	221
Елена Крикливец (Беларусь).....	Кукушка.....	222
Сергей Смирнов (Россия).....	Известного сорта русский джентльмен.....	222
Светлана Ткаченко (Украина).....	Стылое.....	223
Александр Боярд (Люксембург).....	Последняя попытка.....	224
Лемара (Россия).....	Вот.....	224
Олег Мошников (Россия).....	Неласковую родину любить.....	225
Светлана Холодова (Россия).....	Дар.....	226
Виктория Качур (Россия).....	Антрополитология.....	227
Виктория Тимченко (г. Славянск).....	Ветренное.....	227
Борис Гелерман (Украина).....	Старая пластинка.....	228
Светлана Носова (Россия).....	Придорожное кафе.....	228
Анна Горелова (Россия).....	Папа Олаф говорит.....	229
Александр Долгушин (Литва).....	Муравьево.....	229
Майя Шварцман (Бельгия).....	Текла река.....	230
Вячеслав Иванов (Россия).....	Велосипед.....	230
Марина Крутова (Россия).....	Женское ремесло.....	232
Светлана Носова (Россия).....	Твой город.....	233
Саша Морозов (Беларусь).....	Город N.....	236
Сергей Полежаев (Россия).....	Какаду.....	238

Отражения (переводы)

Игорь Алимов (Россия).....	Ли Сянь-минь и его рассказы об удивительном (перевод с китайского).....	242
Виктория Терентьева (Россия).....	Трамвай с призраком (переводы с английского).....	258
Татьяна Громова (Россия).....	Страна Гуляндия (стихи для детей).....	266
Владимир Сергеев (Франция).....	«Нежность» и другие переводы на французский.....	272

И конечно — фантастика!

Елена Арифиллина (Россия).....	Хранитель перехода.....	276
--------------------------------	-------------------------	-----

Наши иллюстраторы

Вера Бортник (Франция, Париж)

Родилась в Москве. Закончила МГПИИЯ им. М.Тореза, работала преподавателем в МГИМО. В 1990 г. уехала во Францию, закончила факультет французской литературы в Сорбонне и Высшую школу переводчиков. Фотографией занимаюсь с 2010 г. Хотелось поделиться увиденным. Стараюсь остановить прекрасные мгновения, себе на память и людям на радость.

Андрей Карапетян (Россия)

Художник-график, поэт, прозаик. Живёт в Санкт-Петербурге. По образованию инженер-конструктор.

Елена Любович (Россия)

Художник-дизайнер промышленной графики. Более двадцати лет работает в рекламе. Закончила Московскую Художественную академию «Памяти 1905 года» (МАХУ).

© Художник Елена Любович

НАШ ВЗГЛЯД

© Художник Андрей Карапетян

Дмитрий Евстафьев
(Россия, Москва)

Политолог, профессор факультета коммуникаций медиа и дизайна НИУ ВШЭ, кандидат политических наук.

Сумерки «плоского мира» и будущая глобальная неустроенность

Общим местом в рассуждениях политологов становится утверждение, что «сетевой мир», мир, в котором главными игроками были субгосударственные субъекты, — от транснациональных компаний до глобальных общественных организаций, мир, в котором главными становились горизонтальные, а не иерархические связи, мир, объединённый посредством ускоренного развития интегрированных цифровых коммуникаций, — весь этот прекрасный новый мир теряет свою безусловную актуальность. Заскорузлый и давно неактуальный с точки зрения ведущих философов «Вестфальский мир» вновь отстоял свои позиции и зримым манифестом этой победы стал триумvirат Владимира Путина, Си Цзиньпина и Дональда Трампа, трёх лидеров важнейших государств мира, которые всегда выступали с позиций первичности национального суверенитета. К этой троице следовало бы добавить и индийского премьера Нарендру Моди, и тогда картина действительно будет законченной. Вероятно, философы в своей скорби правы и перспективы возникновения «смелого сетевого мира» если не полностью перестали быть актуальными, то, как минимум, отложены на неопределённый срок. Вернее, срок понятен — вряд ли эти идеи вновь войдут в концептуальный мейнстрим до того, как определится геоэкономический, как минимум, вектор развития постглобализационного мира, который, вероятнее всего, будет миром регионализированных экономических, а как следствие — и политических субъектов, которые будут находиться друг с другом в весьма сложных отношениях.

Но период трансформаций вряд ли будет для нас, жителей мира, вне зависимости от нашей территориальной, религиозной и культурной принадлежности, простым. В конечном счёте, сетевой мир был не просто общетеоретической абстракцией, но той реальностью, в которой жили, конечно, не миллиарды, но миллионы людей. А ещё большее число людей были так или иначе вовлечены в орбиту процессов, которые формировались вокруг « сетевого мира », который был сердцевиной не только глобализации экономики и политики, но и глобализации человека. Не случайно «сетевой мир» имел и ещё одно название, которое, правда, не очень любили, — «плоский», хотя это понятие было несколько уже и более прикладным, нежели понятие «сетевой».

Концептуально диалектика «плоский мир» — «сетевой мир» отражала известную дилемму американской постбиполярной политики, которую с присущим ему цинизмом сформулировал Збигнев Бжезинский: выбор между гегемонией и лидерством. «Плоский мир» был инструментом американского лидерства, ибо смыслы, идеи и даже форматы (например, социальные сети), которые наполняли «плоский мир», создавались, апробировались, развивались, а затем — если нужно — и уничтожались американцами. А «сетевой мир» был инструментом американской глобальной гегемонии, поскольку, как в конце XX — начале XXI века считали американцы, они и только они обладают экономическими и военно-силовыми ресурсами для того, чтобы управлять (а в действительности — манипулировать) социальными процессами. Из попытки использовать «сетевой мир» в качестве инструмента именно укрепления американской гегемонии и выросла пресловутая «арабская весна».

«Плоский мир» — это, если отбросить все рассуждения о глобализации, мир, в котором нет особых национальных, религиозных или культурных, а в целом — поведенческих различий, а если и есть, то они трансформированы в некие этнографические анклавы, где каждый житель «плоского мира» может за небольшую плату ознакомиться с тем, как живут «не они». Конечно, «плоский мир» был «плоским» сильно не для всех, а только для тех, кто находился в его пределах или стремился в него «интегрироваться». «Интегрироваться», вообще-то, страшное слово, подразумевающее во многом стандартизацию не только экономических принципов, но и поведения, а главное — стандартизацию ума. Концепция «плоского мира» отражала, прежде всего, ощущение всемогущества глобалистской элиты, вызванное развитием технологий, преимущественно коммуникационных, и, одновременно, её страха перед стихией мира «неплоского», который развивался за пределами уютных номеров сетевых пятизвездочных отелей, понатыканных в центрах почти любой значимой столицы мира.

А теперь «плоский мир» умирает вместе с «сетевым». Это многих пугает, и пугает правильно, поскольку, если «сетевой мир» касался «не только лишь всех», то «плоский» — практически всех, ибо был главной парадигмой развития не только культуры, но и поведения. Нашего поведения.

Что такое «плоский мир» в том виде, как нам его предлагали? Отложим в сторону разговоры об экономической эффективности и высоком социальном стандарте, который давали сетевые структуры, под которыми подразумевались, конечно же, транснациональные компании. Это, наверное, было так на этапе освоения новых экономических пространств, последним из которых была постсоветская Евразия. Но ТНК, даже молодые, уже давно перестали быть локомотивами развития, да и с эффективностью много вопросов. Если отложить в сторону разговоры о большей

демократичности «плоского мира» — любая система демократична настолько, насколько ей это позволяют её экономические основы (а ничего более содержательно тоталитарного, нежели транснациональная компания как основа и глобализации, и сетевого мира, быть не может), то суть этого мира, становящегося сейчас «уходящей натурой», сводилась к следующему.

«Плоский мир» (и это является прямым порождением его сетевой структуры) был миром бесконечных инвестиций, которые уже почти не давали отдачи, но были обязательными. Обязательными для корпораций, пенсионных фондов (поразительна и показательна история, как калифорнийские пенсионные фонды вкладывали деньги в российские облигации практически на пике взаимной публичной конфронтации США с Россией), общественных организаций, частных лиц. Это мир инвестиций ради инвестиций, когда любые деньги смело стали называться инвестициями, даже если это была всего лишь стопка бумаги, а потом и вовсе набор цифр где-то на счету в банке или «инвестиционной компании», на которые иногда нельзя было купить и утренний эспрессо. Но это отражало очень важную черту «плоского мира» — доминирующую «процессность», прикрывающуюся разговорами о проектности и эффективности.

Это был мир, основанный на деклассировании и отделении человека от собственности. Манифесты Ричарда Флориды о креативном классе, который живёт ощущениями, путешествует, коллекционирует опыт и профессии, а в не меньшей степени концепция «социальной мобильности» Дж. Урри (по сути, перманентной мобильности), конечно, привлекательны, однако за ним скрывалась неприятная, как это обычно бывает, экономическая правда: средний класс, основа процесса глобализации, ключевой характеристикой которого было наличие базовых элементов собственности и накоплений, от собственности эмансипировался. В «плоском мире» средний класс жил в кредит и по аренде. Если внимательно вчитаться в концепцию мобильности, это и был новый пролетариат, которому было мало что терять. Но который, увы, привык к завышенному уровню потребления, которое и было сутью его существования, и требовал политических, а главное, социальных прав. Естественным продолжением этого подхода стала концепция прекариата, которая была уже не столь радужна, как концепция «креативного класса», она уже предполагала не просто деклассирование, исчезновение собственности из списка классификаторов опорных социальных групп, но уже откровенную пауперизацию среднего класса. Но и среднему классу предлагалась в будущем основательно затянуть пояса.

«Плоский мир» был миром, в котором коммуникации стали важнее не только практической деятельности, но и реальной действительности. Это — мир возведённого в абсолют коммуникационного действия. Стало неважно, насколько ты реально борешься за права слонов в Африке, на-

сколько действительно готов положить жизнь за сохранение исконных промыслов аборигенов Борнео, насколько ты, и правда, понимаешь, вокруг чего идёт кровопролитие на Украине. Но ты точно должен знать, где «правильная сторона истории» и что «голодающего Сенцова» нужно поддержать. Хотя бы «лайком». В основном «лайком». Да, собственно, «лайка» и достаточно. Выразили, так сказать, сопричастность, не остались в стороне. Мало кто теперь вспомнит, что сама идея «коммуникационного действия» порождена кибернетикой в её крайней математизированной трактовке и отражает отношение к людям как к функциям, неким программам, которые могут ничего не делать, даже не «вставать в строй», просто что-то сказать, чтобы выполнилось «действие», которое и не действие, но управляющий сигнал. И как тут не вспомнить пророческую «Матрицу», особенно её вторую недооцененную часть, где герои наконец понимают, что они ходят по кругу и, как позже выяснится, уже в который, кстати, раз, — в компании таких же «коммуникаторов».

«Плоский мир» был миром, в котором принадлежность к тем или иным социальному слою или группе становилась важнее принадлежности к стране, религии, нации или народу, к культуре, наконец. Да и сама культура становилась насквозь сословной — чего только стоит «актуальное искусство». Всегда хотелось спросить: актуальное для кого? Это был мир социальной стагнации и атомизации, в котором «группы» все больше мельчали и представляли уже не столько какие-то значимые общественные интересы, сколько самих себя. Поразительно, кстати, как измельчали пресловутые «городские племена». Россия тут пошла против течения, «приручив» футбольных хулиганов, чем вызвала удивление, граничащее со страхом у европейских политиков и социальных активистов. И думается, что социальная атомизация будет той тенденцией, которая сохранится, а возможно, и усилится и в постглобализационном мире, олицетворяя собой ползучий кризис нового урбанизма.

«Плоский мир» был во многом миром лицедейства, в котором стало принято быть искусственным. Капитализм — не капитализм. Коммунизм — не коммунизм. Очень характерны разговоры, что китайский коммунизм — и не коммунизм вовсе, а нечто иное. Либерализм — не либерализм. Деньги — не совсем деньги, а богатство — лишь набор цифр в какой-нибудь реестровой записи. Семья — тоже уже не семья в социальном, религиозном и культурном смыслах, а какое-то «партнёрство». Социальные сети, как ничто другое, предельно ясно обнажали лицедейскую сущность «плоского мира», давая возможность человеку надевать любую личину в виде аватарки. «Плоский мир» позволял обывателю быть «всем», будучи «ничем». Не становиться «всем», как в коммунистическом гимне, а просто «быть». Главное, иметь соответствующий «гаджет», который и выдавал принадлежность к той или иной социальной страте. Гаджетизация человечества вообще была слабо контролируе-

мым процессом, который пугал и западных социологов, но гаджетизация становилась и важнейшим социальным идентификатором. И вот это, в отличие от того, о чём писал Ф.Фукуяма в начале 1990-х, действительно выглядело как завершение эволюции человечества, только не идеологической, а социальной. Что до идеологии, то как раз в тот момент, когда гаджетизация стала не просто трендом, а основой социальной жизни развитых обществ, где-то очень далеко уже сформировался неоваххабизм, который совсем скоро покажет сытым и гаджетизированным европейцам, что такое основанное на идеологии социальное конструирование в мире интегрированных коммуникаций, если говорить научным языком.

«Плоский мир» был миром безусловного потребительского оптимизма, который ещё больше усиливался сочащимися потребительским оптимизмом работами западных социологов, в котором потребление выглядело — и выглядело убедительно — как бесконечный и почти ничем не ограниченный процесс. И развитие было, прежде всего, развитием потребления, причем потребления не просто избыточного, но уже и социально бессмысленного. Другой стороной этого аспекта стало то, что квалифицированные и не очень квалифицированные потребители постепенно оказывались в мире «одноразовых» или почти одноразовых вещей. Быстро ломающихся машин, гаджетов, удивительно споро изнашивающихся рубашек, мебели почти из картона. Это происходило потому, что главным становился уже даже не объём потребления (похоже, что в «развитом мире» пределы по объёму потребления к рубежу XX-XXI веков были достигнуты), а темп смены потребительских эмоций, после которого вообще могло не остаться послевкусия.

И при всём этом этот «плоский мир» был комфортным, особенно та его часть, которая была доступна европейскому, не исключая и Россию, и североамериканскому обывателю. А главное — «плоский мир» был удивительно политически и социально нетребовательным к своим обитателям. И становилась нетребовательна к нему экономически. Вершиной процесса стал «безусловный минимальный доход», который вообще-то выглядит, как плата человеку за то, что он не работает. Труд переставал быть главной системной ценностью цивилизации, которая, хотя многие и поспорят со мной, вообще-то создана обезьянами, которых труд сделал людьми.

Где-то на этом этапе в России произошёл сбой логики — значительной части общества просто надоело потреблять, стало скучно. В России скука — это, видимо, важнейшее из политических состояний, главный двигатель социальной и — иногда — политической эволюции.

Нам говорили, что «плоский» и особенно «сетевой» мир — это мир вне пространств и расстояний. Что было, в сущности, правдой, ибо современные коммуникации давали возможность не только переслать сообщение, но и эмоционально «сопричастовать» событиям в любом регионе

мира, даже особенно не заботясь о понимании того, что там, собственно, происходит. В чём и была прелесть «плоского мира», мира вне времени, мира, в котором жили здесь и сейчас и который существовал здесь и сейчас, в котором всё менялось с калейдоскопической быстротой, и даже «айфоны» стали выходить два раза в год, но ничего не менялось по сути. По прочтении блистательного манифеста Р.Флориды «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» у автора статьи остался немой вопрос: а в чём будущее креативного класса — у него же есть только настоящее. Сетевой мир был миром сменяющихся картинок, но застывшей сути, определявшейся двумя очень похожими формулами: «все так живут» и «мы всегда так жили», хотя так жили сильно далеко не все, и этому миру — от зачатков до пика могущества — было не более тридцати лет: даже меньше одного поколения. Сетевой мир был «химерой» почти в гумилёвском смысле этого слова, но химерой, претендовавшей не просто на глобальное доминирование, но на глобальную же универсальность. Даже простое перечисление ключевых черт «дивного нового плоского мира» наверняка оставило у читателя ощущение противоречивости его черт и вопрос: а как эта конструкция, где нужно было совместить пауперизацию и рост потребления, мог в принципе существовать и развиваться? Но ведь существовал же! А вот развиваться он не мог. Более того, был почти абсолютно нерезистентен к внешнему давлению.

И, надо сказать, шансы на это были. Уже велась не просто концептуальная разработка, но и операционная обкатка сетевого мира, управляемого через систему «глобальных городов» и «форпостов-факторий», в которых глобальный позолоченный «миллиард» (не путать с действительно золотым полумиллиардом и платиновыми пятьюдесятью миллионами) отбивался бы от зомби, наступающих со стороны «великих пустошей», подобно ещё не потускневшему Брэду Питту в фильме «Война миров Z». А что не так? Разве мы не были свидетелями, как за пятнадцать лет нам не просто объяснили, но доказали, что у меньшинств по определению должно быть больше прав, чем у большинства, — ну, чисто из «сострадания». Блестяще об этом написала Елена Кондратьева-Сальгеро в статье с показательным названием «Скромное очарование „незначительного меньшинства”». Механизм оказался проще, чем кто-то мог себе представить — просто надо постоянно говорить, что существует проблема, а если ты не часть решения проблемы, то ты проблема — кто же захочет быть проблемой, не так ли? На наших глазах формировалось некое особое, выделенное из обычного общедоступного мира коммуникационное пространство, а вместе с ним — и пространство социального поведения, в котором действовало сообщество глобальных топ-менеджеров, своего рода «яппи-интернационал». А «пустоши» с населяющими их полчищами зомби — это даже не «изнанка», а просто другая сторона сетевого мира, которую старались не показывать западному, да и российскому

обывателю. Потом, правда, выяснилось, что исламские салафитские движения не просто контролируют какие-то территории, но уютно обосновались в пригородах Парижа, но это будет потом... А ведь это тоже сетевой мир, который развивается по примерно тем же законам и моделям, что и блистающие огнями постиндустриальные анклавы.

В начале статьи говорилось, что «плоский мир» был порождён стратегией США по укреплению своего доминирования в монополярной системе мира, а «сетевой мир» стал естественным, если хотите, функциональным продолжением такой политики. И будут правы. Но химера переросла своего прародителя — Соединенные Штаты — и успешно поглотила бы их, если бы у части американской элиты не выиграло чувство тревоги за будущее. И не сформировалось понимание, что сетевизацию, которая, как выяснилось, будет сетевизацией не только мира, но и США, полноценной сетевизацией с растворением в «глобальном экономическом эфире» и национальной промышленности, и национальной же военной мощи, явно деградировавшей последние двенадцать лет после вторжения Дж.Буша на Ближний Восток, — так вот, эту сетевизацию надо останавливать любой ценой. Даже если этой ценой будет внутренний кризис в США с масштабами похлеще Уотергейта. А масштабы внутреннего кризиса вокруг Трампа уже сейчас гораздо масштабнее Уотергейта.

«Плоский мир», конечно, был очень комфортным для всех, но более всего он был комфортным для двух, кажется, стоящих на разных социальных полюсах, категорий — для «инвестиционщиков» и для «образованщиков». С «инвестиционщиками», рассуждающими об экономике, ни разу не побывав на заводе, спорящими о ценах на нефть, в глаза никогда не видев нефтяной скважины, заключающими контракты на триллиарды воздуха, перемещаемого с одной учётной записи на другую и не имеющего никакого отношения к тому, что в Советском Союзе называлось неприятным словосочетанием «основные фонды», — понятно. Для этой публики, профессионализм которой сводился к знанию инсайда, как правило, отношения к экономике не имевшего (не верите — посмотрите историю «дела „Энрон“» или банкротства «Леман Брозерз») и способности составить в правильном на текущий момент порядке некий набор слов-символов, «сетевой мир» был питательным бульоном, а «плоский» — идеальной средой обитания.

А вот почему для «образованщины», причём, образованщины не «альтернативной», с неизменными нацистами в Антарктиде и хрустальными черепами пришельцев, а самой что ни на есть «мейнстримной»... Почему образованщина сразу же признала «плоский мир» своим? Ответа на этот вопрос нет, но, вероятно, он лежит где-то в сфере диффузии знания и возможностью заменить знание информацией. Вам никогда не резало слух словосочетание «оценочное суждение»? Не кажется ли нам, что этот термин есть суррогат слова «знание», которое мы все любим, но

боимся, ибо «знание» — это ответственность, а «оценочное суждение» есть воплощенное в шелестении слов ощущение, прежде всего, ощущение в предлагаемых обстоятельствах. Не так?

«Плоский мир» был миром, который был дан нам в ощущениях, но не в практическом знании. Это был мир ощущенческого комфорта, если хотите «социальной одинаковости» (вспомните — любимая фраза «интегрированного» в глобальные процессы жителя «плоского мира»: «все так живут»), мир, в котором всё, выходящее за рамки «стандарта», должно происходить очень далеко — по ту сторону экрана телевизора или монитора компьютера. А оказалось, что это может происходить на соседней улице... Тут и начались сумерки «плоского мира».

Нет, «плоский мир» не умрёт мгновенно. Но национализация экономического роста, регионализация торговли и почти неизбежная дедолларизация финансов приведут к тому, что территория «плоского мира» начнет сужаться, как шагреневая кожа, делая эту модель глобального развития всё более и более невыгодной и затратной. Возможность крушения «плоского мира», конечно, пугает, хотя мало кто в действительности осознаёт, насколько глубоко мы в него погрузились. Но ещё больше пугает и политиков, и обывателей возможность возникновения нового мира. И правильно пугает, поскольку главный вопрос, который встаёт в контексте новых геополитических и геоэкономических трансформаций: а с людьми-то что будет? Беда «плоского мира» была в том, что, не замечая многих его черт вокруг себя, люди в массе своей привыкли к его статике, обыденности застоя, которую воспринимали, как «упорядоченность», отвыкли бороться за своё существование даже не в житейском и потребительском, а в социальном смысле.

Трудно будет всем. Даже тем, кого на первом этапе трансформации не затронут прямо. И в человеческом плане трудно, и в политическом, и в моральном. Как писал Л.Н.Гумилёв, бывают времена, когда жить удобно, но противно, и это была почти исчерпывающая характеристика «плоского мира», который был миром воплощённого обывательского комфорта, причём комфорта уже не просто избыточного, но навязчивого. Наступают времена, когда жить, вероятно, будет не менее противно, но уже не так просто. Совсем непросто. Наступают времена и — не исключено, сравнительно долгие — глобальной неустроенности, причём, похоже, неустроенности во всём: и в политике, и в экономике, и в социальной жизни. Всё, что можно сказать, — будет интересно, но это потребует от всех нас нового, прежде всего, морального качества. Нет, не чтобы выжить. Чтобы сохранить себя как народ и как общество.

Но каким будет новый мир — вот в чём вопрос. И тут однозначного ответа нет. Есть сценарии. Попробуем их вкратце перечислить.

Сценарий «Великой Пустоши». Классический и наиболее понятный для современного мира сценарий разделения глобального пространства

на «цивилизацию» и «варваров», которые, как в первой, наиболее яркой версии «Судьи Дредда», живут где-то «за стеной» (неплохая аллегория, правда?), куда сбрасываются отходы жизнедеятельности галлаполисов, где тоже имеется собственная социальная сегрегация. Если кто не понял, «Великой пустошью» в сценарии глобализации «плоского мира» в перспективе должны стать мы, Россия, и ещё слегка Китай в его «западных» провинциях. Так что мы ещё легко отделались. Собственно, разговоры про то, что Арктика и Сибирь не могут принадлежать одной России (конечно, цитата приписывается разным западным политикам, попеременно выполняющим в российском общественном сознании роль злодеев — от М.Олбрайт до К.Райс, но важно то, что такое отношение было частью западного политического мейнстрима) — отсюда. И то разнузданное расчеловечивание условно «русских», которое в действительности постепенно распространяется не только на русских в этническом плане, тоже отсюда. Современная западная политическая философия беременна потребностью нового разделения мира на «своих» и «чужих» и снятия идеологических и философских ограничений на обращение с чужими. Да и в целом идея «нового великого фронта» овладела на Западе массами, а миграционный кризис её осуществления не отменил, но отложил. Главное в данном сценарии — статичность. Этот мир изначально предполагается нединамичным, а граница — практически вечной. Если хотите, это сценарий антиглобализации, и к нему в разных трактовках тяготеют различные «новые правые». Не исключая и Дональда Трампа, который начал своё президентство с провозглашения необходимости построить «стену».

Сценарий «Острова в океане». Несколько слабо связанных между собой на уровне социального взаимодействия центров экономического роста, которые ведут между собой борьбу с периодической стрельбой, но в «договорных» масштабах, в рамках локальных войн за ресурсы. Теоретически возможная конструкция, особенно в случае государственной и социальной деструкции в потенциальных зонах соприкосновения (Восточное Средиземноморье, Западная Африка, западная часть Юго-Восточной Азии, как бы коряво этот термин ни звучал), превращающихся в «дикое поле», где можно демонстрировать последние достижения своей промышленности, науки и искусства войны, не заботясь о судьбах местного населения. Ничего нового, примерно так «великие державы» действовали в Африке, в Восточной Азии ещё в начале XX века, да и много где. Проблему составит лишь наличие развитых систем коммуникаций, которые позволяют «квантовое», а не только «волновое» перемещение людей, культурных стереотипов, болезней, денег, а значит, и образа жизни. Изобрести их обратно уже явно не получится, так что если «острова» и будут плавать по воле волн в океане относительной геоэкономической свободы, то недолго. Рано или поздно произойдёт столкновение и, вероятно, там, где оно происходило почти всегда — в Средиземноморье.

Просто посмотрите на карту. Этот регион не минует ни один «остров», претендующий на расширение своего экономического влияния, а такова уж сущность капитализма в любом его изводе.

Сценарий «Сражающиеся царства» (или «Игра престолов» — тут уже кому что ближе) по сути является продолжением американских трактовок глобальной многополярности, которую в США считают злом абсолютным. Сценарий вполне реалистичен, поскольку распадающаяся система глобализации оставляет слишком много точек соприкосновения между непримиримыми в долгосрочном плане сообществами. Непримиримыми, но не по религиозно-идеологическим причинам, и даже не по социальным, а по экономическим. И стартовой точкой может стать сложившаяся в последние тридцать лет логистическая «чересполосица», которая создаёт ситуацию заведомой неэффективности и рисковости континентальных коммуникаций. Которую каждый из нас может наблюдать на примере трансконтинентальных проектов, да и проекта «Северный поток 2». Собственно, сетевой мир и появился как концепция и попытка политической практики для того, чтобы сократить количество таких точек соприкосновения. С политической и военно-политической точки зрения сценарий ещё более циничен: победить врагов поменьше, чтобы претендовать на «великий престол», который, понятное дело, должен и будет находиться в США, чтобы затем, бросив вызов глобальному гегемону, будучи ослабленным в предыдущих битвах, героически пасть под железной пятой американской демократии. Попутно обеспечив американской аристократии очередные тридцать лет — целое поколение — спокойной созерцательной жизни. В этом сценарии есть главный изъян: США должны сохранять длительное время в качестве абсолютно доминирующей военной силы, способной насаждать и демократию, и своё национальное величие без применения ядерного оружия (поскольку при его применении ко всем участникам сценария приходит злой старик Гамова и сестра его Радиация). А сохранение США безусловной военно-экономической гегемонии выглядит всё менее и менее бесспорно и по военно-политическим соображениям, и по экономическим.

Сценарий «Новая Великая Ганза». Вполне возможен в случае возврата власти в США к классическим глобалистам, которые, будучи уже не в силах сдерживать процесс регионализации мировой торговли и промышленности (вероятно, здесь «точка невозврата», и правда, пройдена) будут пытаться сохранить контроль над глобальными инвестиционными и расчётными системами, а также глобальной и межрегиональной логистикой. И тогда, действительно, дедолларизация для них опаснее усиления российского военно-политического присутствия на Ближнем Востоке или усиления влияния Китая в Африке. Фактически этот сценарий будет означать повторение рахдонитской химеры древнего, изначального Великого шёлкового пути (не путать с нынешней китайской версией

проекта, которая много более «привязана к земле», не дели её прародитель, хотя для этого понадобилось пройти долгий путь), но на преимущественно морских коммуникациях. И тогда понятна роль Д.Трампа как американского Угрюм-Бурчеева, который должен сжечь город и потом построить его на новом месте. Если получится, конечно. Данный сценарий приведёт к возникновению весьма причудливого «мира факторий», который будет в наибольшей степени соответствовать тому «новому средневековью», о котором последнее столетие говорят философы.

Сценарий «Перестройка» против «Ускорения». Упрощённо — это сценарий конкуренции или более жёсткого противоборства постиндустриального «мира», который даже может частично оставаться и сетевым, с «миром» неоиндустриальным. Мира, который производит некие глобальные смыслы, коммуникационный мейнстрим с миром, который производит мейстрим овеществлённый, но хочет пользоваться смысловыми достижениями, производимыми оппонентами. Это противоборство будет по определению асимметричным, в котором неоиндустриальному миру нужны будут ресурсы, прежде всего, природные, а также доступ к логистике, а постиндустриальному — рента от использования природных ресурсов и логистики. Но оба мира будут стремиться оставить за собой механизмы монетизации использования ресурсов, чтобы управлять промышленным и — в целом — социально-экономическим развитием оппонентов. Пока такой сценарий противоборства представляется наименее вероятным, хотя со стратегической точки зрения он самый интересный: во-первых, он даёт шанс на относительно быстрое преодоление регионализации глобального пространства и восстановление с естественными ограничениями и изъятиями экономической глобализации. Ибо в противном случае противоборство бессмысленно. А, во-вторых, двухполюсная организация глобального геоэкономического пространства является относительно более устойчивой по сравнению с проектируемой некоторыми глобальными игроками многополярностью или гибридной полутораполярностью последних пятнадцати лет. Но этот сценарий предъявит наиболее жёсткие требования и к России, если она собирается сохранить свой государственный суверенитет.

Понятно, что какой-то «строгий» сценарий в современном мире вряд ли возможен, и мы столкнемся с некими «гибридными» формами новой глобальной политической и экономической архитектуры. Но примерные рамки развития постглобального мира эти сценарии описывают. Зависит ли реализация того или иного сценария от нас... Трудно сказать. С одной стороны, нет, ибо «политика больших чисел» не терпит суеты и игнорирует частности. С другой... Именно в такие переломные моменты истории (нет, не так — Истории) роль личности, её способность изменять уже сформировавшиеся процессы является наибольшей. Была бы личность. И люди вокруг неё. А культ... Культ перетерпим.

О ВАЖНОМ В ПРОЗЕ И В СТИХАХ

© Художник Андрей Карапетян

Ирина Павлова
(Россия, Москва)

Киновед, кинокритик, сценарист, эссеист. В общем, что вижу, про то и пишу.

Большую часть жизни прожила в Ленинграде, потом переехала в Санкт-Петербург, а потом и вовсе в Москву — как декабристка, вслед за мужем. Так теперь в Москве и живу. Художественно руковожу Российскими программами Московского Международного кинофестиваля — без малого 15 лет, и программами Санкт-Петербургского кинофестиваля «Виват кино России» — уже больше 20 лет. Видимо, руковожу неплохо, раз до сих пор не турнули.

Живу довольно давно, много видела и много помню, иногда вспоминаю на бумаге.

Упрощенчество

Переписываюсь с коллегой, с которым мне приятно профессионально общаться: он умён, образован, профессиональные тексты его я читаю с увлечением, и они мне всегда интересны.

Он мне жалуется на то, что не может сам у себя убирать длинноты в тексте.

Я, если честно, вначале даже не понимаю, о чём он говорит: какие ещё длинноты.

Переспросить стесняюсь, говорю, что длиннот не вижу (я сама зачастую страдаю от того, что не умею сокращать собственные тексты — мне всё кажется важным — иначе бы зачем я это писала).

Правда, я в последние годы стала грешить излишним разжёвыванием того, что раньше писала впроброс — не боясь быть непонятой.

Но пару раз оказавшись непонятой, стала дуть на воду: расшифровывать намёки и остроты, — это результат печального опыта. Хотя результат и неприятный: расшифровывать *bons mots* — это как пересказывать соль анекдота. Получается почти всегда глупо, но что поделать, если читатель перестал понимать *bons mots*?

Словом, длиннот не вижу, но зато вдруг понимаю, о чём он говорит.

Он говорит о внезапно наступающем каждого пишущего человека вольном полёте мысли, когда текст не движется по прямой, а цепляется за разные кустики-травинки, начинает двигаться зигзагами, и читателю, не умеющему следить за авторским ассоциативным рядом, резко становится непонятно — о чём это.

И, соответственно, такому читателю становится скучно.

Это то, что в мои школьные годы на уроках литературы называлось «авторскими лирическими отступлениями», и что туповатый нерадивый школяр, как правило, пролистывает, не читая, а литературный гурман смакует с наслаждением.

Сегодня это называется «длинноты», и от этой всей «литературы» теперь, оказывается, надо избавляться.

Самому автору своего полёта мысли жаль, а редактору с ножницами нет — так пусть уже редактор и отрезает.

Ага.

Меня передёрнуло от моего понимания.

Мне, например, жаль не только своего, но и чужого полёта мысли.

И вот теперь прочла это прямым текстом в ленте ФБ.

Другой автор, читать которого мне тоже всегда интересно, пишет обычный такой текст по довольно обычному поводу.

Ход его мысли, обыкновенно, извилист и не прям, но и результаты часто неожиданны, и предсказать конец фразы, читая её начало, зачастую невозможно.

Парадоксально пишет и не расширяет, не разжёвывает, не снисходит до нерадивых школяров.

Пишет для профессионалов, заведомо предполагая понимание, не step by step, а нередко оставляя промежуточный мыслительный процесс «за кадром».

И получает в комментариях: «сложен ваш слог, но я продираюсь».

Эта фраза, в сущности, означает, что прозаические тексты Пушкина, Толстого, Тургенева (не говоря уж о более ранних) сегодня для чтения отменяем. Что читаем только сюжетные дайджесты. Что это и есть сегодняшнее нормативное чтение.

Приехали.

И тут я стала задумываться о том, что вообще происходит сегодня с языком — не с точки зрения возникновения в нём кучи дебильных неологизмов и иноязычных вкраплений, а с точки зрения литературных стилей.

Что с моим личным языком происходит, в конце концов.

Он инфантилизируется.

Мы все начинаем писать и разговаривать на языке шестиклассников, без подтекстов, намёков и ассоциаций, почти без тонких острот.

На языке, понятном человеку, который никогда не учился и не будет учиться чтению мало-мальски сложного текста.

Который никогда не станет пытаться проникнуть в наши сложные (да и несложные тоже) ассоциативные ряды и ходы.

И мы с этим уже не просто смирились, мы с этим согласились.

Мы называем теперь это длиннотами.

Мы просим кого-то стороннего нас упростить — коль скоро сами упроститься пока ещё не умеем.

Но готовы.

Но даже стремимся к этому.

Нет, граждане, лично я — против.

Амирам Григоров
(Россия, Москва)

Поэт, публицист, автор прозы, из Баку. С 1993 года проживает в Москве. По образованию — врач-биофизик (РГМУ им. Пирогова). Учился в Литинституте имени Горького на отделении поэзии, в академии Торат Хаим. Работает преподавателем. Пишет с 2006 года. Член СПИИ (русскоязычного). Стихи Григорова переводились на иврит, армянский и грузинский языки.

Половина луны

* * *

Точка в небе звезда погляди как светло запятая
 Это капля дождя на стекле это ночь так бела
 Сколько нужно любви до земли где сирень зацветает
 От зимы где она не вчера отцвела
 На садовом кольце рассадив корешки надрывают
 У бесценных бумаг собирая билетный улов
 А плацкартный вагон — незаконный потомок трамваев
 По бульвару ползущих от чистых прудов
 И летит впереди колыбельная долгого стука
 Ангел мой семафор разбивает металл о бетон
 И приснится в пути будто стрелочник целит из лука
 В уходящий состав как оранжевый бок купидон

* * *

Сангиной лужа прорисована,
 Листва летальная не радуется,
 И клёны, пёстрые, что клоуны,
 Торчат за цирковой оградой,
 И каждый день тебя касается
 Листвою, ласково слетающей.
 Ну, здравствуй, редкая красавица,
 Для октября погода та ещё.
 Над суши-баром «Каракавица»
 Луна сушёная, готовая,
 И по трамвайным рельсам катится
 Не голова моя — Садовая.

Скажи, достаточно метаться ли
 И вязнуть меж двумя столицами,
 Давай, замутим левитацию
 Над левитановским Царицыно,
 Ты скажешь: «Ничего не кончено»,
 И скажешь: «Будет всё по-высшему»,
 Своим ваганьковским вагончиком
 Гремя по облаку повисшему.
 И снова на Зоологической
 Стада слонов твоих протопали,
 Твоё осеннее величество —
 Плющиха, Азия, три тополя.

* * *

Проснёшься вдруг — до шорохов метлы,
И гулкой мрак, лишь изредка менты
Проедут по сплетению дорог,
Где одинокий светится ларёк
И дремлет превратившийся в аул
Кусок Москвы на Пресненском валу.
«Беги туда, мой свет, беги, беги
К бескрайним водам медленной реки».
Когда-то, в общежитии пустом,
Бутылки громоздились под столом,
И, с девушкой товарища, одни
Мы из окна смотрели на огни,
На город свой, а город весь погас,
И мчались тучи в предрассветный час.
«Беги туда, мой свет, беги, беги
К бескрайним водам медленной реки».
Я на неё старался не смотреть,
Не по себе мне было, и про смерть,
Про индуизм, вдову и палача
Она вещала, в воздухе чертя
Горящей сигаретой. Мир жесток.
Ночь избывала, и белел восток.
«Беги туда, мой свет, беги, беги
К бескрайним водам медленной реки».
Мы не встречались больше никогда.
И помню, как последняя звезда
Скрывалась с неба, предпоследней вслед,
Там, где чернеет Университет
И спит в росе автомобиль ГАИ.
Прощайте, девяностые мои.
«Беги туда, мой свет, беги, беги
К бескрайним водам медленной реки».
«Она пропала в Индии, братан», —
Товарищ мне сказал, а я врата
Представил, в темноте, в земле иной,
За ними — реку, с море шириной,
Чьи берега огнём покрыты сплошь —
Горят ряды людских змеиных кож.
«Беги туда, мой свет, беги, беги,
К бескрайним водам медленной реки».

Московский ресторан Динамо

«Теперь армянскую давай!» —
 Поднявшись, крикнул дядя Яша,
 И затянули «ара уай»,
 И вот уже ползала пляшет,
 Тотчас, толкаясь, в круг бегут
 Простых два горца, с виду — братья,
 И чьи-то тётки из Баку,
 В расшитых зеркалами платьях,
 Не растерявшие корней,
 Лезгинку показать готовы,
 И задыхается кларнет,
 Гудя, как ветер на Торговой,
 А я вдруг вижу: огоньки

В осеннем воздухе повисли,
 Над чайханою «Пюррянги»,
 Увитой виноградом кислым,
 Печаль оливковых аллей,
 Которой поделиться не с кем,
 И первой девочки моей
 Дом на углу Красноармейской,
 И море пенное, с кормы,
 И сень с побегами паслёна
 Там, где соседские холмы
 На русском кладбище снесённом.
 «Не стыдно, слушай, ай киши?»
 На языке бакинских урок
 Мне говорят: иди, пляши,
 А я заплакал, как придурок.

* * *

Можно увидеть, если глядеть назад,
 Небо без самолётов, флот без морей,
 Пахнувший Подмосковьем ботанический сад,
 Жёлтые пики, упавшие с тополей,
 Плоскую крышу корпуса, институт
 С диким названьем, «май» или «мирэа»,
 Там, где студенты вечные водку пьют, —
 Вечные, оттого что не думают умирать.
 Если ты счастлив, поступь твоя легка,
 Белые мои сумерки, дымные клёны мои,
 И над Москвой-рекою беглые облака,
 И над девичьим полем, над мирэа и май
 Что там учебник физики, о притяжение тел
 Девочки из общежития знали всё наперёд.
 Ты торопился в метро, я вслед тебе поглядел
 И над высоткой блестел единственный самолёт,
 Как же ты потерялся, крепкий и боевой,
 Что ты там думаешь, если сквозь ночь и тишь
 Из непонятого людям космоса своего,
 Жуткого и безмерного, ты на меня глядишь?

* * *

В кармане с немеряной суммой дыру залатаю,
 Меня не забудешь, не думай, моя золотая.
 Захочется сердца на блюде — достану не споря,
 Я буду ручной чудо-иде из южного моря,
 Вскипевшего резко и бурно. Наверно, успеем
 Нарезать на кольца Сатурна по рельсам сабвея.
 А жизнь — не кастет по затылку, а жизнь — это вектор,
 Сквозь пробки в невинных бутылках столичных проспектов,
 Придётся полжизни отдать им. Меня не обидишь.
 Я твой безымянный солдатик, забытый, как идиш.

Городу

Ты спишь и не знаешь, что за ночь, как бляха, надраен
 Людьми в апельсиновой одежде,
 Как прежде, бессонны вокзалы — посольства окраин,
 Бессонны, как прежде,
 Мне пасть после литра, хоть я это знание отрину,
 Теперь, хоть не хочешь, а падай,
 И мне по арбату твои дорогие витрины,
 Ломбарды, лампы.
 Не бей меня с лёта, не шли мусорскую повестку,
 А дай золотую истому
 Пустому бульвару, что вытерт ветрами до блеска,
 Бульвару пустому.
 Теперь ты богаче, нежнее и мягче, понеже
 Приезжих уже не линчуют.
 Давай и сегодня с тобой никого не нарежем,
 Тебе прошепчу я.
 Ответишь у выезда, там, где мазня на заборе,
 Где гаснут огни твои чайных,
 Печальным напевом, московским, знакомым до боли,
 Напевом печальным.

* * *

Как сладко не спится под рокот ночного трамвая
 Возьмётся возница везти до черты Разгуляя,
 Выходят навстречу таджики, сельджуки, османы,
 В тумане овечьем на траверсе Старой Басманной.
 А сумрак трепещет и горек, как будто наперчен,
 Глаза его вещи и плачут под *arrivederci*,
 Он пахнет шагренью, шипами высоток окован.
 Москва наше время, другого не будет такого.

* * *

Вот-вот прикроют русские бистро
 Снесут все тенты, спрячут всё квасное,
 И голый сквер запахнет так остро
 Всеобщим возвращением к перегнуто.
 Я помню эту осень в двух веках,
 До тополей, что в переулке Тёплом,
 До патины на бронзовых руках
 Калинина, до ржавчины на стёклах,
 Ещё до всех погромов в новостях,
 До красных луж узбекского портвейна,
 И мусора, залиvisto свистя,
 Сгоняли нас с брусчатки мавзолейной,
 Ещё цвели невзрачные кусты,
 И гром рычал, субботний день венчая,
 У водосточных рукавов пустых
 Раскачивались пальцы иван-чая,
 Москва скрывалась плёнками дождя,
 И, сквозь туман, не говоря ни слова,
 Ты мне рукой махала, уходя
 По переходу площади Свердлова.

* * *

Половина луны половицей висит над высотками,
 И советские звёзды из мокрого золота сотканы,
 И косые сирени, от сока весеннего лопаясь,
 В новодевичий сад распустили курчавые лопасти.
 Не поверишь, Москва, по весне я твой ряженный суженый,
 Накрывай мне большую Полянку для позднего ужина,
 Как хочу цепенеть от великой любви твоей липовой,
 Вот французские булки везут от пекарни Филиппова,
 И гуляки идут по домам, стукнув кружками по столу,
 Ты послушай, как сладко звонят у Филлиппа Апостола,
 Как на древних скамейках, обнявшись, воркуют любовники,
 И рогатый троллейбус торопится к стойлу в Хамовники.
 Ты меня не найдёшь, не поймёшь, не окликнешь по имени,
 Позабытым клубничным кваском, попрошу, напои меня,
 Угости шаурмой, если все расстегайчики кончились,
 Попрощайся Москва, убежали в луга твои гончие,
 Хочешь, буду твоим до грядущего звонкого петела?
 Отвечай же, Москва! А она ничего не ответила.

* * *

Всё прощай даже лето не вечно
 Тёплый ветер и дым
 И крылатые твари Твои покидают скворешни
 И базаров съестные ряды
 Раскалилась до будущих ливней
 Вся страна добела
 Только прошлая жизнь с каждым годом добрей и наивней
 Чем когда-то была
 Тишина угнездилась на пресне
 Мир исполнен тоски
 Лишь в открытом подъезде поклонники авторской песни
 Голосят про гитарный изгиб
 Прихватив сигареты и поило
 Мы как тени легли
 И горят над Москвой голубые мечети лукойла
 И палаты бюльбюля оглы

* * *

Вселенная, вплетённая в орнамент снежинок на меху
 Дух Шехтеля витает над волнами Ом мани падме хум
 Как ты уснёшь, любимая, навеки, застылая слегка
 Когда монголо-татские набеги на белые снега
 Забудутся, как утлые сугробы кончаются весной
 И я храню кирпичный твой акрополь, твой гонор наносной,
 Твои чуреки, суши и ризотто, весенние пальто,
 Пока кардиограмма горизонта не вышла на плато.
 Как я усну под шёлковой накидкой для слов и аллилуй,
 Ты заберёшь назад своей Никитской морозный поцелуй
 И звёзды позолоченных наверший завянут над Москвой,
 Как меркнут фотографии умерших на день сороковой.

* * *

Теперь проснёшься, как разбуженный, а свет по городу летит,
 И воробьи парят над лужами, нагуливая аппетит,
 И будто мы шагаем об руку, весной напитываясь властью,
 А рыболов на древнем облаке свою настраивает снасть,
 И там, где меркнет свет, на выходе в такую вязкую весну,
 Кого из нас под вечер выхватят, кого уловят на блесну?
 Деревья истекают слёзками, трава щетинится кругом,
 Где облака твои неброские, в московском воздухе тугом,
 Весной, над стенами Баженова, пока шаги мои легки?
 И лишь Василия Блаженного не уплывают поплавки.

Пуговишников переулок

Печаль твоя близка и средь несметной тьмы,
 Нам шепчут у виска ветра моей Москвы,
 Вишнёвая жара легла до Вишняков,
 А нам с тобой пора на Пуговишников,
 Где вытекает ночь из пуговичных глаз.
 О, не гони нас прочь, и не раздумай нас,
 И не пугай, как мрак из незнакомых мест,
 Нас всех догонит рак, грудная жаба съест.
 Что крылья мотылька, сгораем, ну и пусть,
 Люби меня, пока тебе сегодня снюсь.
 Скажи, всё ерунда, хоть видится большим,
 Дорога в никуда, и мы туда спешим,
 Как золушка на бал, уж несколько веков,
 И первый снег упал на Пуговишников.

* * *

Там, за борисовской волной, где у плотины сохнут тени
 И дремлет яблонь ветхий строй среди разбойничьей сирени,
 Там, где церквушка Божий гнев отводит, по колено в иле,
 Спилили несколько деревьев, и голубятню разорили,
 И в час, когда за третий Рим текут ветра его в истоме,
 Взмывают к небу сизари, и каждый кажется бездомным,
 А в их разровненном дому, где стынут новые рябины,
 Теперь не слышен никому бесплотный лепет голубиний.
 Щебечет гравий привозной, и комариный воздух клеек,
 А ты, разбуженный весной, вдруг закемарил меж скамеек,
 И проступил сквозь пустоту мир, бывший проще и понятней,
 Где эти яблони в цвету, и вечный свет над голубятней.

* * *

Скажи это лично — что ждать до сих пор не устала,
 Пока электричка минует пустой полустанок,
 Который крест-накрест кладбищенской сказкой подёрнут,
 И площадь грязна, как советский червонец потёртый.
 Скажу это лично — судьбу не желаю иную,
 Когда электричка пустой полустанок минует.
 Под лампой желтушной — валун ли, могильный ли камень,
 Лишь чертит картуши бессрочная ночь светляками.
 Я лягу пораньше, ты скажешь, любимый, так жаль, но
 Пусть блеет барашек до присвиста раны кинжальной.
 А родина — только созвездье сигналов на трассе,
 Разлука надолго, ночлег на нечистом матрасе,
 Кронштейны и свечи, глухие заборы и штольни,
 До встречи, до встречи, давай поцелуемся, что ли.

* * *

Поверь мне, свет, а не поверишь — тьма,
 О юность золотая, пыл твой вечен,
 И наползает заново зима
 На голые сады Замоскворечья,
 Где холм прибрежный, что изгиб плеча,
 Где царство прошлогоднего бурьяна,
 И где трамвай на площадь Ильича
 Бежит, свистя мехами от баяна,
 Где на свету, на самом козырьке,
 Под звёздами далёкими, под утро
 Я поплыву в твоей Москве-реке
 Под старческими пятнами мазута,
 Опять туда, где утки над водой,
 Где фонари похожи на конверты
 И где закуришь, словно молодой,
 И выпьешь безоглядно, как бессмертный,
 Туда, где костяки твоих деревьев,
 Где каланча, что твой могильный камень,
 Где улицы, печаль твою презрев
 Вослед звенят трамвайными коньками.

* * *

О. А.

Выходит так, что связаны с тобой
 Места, где до тебя бывал бесщётно.
 Где тонкий мост, невидимый прибой
 И бронзовые монстры на Болотной,
 Хазарский двор, твою хранящий тень,
 Таганский ливень под случайной бровкой,
 И «Третий глаз» закрытый, и сирень,
 Зевок мотора в паузе неловкой,
 И так легко, что впору умереть,
 И будет петь очередной асадов,
 Как мелкий клевер прорастает средь
 Делянок ботанического сада,
 Про путь кружной, про кислое ситро,
 Про павильон царицынский с Минервой,
 Про благовест Коломенского, про
 Безудержные яблони, и первый,
 Наш лучший год. До самого тепла,
 Пока земля не заберёт обратно.
 Посмотришь вверх — как при тебе, легла
 Звезда над переулками Арбата

* * *

Застрял трамвай подобьем танка, дрожа железным животом,
 И растворяется Таганка, плывёт в сиянье золотом,
 Чета выгуливает сына, в снегу, размякшем что кисель,
 И в парке Прямикова стынет заброшенная карусель,
 Крупицы снега на ресницах, и растекается толпа
 Столика, верней, столица, и, словно войлочный колпак,
 В снегу таганская высотка, кофейным пахнувший зерном
 Иллюзион, больница, Сотка и птичий рынок за окном.
 Хотя не так. Всё по-другому. Глядят старухи из окна,
 И отзовётся управдому в гвоздиках красная стена,
 Жара и пыль, провисли шторы, окурки падают в траву,
 И всесоюзные актёры несут Высоцкого в гробу,
 Спят олимпийские медведи и одуванчики цветут,
 Печаль вселенская и ветер, в саду — качели и багут,
 Фонтан, похожий на корыто, а лилии — на лук-порей,
 И монастырь, ещё закрытый, без колокольни и церкви.
 Песок, бурьян и недотрога, пух тополиный, грязь и тишь.
 И, кажется, ещё немного, ты постареешь и взлетишь,
 И станешь музыкой чудесной, снежинкой, тающей во рту
 У вечной улицы, под бездной, переходящей в пустоту

* * *

Бежать сквозь тамбур делом плёвым
 Ты счёл, конечно, сгоряча,
 Когда посадский с диким рёвом
 Прошёл Заветы Ильича,

А контролёрам крыть по маме
 Видать, совсем не запахло,
 И лишь светило над холмами
 Встаёт и жарит сквозь стекло,

Ещё цыганки ходят стаей,
 Культурных граждан разводя,
 И вечный лёд на окнах тает,
 Сходя подобием дождя.

А мы уходим с карантина,
 В тоске безбрежной, как во тьме,
 Когда безногий с концертино
 Поёт протяжно о тюрьме.

Гляди, края твои родные:
 Бескрайний лес, тоннель, забор,
 И дуют в тамбуре блатные,
 Пустив по кругу беломор,

Но где тот свет в конце маршрута,
 Осенний морок, майский гром?
 Лишь солнце встанет на минуту
 Над небольшим твоим холмом.

* * *

Расслабься, запусти в себя винище,
Привычный ход вещей не нарушая,
Смотри, покамест выход не отыщем,
Дрожит под сводом бабочка ночная.

Гуляет город, светел и обилен
В картуши драгоценные оформлен,
И рвутся голоса автомобилей
С подсвеченных верёвок светофорных.

Давай разок по маленькой, и снова
Войдёшь в зенит и воспаришь, как беркут,
И погляди — достаточно спиртного,
Чтобы виденья прежние померкли,

Где голова моя совсем ослепла,
В чужой земле надбровьями белеет,
И бабочка, твоя частица пепла
В пустынные влетает пропилеи.

* * *

Жанне Свет

Где-то в марте, в первой половине,
Там, где белизна ещё густа,
Столько сновидений наловили
Рыбаки с Кузнецкого моста,

Оплывали поздние сугробы,
И весна, захватывая власть,
На московский двигалась акрополь,
Умер Сталин, мама родилась.

Только за Даниловской заставой,
Дескать, погибай моя душа,
Облака бежали за составом,
Лопастями ватными маша.

Что осталось? Трикотаж озимый,
Керогаз, тарелки и ножи,
Чемодан с игрушками, корзины
И звезда над городом чужим,

Над землёй размашистой, сонливой
Сеяла бесцветную крупу
Там, где Русь мечтает о проливах,
Закусив печорскую губу

* * *

Скопился сумрак и, почище сепии,
Темна его ворсистая камча,
Луна в квадрате, степь в четвёртой степени
И бедность вкупе с лампой Ильича.

А где-то там, за плоскими просторами,
Цветочный снег просыпался с простынь.
Ты не простынь. Над поездами скорыми
Несутся выюги, отпустив бразды.

Но измельчают, звуками обточены,
Куски молчанья в кратком полусне,
И соляным колоссом у обочины
Я никогда не стану по весне.

* * *

Закрыт базар на пригородной станции,
Пустынен путь, кругом ни огонька,
Никто не вспомнит вечеринок с танцами
Напротив керосинного ларька,

Засохли вишни, и заборы рухнули,
Забиты окна, без филёнки — дверь,
Куда-то делись лавки со старухами,
Верней, понятно, где они теперь,

И деревянный терем парикмахерской,
Куртиной мха с торца оволосев,
Повален набок силою анафемской,
Вошедшей в раж на средней полосе,

А с двух сторон — движение дорожное,
И по мосткам, над старицей реки,
В Москву — с товаром, из Москвы — порожние
Несутся в темноте грузовики,

Их морды светят ямами белёсыми,
Рычат валы, сцепления хрустят,
И побоишься сгинуть под колёсами,
Неся до дома полведра опят,

Россия спит под грозовые сполохи,
И, еле слышно, птица Гамаюн
Поёт, и осыпаются черёмухи
На землю предпоследнюю мою.

* * *

В гремящем тамбуре молчишь, закат неодолимо горек
Над треугольниками крыш и позвонками новостроек,

И вдруг какой-то мужичок минуточку верную находит,
Встаёт, и, дёргая плечом, петь принимается в проходе.

Знакомы эти песни всем, про мусоров и птицу в клетке,
Про травы первые в росе и друганов на малолетке,

Про бесконечные поля, про стужу зимнюю и вихри.
И замолчали дембеля, студенты пьяные притихли.

Тут отвернёшься, лбом в металл уткнёшься, улыбаясь, с тем лишь,
Чтоб слёз никто не увидал, и будет позже, как задремлешь,

Любовь святая, на века, кульки с крыжовником, рассада,
И будут падать облака за колокольнями Посада.

© Художник Андрей Карапетян

о. Андрей Ткачёв
(Россия, Москва)

Родился во Львове, в 1969 г. Был настоятелем храма преп. Агапита Печёрского в Киеве, публицистом, ведущим телепередач. Сейчас служит в Москве. Публикуется во многих изданиях русскоязычной прессы.

Когда поёт муэдзин...

Что делать, о чём думать русскому человеку, когда поёт муэдзин? Можно предварить разговор вопросом: а где вы слышали, как поёт муэдзин?

В ответе тысяча вариантов. Вы, например, русский человек, волею судеб живущий в Узбекистане, Таджикистане, Татарстане и так далее.

Или: вы русский человек (всякий раз подразумеваю — православный), поехавший на отдых в Эмираты, Египет, Турцию, Марокко и так далее.

Или: вы просто русский человек, живущий близ Поклонной горы или Олимпийского в Москве. Или в другом месте, хоть и в Крыму, там, где мечеть совсем не далеко, и азан (призыв на молитву) слышен.

Одним словом, русскому человеку (всякий раз подразумеваемому как православный) выпадает многократное «счастье» слышать, как поёт муэдзин. Кстати, красиво поёт, как мне кажется. Искусно. Не просто орёт.

И что делать? О чём думать?

Легче всего в Москве думать: понаехали.

Легче всего испугаться чужой речи. И ребёнку сказать: Слышишь? Злой дядя поёт. Не будешь слушаться, он тебя с собой заберёт. Это бабайка.

Можно возмутиться многочисленностью представителей чужой веры и культуры.

Но всё это дичь и чушь, свойственная пугливым от безбожия душам. Точно так — пугливым от безбожия.

Скажу прямо. Я предлагаю при звуках азана, услышанных случайно или слышимых регулярно, молиться. Молиться нашему Богу, и молиться нашему. Отче наш, Богородица, Верую — и далее, что у кого в уме и памяти.

Пусть дёргаются при этих словах атеисты, мульти-культуралисты и прочие -исты, один другого страннее.

Конечно, муэдзин не нас на молитву зовёт. И те, кого он зовёт, не нашему молиться будут. Но всё же он зовёт на молитву! Он не кричит: «Идём водку пить! Идём футбол смотреть! Идём с девками знакомиться!» Или, типа: «Васька! Пойдём во двор, в картишки перекинемся».

Ничего такого он не кричит.

Кстати, что он там кричит?

У суннитов и шиитов призывы к молитве различаются чуть-чуть. Совсем не сильно. Утром у шиитов к обычным призывам, кажется, добавляют «Молиться лучше, чем спать» (Если я ошибусь, меня поправят специалисты).

Оно и правда. Лучше.

Ещё у них же кричат: «Идите, займитесь лучшим делом в жизни» — (молитвой, то есть).

А вообще кричат-поют, что Бог велик, что Ему подобает хвала, Ему подобает пение. Ему слава подобает. Как в псалмах у Давида поётся. Ислам же многое перекрёстно впитал от иудейской и христианской традиции, поскольку возник позже, плюс — на перекрёстке разных религий. Ничего плохого там не кричат. И слово Аллах, кстати, означает Единого Бога не только у мусульман, но и у арабов-христиан, которых много, и которые древнее русских.

В нашей традиции словесный призыв к молитве отсутствует. Есть звуковой и бессловесный аналог — колокольный звон. Колокол наш сам по себе так свят в звуке и так красив, что мусульмане под страхом смерти запрещали христианам в покорённых странах звонить в колокола. Конкуренции и скрытой проповеди боялись. Однако язык колокола внятен далеко не всем.

А ну, спрошу вас, русских, условно-поголовно православных. Что вы говорите, когда колокольный звон услышите?

Вы читаете Отче наш? Или вы креститесь со словами «Господи, помилуй!»? Или что? Ничего? А может, вы просто млеете от эстетического удовольствия и никаких молитвенных ассоциаций колокол у вас не вызывает? Тогда мусульмане лучше вас. Они конкретно молятся, слыша словесный призыв. А вы конкретно не молитесь, пока гром не грянет, и всё остальное для вас — только эстетический (в данном случае — акустический) десерт к безбожной жизни. Исчезнуть с карты мира захотелось?

Молиться надо.

Неужели не понятно? Молиться надо много. Лучше всегда и «непрестанно» по Апостолу. А если нет, то те, кто молится не по-нашему, не с нами, не по нашим книгам, но всё же молится, те будут лучше нас. Лучше всего этого спесивого фарша, не умеющего перекреститься, но чем-то постоянно горящегося.

Ура-ура без молитвы — дырка.

Молящиеся народы сильнее, живучее, плодовитее народов не молящихся. За ними и будущее, если хотите знать. А за прочими — бесплодное и обиженное бульканье в углу.

Так что если вас (и меня с вами, вестимо), русских, рекомых православными, ни церковный календарь, ни совесть ни что иное на молитву не зовут, то расслышите призыв к молитве хотя бы в голосе муэдзина. Если вы на отдыхе в Эмиратах. Или в Таджикистане проживаете.

Муэдзин своих зовёт. Не вас зовёт. Но вы проснитесь.

Вот, мол, люди Бога славить по-своему идут. А я, пенёк, годами без молитвы живу. Как не стыдно!

Помолюсь-ка и я под чужестранный призыв. По-нашему помолюсь.

Отче наш. Богородице Дево, радуйся. Помилуй мя, Боже. Верую. И так далее по списку. У кого что в голове и памяти.

Такой мне видится здоровая реакция здорового духом русского человека на иноязычный крик с минаретной высоты, в котором всякий различит слова

«Аллаху акбар»

Поводов к этому разговору множество. Что по месту жительства некоторых, что на отдыхе.

Ну, а если русские за молитву, так или иначе, не возьмутся, то пусть читают Иеремию пророка. Там всё про таких написано.

Литераторские мостки (накануне Лазаревой субботы)

В Москве ещё идёт снег и температура минусовая, а в Питере солнце, лужи под ногами, и столько тепла в воздухе, что любой мерзляк оставляет шапку дома и выходит на улицу одетым по-весеннему. Это приятная странность. Потому что стоит ли объяснять, что обычно всё бывает наоборот? Окно в Европу Пётр Великий изволил прорубить с той стороны, где сыро и влажно, ветрено и неласково. И краски, которыми он вписал в чухонский ландшафт свою архитектурную фантазию, состоят в основном из мрачного величия и грусти. Как обелиск на кладбище.

Совершенно естественно поэтому, будучи в Питере, заглянуть в одно из тех мест, где спят на земляном ложе, укрывшись каменным одеялом, петербуржцы прежних времен. На кладбище заглянуть всегда естественно. Хотя бы на Литераторские мостки. Там имена, слышанные в школе, совпадают с надписями на чёрном граните. Менделеев, Мамин-Сибиряк, Миклухо-Маклай. Радищев, Блок, Лесков, Тургенев. И так далее. А снег раскис и на дорожках лужи. И все точно так, как у Саврасова на том холсте, где «грачи прилетели приближавших (как им казалось) всемирное счастье. Там есть целый уголок, специально заселённый спящими телами.»

В советские годы это кладбище должно было играть роль грустной каменной мелодии, звучащей день и ночь под открытым небом в честь различных писак и мыслителей, принадлежавшими отчаянным атеистам с тревожной совестью. К ним можно прийти, минуя огромный памятник физиологу Павлову, оставляя слева от себя печальную могилу Александра Блока и проходя мимо мемориала родственникам Ленина. Точнее — матери и двум сестрам.

Атеисты-социалисты и богоборцы-теоретики лежат тесно, кучкой, как привыкли и при жизни кучковаться в комнатах питерских съёмных квартир. Там они спорили до хрипоты, размахивали руками, задыхались от праведного гнева. Теперь лежат молча, предоставив продолжение идейного шума книгам, которые написали.

Виссарион Григорьевич в этом ряду первый. Вашу переписку с Гоголем нас заставляли учить близко к тексту. Причём, только ваши слова. Без гоголевских ответов. Про кнут и цепи, про то, что довольно с России молитв и проповедей. Нужны, мол, рационализм и законность. Еще вы говорили, что попросите положить вам в могилу под голову номер «Отечественных записок». Не знаю, положили или нет. Думаю, что вряд ли. Это было «крас-

ное словцо», не более. Как и многое другое. В конце недолгой жизни (всего тридцать шесть лет) вас, Виссарион Григорьевич, утешал вид строительства нового вокзала. Не знаю, радостно ли будет вам узнать, что вашим именем назвали кратер на Меркурии? Так прямо и назвали: кратер Белинского. Похоже на слабую компенсацию за полный провал ваших мечтаний о Земле. Всемирное счастье ведь, доложу вам, так и не построено, в отличие от вокзалов, которых не счесть. И жаль огня, которого так много было в вашем сердце. Мир вашему праху, вне зависимости от того, лежит у вас под голым черепом истлевший номер «Отечественных записок» или не лежит.

Да что «Записки»! Рядом с Белинским лежит тот, кто больше записок! Добролюбов. Сын священника и выпускник Нижегородской семинарии, этот тихий юноша сломался после смерти матери. Детская вера, покачнувшись, упала, а зрелая вера, закалённая болью и слезами, не родилась. Родился плохой поэт и тенденциозный литературный критик. Это с его лёгкой руки утопившаяся Катерина стала почему-то «лучом света в тёмном царстве». Добролюбов (такие фамилии давали только в семинариях, и только успешным ученикам!) умер, как и Белинский — от чахотки, только на девять лет раньше — в двадцать пять. И когда сыра земля на Волковском кладбище приняла соседствующий прах этих двух молодых людей, тогда, собственно, и возникли «Литераторские мостки».

Повернем голову направо. В этой стороне от Добролюбова найдём могилу его идейного продолжателя — Писарева. Тоже литературный критик более бойкий и более злой. Ленин его любил, видимо, по сходству темпераментов. Писарев окончил университетский курс. Писал работу по Аполлонию Тианскому. Выбор темы вряд ли случаен. Этого позднеантичного мистика, фокусника и проповедника образованные эллины противопоставляли Христу. Дескать, у евреев был свой целитель и мудрец, а у нас — свой. Писарев был последовательный антихристианин. Следовательно, и антимонархист. Тогда эти вещи были прочно связаны. За письменные призывы к упразднению династии Романовых Писарев познакомился с казематами Петропавловской крепости. Вышел. Ополчился на эстетику. Дышал какой-то странной ненавистью к Пушкину. Его и Гоголя считал пройденным этапом и чем-то ненужным в будущем. Всё, конечно, от великой практичности ума и жаркой любви к простому человеку. Пережил Добролюбова года на два, но умер не от чахотки. Утонул в холодных волнах залива. О нём хорошо отзывался «отец русского марксизма» Плеханов. Плеханов лёг неподалеку.

Этот «отец русского марксизма» изображён на памятнике с книгой Маркса в руках. Сбоку на памятнике написано из английской поэзии: «Он слился с природой». Как бы не так! Великим утешением было бы для грешника просто «слиться с природой» и Христу в глаза не смотреть. О лопухе, выросшем из могилы, как последней посмертной форме жизни, рассуждал тургеневский Базаров. (Тургенев, кстати, тоже тут прилёт неподалеку) Но, очевидно, дело обстоит сложнее и неприятней. Христу глянуть в глаза придётся.

Всё внезапно озарится, что казалось темно,
 Встрепенётся, пробудится совесть, спавшая давно,
 И тогда она укажет на земное бытиё.

Что он скажет? Что он скажет в оправдание свое?

Это Апухтин написал. Страшно сказать, но Апухтин тоже здесь лежит. Только поближе к выходу, поближе к Блоку. Так вот, подумалось мне на этом раскисшем снегу, под синим небом и среди чёрных стволов деревьев: Атеисты ведь никуда не исчезли. Их число крайне велико по причине крайнего бесчувствия или неумения думать. Они нафаршированы чужими мыслями и не дают себе труда их переварить. А что если бы явились к ныне здравствующим атеистам эти, уже отжившие своё! Явились бы, пахнувшие дымом и пламенем, и сказали: Не верьте нам! Мы не знали ничего и обманули себя и вас! Земной рай — это мираж, зато вечная жизнь — это реальность. Не слушайте нас там, где мы отрицаем Бога. И простите нас.

Это могла бы сказать Вера Засулич, стрелявшая в генерала Трепова и, тем не менее, оправданная судом присяжных. Это мог бы сказать Салтыков-Щедрин, напившийся, как говорит Розанов, русской крови и отваливший в могилу. Незадолго до смерти верующая жена Щедрина звала к больному мужу отца Иоанна Кронштадского. Думала, молитва праведника растопит лёд в душе мужа. Щедрин, скрепя сердце, дал согласие, но так и остался при своём неверии. Это мог бы сказать Лесков, от Христа не отказавшийся, но ушедший из Церкви в штунду и громко хлопнувший дверь. Все они здесь — на Литераторских мостках. Все они шумной толпой могли бы явиться для вразумления к кому-нибудь из сочетавших безбожие с образованностью, ибо и они эти два пункта в себе сочетали.

Впрочем, Евангелие говорит: «Имеют закон и пророков». А если Писанию не верят, то и мертвецу ожившему не поверят. Истинная правда. Но жалость остаётся.

Вот был же поэт, угрюмый, уса́тый, в бараньей шапке. Славе Гоголя завидовал, жил под лестницей в Академии художеств. Первоначально был похоронен на Смоленском, а потом в Канев его свезли. Он же всю Украину отравил на столетия вперед! Отравил бредом обиженного человека. Напичкал незрелые головы безжизненными и опасными мечтами. И его портреты в хатах до сих пор рушниками завешивают, а по правде сказать, он — слепой поводырь слепого стада. И ведёт своих почитателей туда, где сам находится — в тёмное и страшное место, откуда не выйдешь. Ему бы явиться во сне ко всем своим почитателям по очереди, от политиков до филологов, и сказать: Не хвалите меня и не верьте мне. Я на сковородке горячей сижу, и вы на неё сядете, если виршам моим дальше верить будете.

Эх, жаль не явится и никого не вразумит.

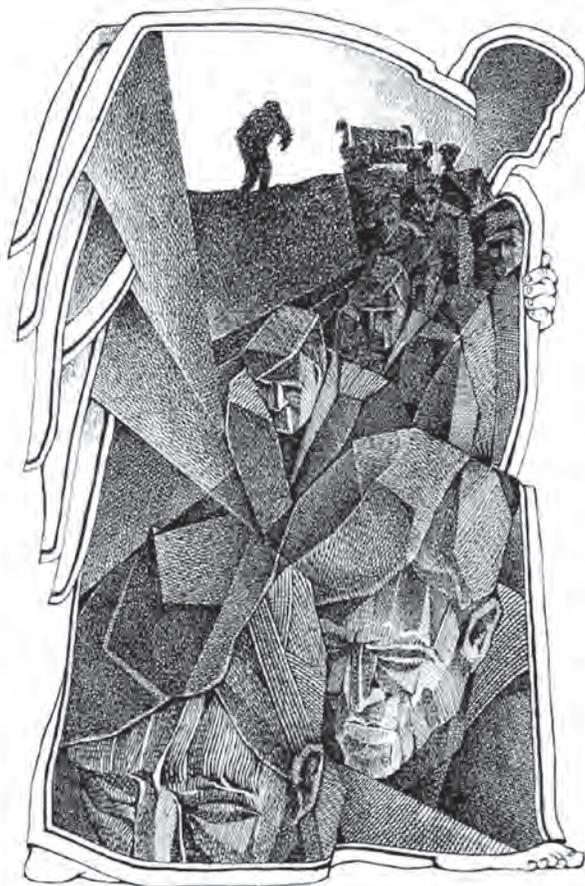
И вы не явитесь, Гаршин, Михайловский, Надсон и далее по списку. Бог лишил нас лёгких путей и быстрых озарений. Хочет, чтобы мы потрудились и было видно как на ладони, кого казнить, а кого миловать.

И если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе. Вот мы и пришли к вам, побродить между могил, попрыгать через лужи, вспомнить то, что в школе нужно было выучить из ваших текстов, чтобы получить отметку.

Здесь на кладбище храм живёт и колокол звонит регулярно. Служится Святая служба «о всех и за вся». И это — несомненная отрада вашим костям, которые, в отличие от засорённого мозга, не болеют атеизмом. Кости хотят ожить, процвести, скрепиться жилами и одеться кожей. Кости соединиться хотят друг ко другу в последний День, как нарисовано в анатомическом атласе и как Иезекииль в 37-й главе описывает. Кости трубно го гласа и воскресения мёртвых ждут, пока книжки, написанные хозяевами костей, продолжают дерзко проповедовать безбожие.

Вот ведь до чего странное существо — человек! Он и мал, как вошь; и необъятен, как Вселенная. И глуп, как пень; и велик, как царь видимого мира. И дерзок, как падший дух; и любим всё-таки Богом. Любим настоящему, до тернового венка и позорного распятия.

Завтра уже суббота Лазарева. До Пасхи чуть больше недели.

© Художник Андрей Карапетян

Я дам дороге имя

Ну вот и научилась понемногу
 На буйный мир смотреть из-под руки,
 Не принимать за главную дорогу
 Пусть длинные, но всё же тупики;

В одном из них... В один из дней предзимних,
 Где мир пустой, как в памяти пробел,
 Я гладила застреленную псину
 И выдыхала кличку: Асфодель¹!

В моих необоснованных утратах,
 Внезапных, как стремительный борей,
 Тогда не находилось виноватых
 И каждая вина была моей.

Сойдя с чужих и торных троп, с годами
 Я поняла, куда и как идти:

Дорога вырастает под шагами,
 Когда тебе известна цель пути.

Из-под пластов скорбей — живых и мнимых —
 Я спрятанное слово извлеку
 И дам дороге кипенное имя,
 Родное, как ромашки на лугу;

«Будь — Асфодель. И в путь!» Дорогу к раю
 Вернее пролагать, чем находить.
 И облако, отставшее от стаи,
 Клубя хвостом, помчится впереди.

Вторая память

Обрыв и саманные сакли,
 Бегущие от камнепада —
 Тебе всё знакомо — не правда ль?
 Ты всё это помнишь — не так ли?

И вспомнишь — ты зрела воочию
 Тяжёлые руки Пилата,
 Коленце из пляски Сократа,
 Резню вавилонскою ночью...

А видишь впервые. Плечами
 Встряхнёшь, отгоняя смятение...
 Откуда, какое течение
 Приносит нездешнюю память?

Лицо на ладони уронишь,
 Застряв в дежавюшном вопросе,
 Но что было прежде и после
 С тобою в том мире — не помнишь.

В ней нет мелочей и излишков,
 Цепочки причин и последствий, —
 Но схватит за горло и сердце
 Её одиночная вспышка;

И даже не помнишь, куда ты
 Спешила в лиловой тунике,
 Когда оглянулась на крики
 И с Цезарем встретилась взглядом.

¹ Асфодель — белый цветок

Ночной гость

* * *

И когда синих сумерек дым
 Затянул налитые сады,
 Не надеясь на милость судьбы,
 Он дошёл до последней избы.
 Одинокий, усталый, босой,
 Опускающий долу лицо, —
 Он просил не еду и вино,
 А ночлега в углу дровяном.
 Но везде отвечали: «Ты вор!» —
 И хватались за нож и топор.
 Гнали вон: «Нам не надо бродяг!» —
 И спускали ретивых собак.
 Через рошу, на тихий погост
 Уходил опечаленный гость;
 И сидел, и разглядывал тьму...
 А наутро решил: «Ни к чему!»
 Как проснулись — дивились — село
 Небывалой травой поросло.
 И шипели бурьян и камыш,
 Доползая до окон и крыш.
 Мужики холодели, глаза
 Обращая к пустым небесам;
 Голосили старухи: «Беда!
 Из колодцев уходит вода».
 По высокой траве, стороной
 Удалялся пришелец ночной,
 И виднелись вдали купола
 Старой церкви другого села.

Н. Тромте

По соснам и по липам
 Расплёскан мелкий дождь...
 И этот день просыпан —
 Уже не соберёшь;
 Растрачен на заботы,
 Разбит о пустяки.
 Горчит моя свобода,
 Теряет маяки.
 И я гоню унынье,
 И в небо говорю,
 Что скважину в пустыне
 Бессмысленно бурю;
 Пуста и бесполезна —
 Не даст она воды.
 О, как я неуместна
 Среди этой суеты!

Среди грозных и бурлящих
 Помпезных площадей,
 Среди много говорящих
 Уверенных людей.
 И я вскрываю шифры:
 Беру в дорогу свет,
 Треножник и палитру,
 И пачку с сотней лет.

Я куплю себе скалы...

Ну какая тут дружба?! — устала
 От упрёков, капризов, унынья...
 И какое мне дело отныне
 До того, чего как не бывало?
 Ранний вечер прохожих тасует,
 Скейтбордисты снуют суматошно,
 Седовласый весёлый художник
 Миражи и виденья рисует;
 Я куплю жёлто-красные скалы
 Небывалые — в дымке из мела.
 И какое мне, собственно, дело
 До того, что на свете бывало.

Куклы

Её пространство населяла скука,
Мечта о кукле, шорох привидений...
Но бедной Эмме не дарили кукол
Из непонятных ей соображений.
В её корзине были даже танки,
Стоящие унылой вереницей...
А скучный ванька, тот, который «встанька»,
Был отдан черноглазой зеленщице.

У взрослой Эммы кукол — три десятка,
Особенных, с лучистыми глазами;
Ведь «хобби» — низкорослая лошадка,
Из наших детств трусящая за нами.
Но даже если кукол станет двести
И жизнь удастся, как творцу поэма, —
То всё равно... То всё равно, ты в детстве
Была без куклы, маленькая Эмма.

А зачем тебе знать?

А зачем тебе, дальнему, знать, как жила?
Очень просто жила — не прося, не ища...
Только Вега-звезда над рябиной плыла,
Только кот полудикий меня навещал.

А зачем нам с тобой говорить обо мне?
Я почти проспала и метель, и тоску.
Только голая ветвь колыхалась в окне,
Только кот приходил и сидел на снегу.

И полночный автобус распарывал ночь,
Выселяя людей в непроглядной глуши,
Да дорога прямая блестела, как скотч,
А вокруг на версту — ни огня, ни души.

Ни души, ни огня до скрипучих ворот,
До надежд и ручьёв, до лучей и грачей.
И наверно, поэтому ждал меня кот,
Ничего не просящий, и тоже ничей.

Мышь

Ты бежишь по гулким шатким плитам,
 По стеклу, по узким лабиринтам;
 По скользящей лестнице бежишь...
 Над тобою пролетает мышь.
 Плечи холодеют от испуга:
 Ты — в ловушке замкнутого круга.
 Никуда отсюда не сбежишь! —
 Обо всём об этом знает мышь.

В галерее кашляет смотритель.
 Хищно затаившись в лабиринте,
 На тебя с картины смотрит мышь.
 Жуть! Не по себе. Но ты стоишь.
 Отраженье силы и размаха
 Всех твоих глубоководных страхов —
 Вот она — чудовищная мышь!
 Ты стоишь. А думаешь — бежишь.

Однажды в детстве...

Февраль следит глазами цвета стали,
 Капризно мстит за свой неполный рост;
 Меня однажды в детстве потеряли
 В его саду из мраморных берёз.

Блаженны муки первых испытаний!
 Глубок ответ, пророченный из бед:
 Все самые большие ожиданья
 Шинкуют время в крошево дробей.

И время замирает. В том начале —
 Где наст хрустел, как битое стекло —
 Истоки всех удавшихся печалей,
 Колочих страхов тайное дупло.

Я ими наполняю сны и песни,
 И времени бесформенный сосуд.
 Вокруг клубятся судьбы, годы, бездны...
 А я всё жду, когда меня найдут...

Дед Игнат и Пашка

Дед Игнат — морщинистый и древний —
 Так и прожил на краю деревни,
 Взяв сполна от радостей и бед.
 Но его вихрастому соседу
 Рассказали дети по секрету,
 Что «убивец» этот хлипкий дед.

Третий день крадётся Пашка следом
 За своим загадочным соседом,
 Проверя страшные слова:
 — Так и есть — он ходит, как преступник,
 Так и есть — он смотрит, как преступник. —
 И горит у Паши голова.

Баба Ньюра ставит гренки к чаю,
 В Пашке-сорванце души не чаёт, —
 Улыбнётся краешками губ:
 — Ты, дружок, за дедом не ходи-то,
 Он и мухи в жизни не обидел.
 Не таким бывает душегуб.

И опять крадётся Пашка следом
 За своим загадочным соседом,
 Проверя бабкины слова:
 — Так и есть — идёт не как преступник,
 Так и есть — глядит не как преступник...
 И горит у Паши голова.

Вокруг села...

Вокруг села — на север и на запад —
 По горным кряжам и болотам топким
 Тянулся лес, а на огни и запах
 Из чащи к избам выходили волки.

Здесь пели песни, пили и скучали,
 Держали скот, копались в огородах...
 Никто не знал, куда идут ночами
 Гружёные районные подводы...

Весной исчезли староста и егерь,
 Оставив бабам страх и кривотолки;
 Затем — другие... А в глубоком снеге
 Каталась волки и жирели волки.

Как сорняки, росли худые дети,
 И каждый осторожно ждал кого-то...
 Никто не знал, откуда на рассвете
 Ползли назад порожние подводы.

Птичное

А когда-то являлись гнетущие
 Полуночные мысли, — и я ему
 Говорила: «Не сей равнодушие,
 В доме холодом тянет по-зимнему».

Всё ещё было в рамках приличия,
 Но росла полоса отчуждения...
 Говорила: «Не лей безразличие,
 Не по пояс — по лоб в этой пене я».

А когда-то всё стало запутанно.
 И тогда из постылой темницы я
 Говорила: «Умерь необузданность,
 А не то — стану вольною птицей».

Вот и стала. Спокойна, обычна и
 Безучастна к рассудочным доводам.
 Мой приют — безмятежное Птичное
 С пересвистами и перешёпотом.

А тебе — дневники и пророчества:
 Пролитай их за то, что сбываются, —
 И тогда ты поймёшь одиночество,
 Из которого не возвращаются.

О счастье

Однажды, толкуя о трудном бытье,
 Рассевшись на призбе под сенью туты,
 Коту рассказали другие коты,
 Что счастье зашито в кошачьем хвосте.

И стал он по дому кружить, как юла,
 Сметая напёрстки, клубки и очки;
 Насупясь, терпел тумачи и пинки.
 Но счастье опять ускользало из лап.

Звенела посуда, дрожало трюмо,
 Смелел и возился мышинный приплод.
 Хозяев печалил неправильный кот,
 И вскоре его не пустили домой...

Он шёл, утопая в ковыльном дыму, —
 Трещали цикады и цвёл медонос;
 Потерянный мир проявлялся и рос,
 И сердце кота отзывалось ему.

Всё то, что тревожило и не сбылось
 Его покидало, теснимо другим...
 И плыл по кошачьим дорожкам за ним
 Его чудодейственный преданный хвост

Всё дальше...

И где привитая тута
Моя хашурская,
Что на три четверти — желта,
Как рожь июльская?

На четверть дерева — черна
С отливом лаковым,
Вся, словно горсть моя, полна
Медовым запахом.

Всё дальше лица из окна
Вагона быстрого,

И отнимают имена
Туманы мглистые.

Иных не вспомнить... Но грубы
Крупинки опыта —
Истоки нрава и судьбы.
Всё — перемолото.

А жизнь течёт, как и текла —
Огнеопасная.

Но на три четверти — светла,
На четверть — разная.

© Художник Андрей Карапетян

Владимир Мамонтов
(Россия, Москва)

Владимир Мамонтов, российский журналист. Писал заметки со школьных лет. Работал на всех газетных должностях, отличаясь умеренным, но неотступным желанием продвинуться. Был главредом двух советских монстров — «Комсомольской Правды» и «Известий». С приходом интернета и наступлением пенсионного возраста вернулся к писанине — стал колумнистом и блогером. В планах создать свой сайт, на котором до последних минут компостировать публику воспоминаниями и нравоучениями.

Вещи

Фернан Бродель, великий мыслитель, выведивший историю из повседневного, написал однажды: «Материальная цивилизация — это вещи и люди. Люди и вещи». Люди изменяют вещи — вещи изменяют, формируют людей.

Поясняя он тезис на примере еды: «Когда какая-либо пища, долго бывшая редкой и вожделенной, оказывается наконец доступной массам, следует резкий скачок в её потреблении, как бы взрыв долго подавлявшегося аппетита. Но, оказавшись „популяризированным“, этот вид пищи быстро теряет свою привлекательность, и намечается определенное насыщение. Богачи осуждены подготавливать жизнь бедняков в будущем — такова тенденция распространения культуры и цивилизации. Трудно раз и навсегда определить роскошь, изменчивую по природе, ускользающую, многоликую и противоречивую».

Конечно, Бродель имел в виду не только пищу, но, что-то мне подсказывает, и зубочистку. И зубной порошок, «и густой гребешок». И вилку. И туалетную бумагу. Преобразования роскоши — частный случай неотвратимой сути. Вещи, да, вещи — вот что, ускользая, изменяясь, то ли по нашей воле, то ли против неё, то ли эту волю игнорируя, изменяют нас. Словами Броделя, распространяют культуру и цивилизацию. И мне кажется, что им это удаётся лучше, чем идеям. Чем эфемерным плодам разума и сердца.

«Как же так?» — спросите вы. Разве не случилось вам испытывать эмоциональное потрясение, прочитав прекрасный рассказ? Увидев умный фильм? Услышав трогательную песню? А разве не захватывала вас целиком какая-нибудь идея? Конечно, да. Но заметьте: уже назавтра впечатления от фильма становились более блёклыми. Обуреваемые в юности идеей переустройства, вы посмеивались над ней уже в молодости. А вот молоток, которым вы забили первый гвоздь в своей жизни, не теряет ценности. Зубная щётка, появившись однажды в вашей жизни, сопровождает вас до могилы.

Каждая новая вещь, которая либо нова сама по себе, либо сменяет предыдущую, оставляет в нас глубокий, формирующий след. Возможно, рулон туалетной бумаги, став доступным массам, сделал для цивилизации много больше, чем четыре тома «Войны и мира» Льва Толстого.

Не буду на этом настаивать. Не отрицаю величия классиков. Но хочу рассказать не о людях, не о книгах, а о вещах, которые, сменяясь, превращаясь и появляясь как бы из ничего, определили изменения моей жизни — и жизни моего поколения.

Давайте начнём не по порядку, но с чего-нибудь неотъемлемого. Ну, к примеру, со штопора

Штопор

В моём детстве штопор выглядел так. Центральная часть с червяком, та, что вращалась, могла быть убрана внутрь «луковицы», а могла быть выставлена наружу, готовая, согласно старой итальянской поговорке, «согрешить с пробкой». Причём, в распрямлённом, готовом на подвиг состоянии штопор твёрдо фиксировался за счёт нехитрой вроде, но по своему гениальной придумки. В облегающих сам винт держателях были прорезаны канавки. Чем-то это напоминало устройство бревенчатого сруба, когда в продольный паз одного бревна прочно ложится другое. Сам держатель слегка пружинил, он был отменно готов зафиксировать винный архимедов винт, служивший для добычи портвейна. Зафиксировать либо в безопасном состоянии, когда его острый конец не мог поранить руку, роющуюся в кухонном ящике, либо в боевом. Я двигал винт туда и сюда — и он защёлкивался с приятным негромким звуком, который придавал шедевру законченность.

Штопор для меня был одним из первых примеров удивительной простоты инженерных решений, которые я, оказывается, с рождения уважал. И до сих пор восторгаюсь не сложностью или, не дай Бог, заумью, а точностью, когда ни убавить, ни прибавить.

Хрестоматийный пример такой точности демонстрируют нам иногда не только инженеры и изобретатели. Эрнест Хемингуэй на спор однажды написал рассказ из шести слов, заверив, что он растрогает каждого. В русском переводе оказалось достаточно и четырёх, что тоже пример мастерства: «Продаются детские ботиночки. Неношенные»

(«For sale: baby shoes, never worn»). Обратите внимание, что в буквальном переводе с английского baby shoes — детские ботинки. Но неведомый мне отечественный переводчик добавляет в Хемингуэев шедевр жалости, русскости, слезы — «ботиночки». Ботиночки! Нам действительно свойственна эта избыточность отношения, скрытая оценка, даже если мы просто констатируем факты. А, скорее всего, мы не умеем их просто констатировать. Примером чему и служит эта история с Хемингуэем, невесть как влезшая в расуждение о штопоре.

Открывать бутылки мне доверяли с детства. Для начала штопор раскрывался и превращался в молоточек, которым с горлышка сбивали блестяще-атласный, легко крошившийся сургуч. Надо сказать, что его запах тоже был очень важен для меня. Он сливался с запахом вина, потому что витал вокруг бутылки, когда из неё начинали разливать. Сургучом были запечатаны посылки в фанерных ящиках, которые иногда приходили из Астрахани, от родни. А значит, лёгкий призыв сургуча имелся в золотой вобле, черной икре и калмычком плиточном чае — но не будем отвлекаться.

Чтобы мне, дошкольнику, реально открыть бутылку, приходилось сильно напрягаться. Силёнок иногда не хватало. Но тот факт, что на меня смотрела с надеждой, улыбкой, сомнением и умилением фотографически замершая компания хороших людей, во главе с бабушкой и мамой; дяди, тётки и их друзья, сидящие за столом, уставленным пирогами, салатами, колбасами и овощами (если по сезону), не оставляли мне выбора. Стальной обод штопора врезался в ручонку, но я тянул — и пробка начинала поддаваться, она вылезала на миллиметр, волоча за собой малюсенькие крошки сургуча, потом расправлялась слегка, показавшись на сантиметр, дядя Ваня, не выдержав, помогал словесно: «Давай, давай...» — чпок! Аплодисменты, крики «браво» и немножко портвейна на доньшке хрустальной стопки. Да, по неписанным правилам той незабываемой компании чуть-чуть ребёнку было можно — из песни слова не выкинешь.

Из последовавшей безалаберной студенческой юности штопор исчез. Пробки почему-то вышибали, ударяя по доньшке толстой книгой, Львом Толстым, к примеру, или проталкивали внутрь бутылки. Пальцем. Большим или средним. К тому времени с бутылок исчез сургуч, как истончился и ручеёк посылок из Астрахани. Но, наученный преодолевать, я и тут не сдавался, не давая в обиду томик Толстого. Я демонстрировал аттракцион «железный палец». Я работал штопором наоборот.

Иногда это было очень непросто. Бутылки к тому времени в СССР преобладали европейского образца, «бордосские», благодаря вину из Болгарии и Венгрии. А это означает, что воздушный зазор, через который пробку можно протолкнуть, был крайне невелик: вслед за горлом у таких бутылок сразу начинаются могучие плечи, наполненные «Бычьей кровью» или «Гымзой», а жидкости практически не сжимаются. Так физика и химия учили нас, советских школьников. Но тут дело было не столько в сжатии, сколько в возможности вину просочиться в микроскопический просвет между цилиндром пробки и внутренней поверхностью бутылочного горлышка. Едва это удавалось, дело уж было за малым: додать пробку, не обращая внимания на винные брызги, неизбежные при такой технологии. Как только пробка тонула в вине, пытаясь, за счёт малости своего веса, всплыть, надо было резко наклонить бутылку. С мощным хлопом вино наливалось-таки в стакан.

Знание физики (и анатомии) помогало мне и в другом: я твёрдо знал, что палец надо держать строго вертикально. Поставив его в упор. Несгибаемо. И давить всей рукой. Тогда открывалась любая, самая труднодоступная бу-

тылка. В тот раз на меня смотрела вся наша студенческая компания: Лёвочка, умница, рисовавший на всех едкие шаржи, Валерик, народный сказитель и фотограф из Лесозаводска, Жека, на тот момент принимавший непростое решение — кудрявая, как пудель, или афганка с шерстью до плеч, Геныч, озабоченный проблемой однополых бань, и энциклопедист Юра, гонец — золотые пятки, только что приволокший две алжирского. Появилось тогда и алжирское. Считай, французское. Почти бордо.

Я привычно снял облатку. Приставил большой палец. Выпрямился. И начал давить.

Не идёт. Удвоил, навалился. Ни в какую.

Компания замерла. Готов был разрушиться один из опорных постулатов нашей общины: Вовка любую откроет, ничё, ничё, шас соберётся — и откроет. Перед моими глазами предстал наш маленький домик на улице Станюковича, что у края Амурского залива, мама и дядя Ваня, доверившие мне откупорить инженерно безупречным штопором их радостную, весёлую и молодую вечеринку (в её финале дядя Ваня плясал лезгинку с ножом в зубах). Я увидел себя со стороны — тощий, длинноволосый малый в очках изображает гибрид Ильи Муромца с Яном Тальсом в неолимпийском виде спорта. Фактически на меня смотрела вся страна побеждающего социализма — которая специально, для здоровья молодёжи, поставила в Алжир «калашниковых», обменяв на каберне, а ты? А ты бутылку открыть не в состоянии?

Я забыл сказать, что присутствовали и девушки. И у одной даже открылся рот, так что стали видные её передние зубки. И кончик языка.

Я надавил ещё. Из под ногтя выступила кровь. «Ой, ужас, хватит!» — сказала девушка. «Давай-давай», — озабоченно подбодрил народный сказитель. Лёвочка глядел мудро. Жека — отсутствующе. Я вдохнул. Выключил действительность. Во Вселенной не было больше ничего: только цилиндр из пробкового дерева, плотно забитый в зеленое горло, и окончность человека, истекающая живой кровью.

И она пошла. Она пошла. Скрипнула в мёртвой тишине обиженно «И-и!» — и пошла. Брызнули красные капли — моя кровь смешалась с каберне. Я сменил палец на средний, «согрешив с пробкой» без итальянской деликатности. Дальнейшее было делом техники.

Отлегло у всех. Моя репутация содрогнулась, но устояла. А не так давно в честной компании мне опять довелось блеснуть своим уже почти забытым умением. И мне аплодировали доктора наук, заслуженные работники культуры, режиссёры и редакторы важных СМИ. И говорили: «Во даёт!» С давних пор штопоры сильно усовершенствовались — некоторые даже работают на сжатом воздухе, но иногда случается безвыходная ситуация — и тут пригождаются люди, которые с детства научились физически и нравственно преодолевать, ставить вертикально, анатомически верно упирать и не бояться, что кровь выступит из-под ногтей. Поднимем ставки: а вдруг дело будет не в пробке? А просто кого-то надо будет держать — крепко, за ремень, за руку, за загривок? Ладно, ладно, это так, для красного словца.

Возвращаясь к инженерным решениям, я конечно, отдаю должное тому, кто изобрёл штопор с балетными ножками. В нём есть стальная чувственность, он словно прибыл из фильма Фрица Ланга «Метрополис». Пользоваться с ним метафорой из итальянской поговорки совсем рискованно, потому что мужественная часть такого штопора отдаёт должное греху медленными движениями винта, в то время как феминная часть расходящимися крыльшками готовит момент долгожданного извлечения. Недавно такой штопор сломался у нас в доме — не выдержал, старина, испытаний, металл устал. На смену ему встал новый, но точно такой же; без всяких игл, насосов, поддувов и сложной системы рычагов. Не спорю: новинки остроумно устроены. Но не оставляют человеку возможности хоть как-то проявить себя. Чему-то научиться. Как хотите, а я о таком жалею.

«Сторож»

Раньше много кипятили. Бельё, молоко. Бельё не убегало, а молоко — регулярно. И против этого был изобретён «сторож». Это такой кружок из металла, рифлёный по концентрическим окружностям и с пустотелым носиком, канавкой тянущимся от центра к краю. Напоминал чем-то кепку. Принцип работы «сторожа» такой: под ним молоко кипит, как и во всей кастрюле в целом, но пузырьки движутся не хаотически, а целенаправленно, вырываются из носика, устремляются вверх, приподнимают «сторожа» — но тут же, вырвавшись на волю, роняют его. И «сторож» стучит. Под ним кипит, приподнялся — «стук». Лежит спокойно, копит силы. Набрал пузырьков, опять — «стук»! И так всё быстрее и быстрее: стук, стук, стук.

Между прочим, кипячение тогда было зрелищем. Электрическая плитка, растопырив свои железные ножки, горит рубиновым огнем. Спираль, проложенная в керамических желобках, предельно раскалена. Уменьшается парциальное давление сухих газов в пузырьках молока. Температура поднимается. Бурлит белый водоворот. Убежит — не убежит, когда пузырьки образуют пену? Вот это и есть главный вопрос!

Бабушка очень ценила один «сторож» из двух, что были в хозяйстве. Нехитрая конструкция «сторожа» приводила к тому, что изготавливали их все, кому не лень. Заводы, артели. И некоторые «сторожа» не давали молоку убегать, упорядочивая пузырьки, до последнего сдерживая формирование неконтролируемой шапки из пены, а некоторые подсакивали слишком рано, хозяйка не успевала добежать до кухни, а он уже лежал в кастрюле кверху брюхом и ситуацию не контролировал. Молоко же заливало электроплитку, спираль выходила из строя, её нужно было менять, что само по себе страшно интересно и требовало навыка, но об этом после.

Можно представить, как изготавливался правильный «сторож». Сначала строго по весу и толщине вырезался стальной кружок: думаю, специнститут работал над тем, чтобы всё соблюдалось до грамма и миллиметра. Учитывали литраж кастрюль, плотность жидкости. Максимальное

количество не вскипающих жиров в молоке. Проводили испытания. Белые халаты, лактометры, осцилографы, термометры, штангенциркули. Потом кружок шёл под пресс, потом его эмалировали, или оставляли как есть, если в основе была качественная нержавейка. Штемпелевали «Завод “Металлист”, ОТК, цена 16 копеек». А плохой «сторож» ковался где ни попадя, из чего угодно — хоть из алюминия. Такой был слишком лёгким и мог подвести. Лёгкий часто гостевал у меня в игрушках, а тяжёлый — никогда. Это была вещь, а не игрушка. Я это понимал и брал качественный «сторож» только в отсутствие бабушки. Рассмотреть и понять разницу.

Теперь молока не кипятят. Почти. Оно и так хранится сколь угодно долго. И варенье варят не часто, а сторож годился и там: с ним процесс кипения мог быть контролируемым, и малина «уваривалась» до желаемой консистенции. В вязком варенье «сторож» стучал глухо, редко и печально: всё-таки не это была его прямая обязанность.

Вообще-то кухонные «сторожа» разные ещё бывают. Бывает — скорее, был — чайник со свистком, к примеру. А однажды мне подарили самовар, который не мог распаяться, отключался, когда начинала выкипать вода. (Распайка электрического самовара была ночным кошмаром бабушки, но про чайные церемонии и прочее тоже попозже).

Честно сказать, голову сломал, пытаюсь понять, как самовар это делает и какова физическая природа данного чуда. Поплавок, имеющий форму бублика, надет на штырь, всё это укреплено в самоварном нутре, на теплонагревательном элементе. Как современный чайник отключает себя, я тоже точно не знаю, но у него некое термореле спрятано в глубины. И, не поломавши чайника, тайну не откроешь. А тут та самая дразнящая простота.

Что характерно, попробовать кипятить данный самовар до победного, чтоб увидеть результат и получить дополнительную экспериментальную базу, не дала жена: самовар страшно красивый, но родом из лихих девяностых. Белые халаты и термометры, отвечающие за качество, уже, поди, все в Таиланд за тряпками поехали. И если поплавок не сработает, то картина (а на самоваре изображены танцующие девицы и всякие ягоды-малины) обгорит и пожухнет.

Веры же в поплавок у жены никакой. Она очень подозрительно смотрела на отпечатанную на серой бумаге инструкцию «Электрическая схема самовара». И весьма красноречиво хмыкнула, когда из плохо притёртого краника закапало. Я тут же стал тыкать ей в лицо ту же инструкцию, где было написано, что окончательную притирку краника осуществляет сам владелец, используя для этого масло подсолнечное. Но это только ещё больше развеселило жену.

Глядя в шершавое металлическое нутро самовара, я почему-то представлял себе бронетранспортёр. Вот голову даю на отсечение, что в бронетранспортёре (ну или хоть в кухне полевой КП-130, форсуночной, на

дизтопливе, с котлом для первого блюда R26) наверняка прячется такой поплавок. Уж очень он простой. Очень ротный. Трогательно-милый, серый и, наверное, безотказный.

А, может, я должен представлять себе ракету — может, он пригодился там, перекочевав затем в товар народного потребления. И перенёс свои уникальные качества.

Зря жена ехидничала. Однажды я, повинувшись природной любознательности, всё-таки налил в самовар воды, отнёс прибор в гараж, поставил на керамическую подставку от цветочного горшка, сунул вилку в розетку — но тут позвонили в дверь, и я пошел открывать. Про самовар я вспомнил, когда предложил приятелю, с которым мы славно посидели, чайку. Его стандартный ответ: «Чай не водка, много не выпьешь», — я скорее угадывал, чем слышал: я летел в гараж. Что сказать?

Коричневыми пузырями пошли танцующие девицы-красавицы, словно поджаренные в рассказе писателя Сорокина. Но! Когда последние пол-литра кипятка, плюясь финально и грозно, забурлили на дне самовара, поплавок-«сторож» отвел от моего дома угрозу пожара. Уберёг от самого плохого. Он как-то так лёг на тэн — и усмирил. Сработал теплоотводом, на что-то нажал, не знаю, но не подвёл.

Жалко, конечно, девчат, труда художников, прекрасно расписавших самовар, электроэнергии и воды, потраченных зря. Нервов, которые лопнули балалаешными струнами, когда ты вспомнил: чёрт, я же поставил самовар, чёрт, это же самовар, это же не новомодный чайник, он не заботится о себе сам, он выкипел, наверное, и ты рванул в гараж, а по дороге уронил горшок (любимый, с танцующими хлопцами, который подарили на Украине), горшок вдребезги, кот в сторону. Увы, никогда не танцевать летними таинственными ночами девицам с самовара и хлопцам с глечика; они, лукавое племя, точно делали это, когда мы спали, иначе чьи же это носки, ленты, бусы и жупаны вечно разбросаны по всему дому?

Очень это по-нашему: остановиться не когда вода закипела, а за секунду до беды.

Гагаринский старт

Вспомнил сразу ещё одну вещь, которая меня перепахала. Это даже не вещь, соединение их, агрегат. «Гагаринский старт», место, откуда первый космонавт улетал. Посередь пустой казахской степи, именуемой Байконуром — несколько рук-ферм, снабжённых противовесами.

Они смыкаются над бетонным котлованом, и, если между ними поместить ракету, руки прочно, по-мужски, но нежно обнимут её за талию (талиа ракеты от остального титанового тела отличается повышенной прочностью и на первый взгляд, как и у многих женщин-тружениц, не видна). Руки держат ракету на весу, пока она не воспламенится и не начнёт вырываться.

Как только сила, влекущая ракету вверх, пусть ненамного, но превосходит тяготение, прижимающее руки-фермы к её корпусу, гул разносится по ступи. По бетонному туннелю-газоходу растекается огненный смерч. Земля притягивает к себе жёлтые, круглые, точно настроенные (понятно, ведь их в том же НИИ, те же белые халаты разрабатывали, где и правильный молочный «сторож») противовесы. Старт, гулко ахнув, растерянно разводит руки в стороны — жаль расставаться, да насильно мил не будешь; вокруг зашепчут: «Давай, давай...» И она вздрогнет, подастся, уйдёт, выскользнув из объятий, чуть вихляющей походкой, потому что гироскопы, отвечающие за вертикаль, у неё в голове, а она долготелая и приказы до двигателей доходят с лёгким опозданием.

Она уходит, очень по-женски, повинувшись чему-то земному и вечному, и противоборствуя ему, и отбиваясь — и опираясь.

В корабле космонавты хорошо ощущают, как ракета колеблется: амплитуда сантиметров пять-десять. Это нутряно волнует, против любой тренированной воли. А про перегрузки один космонавт сказал так:

— На что похоже, спрашиваете? На любовь. Если с вами крупная дама. И она сверху. Вам непросто, но вы улетаете.

Это вправду похоже на любовь. Это не штопор, но в мире вещей не он один похож на абсолютно человеческую любовь. Это и по двигателю внутреннего сгорания заметно: голая физика, так сказать. Но о нём позже. Я помню, обещал: плитка, самовар — и двигатель. А пока — про ракету.

На стартовой площадке (она там с 1957 года, с неё и первый спутник уходил) нет никакой электроники, голая физика-механика. Ещё раз: в современную «Ладу» напихано больше всякой микрочепухи, чем в гагаринский старт. На том же гениальном принципе сами собой держатся кирпичные арки — и гениальное произведение академика Владимира Бармина, главного конструктора стартовых комплексов. Ломаться нечему, поэтому тут состоялось уже больше шестисот пусков, и все успешные.

После отрыва, правда, бывало всякое (часть конструкции пришлось заменить после драматической истории со стартом Стрекалова и Титова в 1983-м), но по сути старик Ньютон не подвёл Бармина ни разу. Но 26 сентября 1983 года космонавты Геннадий Стрекалов и Владимир Титов уже сидели в корабле, до старта оставалась минута сорок восемь, когда раздался неприятный звук, а за ним пошла вибрация. Потом стихла. И началась опять.

Титов и Стрекалов подумали про нехорошее. Они оба в тот год уже летали неудачно, не смогли пристыковаться к станции.

А в это время на командном пункте среди прочих сидели генерал Алексей Шумилин и заместитель генконструктора ЦСКБ «Фотон» Александр Солдатенков. Они-то видели: ракета загорелась. Случился катастрофический сбой подачи топлива в газогенераторы. Задачей Шумили-

на и Солдатенкова было принять решение и по голосовой радиосвязи оповестить о нём двух других людей, находившихся на расстоянии двадцати километров от старта, чтобы те в бункере управления порознь, но синхронно нажали две — каждый свою — кнопки. Включающие систему аварийного спасения.

Она сработала. «Сторож» застучал, поплавок замкнул. Пороховые заряды отстрелили спускаемый аппарат, парашюты раскрылись, Стрекалов и Титов приземлились в трёх километрах от стартовой площадки, толком не успев понять, что произошло, но пожар — а дело было ночью — они наблюдали в иллюминатор, пока парашют в соответствии с законами гравитации и сопротивлением воздуха плавно нёс их к земле.

Между аварийным отстрелом и взрывом ракеты, который обжёг и перекорёжил гагаринский старт, прошло три секунды.

Я спросил: а почему так витиевата цепочка, по которой отдавалась команда о спасении? «А представим себе, что одному из четверых что-то почудилось, пояснили мне. Помутнело в глазах — и он, приняв это за чёрный дым, закричал в микрофон: „Жми!” Или, скажем, в бункере один решит, что слышал голос, а это глюк от усердия и перенапряжения извинины ответственности. Корабль отстрелят, полёт насмарку, а космос — дело дорогое. Программа „Энергия” — „Буран”, к примеру, равнялась по стоимости БАМу. Когда об этом узнал Горбачев, он тут же заявил: гонка вооружений в космосе нам не нужна».

На эту логику я, правда, ответил своей: а если наоборот? Если один подумает, что это у него в глазах помутилось, а это пожар? И готов был уже писать, что система наша деньги и технику спасала в первую очередь, а людей во вторую. Зря: оказывается, генерал и замконструктора должны передать согласованное сообщение. И они получили за него законных Героев Социалистического Труда.

Вернее оказалась ставка на человека, на его разум и ответственность. Так, кстати, было и с Гагариным: поскольку космос был тогда загадкой, то на всякий пожарный случай предполагалось, что Гагарин может там... сойти с ума. И потому код на включение ручного управления ему не сказали, а решили, что в критической ситуации отказа автоматики (если она возникнет) передадут три цифры с земли, чтоб до того вдруг ручку дергать не начал, а то себя угробит, корабль, годы труда. Такова была логика... э-э... осторожных. Но у тех, кто думал о спасении человека по имени Юра, логика была другая: а вдруг земля не успеет передать команду? Или прервётся связь? И трое человек порознь, не говоря друг другу, шепнули код Гагарину: «125».

Не понадобился код. «Это потому, что осторожные всё предусмотрели», — сказали мне знающие люди, упреждая от возможной легкомысленной морали сию басню. Возможно. Осторожные — они предусмотрительные.

В тот раз, покинув безупречный «Гагаринский старт», мы поехали мимо пустого города, в котором должны были жить люди. Его строили

под программу вывода на орбиту тяжёлых кораблей. Под Марс. Под ответ на «звездные войны». Степь, бетонные блоки, заложённые окна.

Едем мимо гигантского полуразрушенного здания. В нём окончил свои дни, погиб славный «Буран» и его носитель — циклопическая и элегантная «Энергия». Просто однажды в 2002-м, спустя четырнадцать лет после остановки этой амбициозной программы, рухнула крыша монтажно-испытательного комплекса. Обветшала — и рухнула, согласно всё тем же законам тяготения.

Подумаешь, крыша: за это время страна рухнула. Всё, что не летит, падает. Против Ньютона опять не погрёшь.

Крыша и раньше обваливалась — кусками. Но «Бурану» это было нипочём. Он стоял готовенький — запускай хоть завтра. Но вот когда перекрытия обвалились целиком, а вслед травмированная «Энергия», хранившаяся с вакуумом в своём чреве, хлопнула воздушным шариком, да так, что втянутые стены гигантского цеха сместились к центру, от «Бурана», того самого, летавшего, успешно севшего, не осталось даже целого хвоста.

Но, если быть честным, погиб он гораздо раньше. Ещё до своего первого полёта.

К первому старту «Энергии» на Байконур прибыл осторожный Горбачёв. Он ходил по цехам, слушал доклады. Подошёл к истомлённым работникам — ракета на столе стояла уже несколько недель, её якобы в сотый раз проверяли, а на деле ждали, пока высокий руководитель съест «окно» для поездки на старт. «Тут разные мнения есть, — обратился он к присутствующим. — Готова ракета — не готова, запускать, ещё перепроверить, всё взвесить?» «Запускать!» — выдохнули все присутствующие.

А это были особенные люди. Этот коллектив запустил триумфально Гагарина. Он пережил четыре неудачных запуска Н-1, огромной, похожей на Останкинскую башню, ракеты для лунной программы. Последний старт был почти успешным — но программу закрыли: зачем эта гонка? Американцы уже на Луне!

Тогда они ждали решения Горбачёва. «Запускайте!» — сказал он. И уехал — не оставшись на старт. Изумлению байконурцев не было предела: почему? Им пояснили: если вдруг пуск неудачен — в газетах напишут, что Горбачёв хороший мужик, но не орёл. Не волшебник. А полетит ракета — так перед американцами неудобно: талдычит, что против гонки вооружений в космосе, а сам запускает штуковину, которая, по мнению «Вашингтон таймс», «позволит Советскому Союзу создать систему орбитальных боевых станций и воспретить без его разрешения вывод в космос любых грузов». А станции предположительно начнут «лазерами, малыми ракетами, осколочными бомбами и спутниковыми боеголовками. Трёх-четырёх запусков новой ракеты хватит, чтобы создать действующую противоспутниковую систему на орбите», — цитирую по воспоминаниям Бориса Губанова, главного конструктора «Энергии».

Короче, кто не помнит — напомним: она полетела. Сохранилась видеозапись: тронувшись, наклоняется, как грузчик под поклажей, неся модуль «Полюс», имитирующий «Буран». У несведущих обморок (а мы-то с вами уже знаем про гироскопы и вихляющую походку), но тут же распрямляется, огненная спираль под ней накаляется добела — она летит!

И отделяются её двигатели (их на парашютах рачительно спускали на землю, чтобы использовать ещё и ещё раз) — расчётно! И главный модуль идёт — расчётно! «Полюс», правда, подкачал, нырнул в Тихий океан, но он из другого КБ, и вообще это другая опера.

И люди плачут. Ещё раз из Губанова: «Это те же инженеры, учёные, конструкторы, которые шли к такому финалу с разбегом в 20 лет и не по гладкой дорожке... Ликование и слёзы — это, пожалуй, и самоутверждение. Их надо понять».

Потом полетел и успешно сел «Буран», но программу всё равно прикрыли. Чтобы картина была полной, скажу: обрушенную часть МИКа отгородили стеной, и теперь на необрушенном пространстве собирают ракеты и спутники. Этот — для французов. Этот — для индийцев.

Зарабатывать деньги — неплохо, важно, трижды славны те, кто сохранил Байконур в противовес политической близорукости и экономической разрухе, но они не ради денег старались. Деньги ли — сто тысяч долларов за годовой полёт? Счастья таким, как Стрекалов и Титов, любыми деньгами не купишь (но платить побольше стоило бы): знаете, чем их драматическая история закончилось? Знаете, конечно, но я напомним: они после той аварии не смылись подальше, а всё-таки полетели — и не раз!

Стране тоже надо летать повыше.

Но в цеху всё очень буднично: вблизи видно, что ракеты по швам заклеены подобием скотча, словно багажные тюки у возвратившихся из Таиланда белых халатов, и увешаны холщовыми мешками с шариками, которые мы находим в коробках с новыми ботинками — они втягивают влагу. На тележках надписи, какая это часть ракеты и какой ракеты, их тут много. Чтоб не перепутать.

Это конвейер. Мы заняты извозом, и нашим ракетам таскать не перетаскать свои и чужие спутники, обслуживать МКС, поскольку американцы свою программу «Спейс Шаттл» уже отработали и закрыли, получив колоссальный опыт. И лунный опыт получили.

У нас идёт ротация уже известного и отработанного до совершенства. Да, есть Восточный. И военная супертехника. Но пока корабли стартуют на ракете, которая не сильно отличается от той, на которой Королёв пульнул наш первый спутник. Фермы-руки обнимают её привычно. Привычно отпускают.

Привычка — не лучшее горючее любви.

Продолжение в следующем номере

Инга Даугавиете (Австралия, Мельбурн)

Родилась и выросла в Риге, закончила факультет иностранных языков (английский язык и литература) Латвийского государственного университета. Более двадцати лет живу в Мельбурне, закончила колледж, специальность «дошкольное образование». Муж, два сына, две собаки, кролики, золотые рыбки...

Не опоздать...

Домой

И опять, как раньше (пять лет назад?)
 Объявляют посадку. Последний рейс.
 Проверяешь — паспорт, часы, рюкзак...
 Сколько дней под крышей? Чужая речь,
 Но последний, слава богам, транзит.
 Стюардесса (с улыбкой!) стакан воды
 Принесёт. Пять лет, как не видел зим...
 Облака превратятся в белёсый дым,
 Будет утро, и серый, как мышь, рассвет,
 Затяжной — на несколько суток — дождь,
 Кто бы мог поверить, что синеве
 Предпочтёшь это небо. Как чуда ждёшь.
 Здесь тебя никто не встречает, нет,
 Вся родня — немые кресты могил.
 Так зачем тосковать по такой стране?
 Сколько раз ведь клялся: твоей ноги
 Здесь не будет. Господи, дай же сил,
 Не соврали — лаком чужой ломоть.
 Самолёт выбрасывает шасси.
 Я опять повторяю: «Домой, домой...»

Вагонное

И хочется сорвать стоп-кран, да нет стоп-крана!
 Соседка (глянь) отодвигается смущённо,
 Напротив — смуглый мальчуган — какие щёчки...
 И выдохнуть бы «маршалла!», да нет дыханья.
 А мама — просто боже мой — глаза как щёлки,
 Соседка (слева) улыбается: найкраший!
 Почтовый ящик, иншалла, почтовый ящик.
 Всплывают медленно вагоны из тоннеля,
 Навстречу солнцу. На плакате — пёсик Снупи,
 Который день — рабочая неделя,
 И хочется — закрыть глаза,
 И вдруг — проснуться.

* * *

Посмотри — смеётся надменный Ра,
 Небеса рассыпают холодный рис.
 Говорят, все дороги приводят в Храм
 (Говорят, все дороги приводят в Рим),
 Постоим с тобой на семи ветрах,
 От костра потянется чёрный дым,
 Подождём, сестра.
 До утра — во храме чадит свеча,
 Мелко-мелко вздрагивают образа,
 Всю дорогу — ветру луну качать,
 За окном меняется лишь пейзаж,
 Время года — старость, считай до ста,
 А потом страницу переверни,
 Потому что всё начинать с листа
 (Говоришь, дорога приводит — в Рим?!)
 Вот те крест (не веришь?) — приводит в бар,
 Выбери слова!
 — А потом — в мотель!
 И какая разница, чья кровать,
 Здесь, важнее, солнышко, чья постель.
 А в кармане — мелкое серебро,
 Сигареты, паспорт (аж целых два!)

А про то, что дороги приводят в ров —
 Забывай, сестра.
 Забывай.

Из письма

Дождь — и в Африке дождь, понимаешь ведь, как ни крути
 Этот старенький глобус — всё те же названья и пятна.
 Подставляю ладони, считаю до... до десяти,
 Закрываю глаза. Снова запах ромашки и мяты,
 И ещё — подожди — невозможный, неведомый звук —
 ...Открываю глаза. У парковки автобусы — лентой,
 Я уже третий год — не поверишь — спокойно живу,
 Не читаю газет, сплю без снов и почти без таблеток,
 И на каждого хватит потерь. Время года — зима.
 Сделан выбор — держись, повторяй каждый день: «Забываю!»
 Дождь и в Африке дождь, а у нас, на экваторе — май,
 И не думай, что было бы лучше и легче...

Едва ли.

* * *

А во сне монету выплюнуть не успеть
 (У него за спиной то ли крылья, то ли рюкзак),
 И смотреть в глаза. И молчать, как тогда, в толпе —
 Не узнав. Ну что тут можно ещё сказать?
 Вспоминать молитвы, имена и созвучья слов
 Бесплезно — так воду в сите носить... нести.
 Человек человеку — вечное ремесло,
 Только им овладеть никому не хватило сил,
 И, наверно, не хватит. С каждым годом короче дни,
 Сколько лет, скажи мне, прошло — на твоей земле?
 Он смеётся. (Послушай — звенит золотая нить)...

На востоке небо становится всё светлей.

* * *

Говорят, полукровкам — проще. Шведский стол — выбирай! Не хочешь? Сарафан, купола, пельмени... (словно в детстве, закрыв глаза) — Ломир алле, форшмак и кугель (оглянись, ведь рискуешь — пулю!), не забыть — Саласпилс и Дзинтарс, (магазин, скумбрия, бальзам). За окном вагона — Россия. До чего же здесь всё красиво! Звонкий воздух (Сергей Есенин), и (свистяще) — скот, скит и скарб. Здесь колючий снег по колёно, «раздаётся топор» бессменно, что пожнём, то, глядишь, посеём... И — классическая тоска —

Ностальгия. Сосед-полковник улыбается — мол, в России... Под-стаканник — и ложка пляшет, барабанная прямо дробь! Мельхиор — силуэты башен. «I am sorry, I don't speak Russian». «Разворачивайтесь в марше!» За окошком — петля дорог. Нарастает благих усилий снежный ком. (Полукровки — сила!). Различаю «мочить»... «в сортире» ...И по-женски «Гейропа, сгинь!» Да мочили уже, мочили, и в Латгалии, и в России, и в Акмолинске, и Катыни. Удивите хоть чем другим.

Полукровки, наверно, злее... Шикса замужем за евреем, слышишь, зейде? «Была держава!..» За окошком — последний лес. Подъезжаем? Горит менорой твой и мой бесприютный город. Полукровкам, конечно, легче — выживать на любой земле...

* * *

Направо — смотри — монастырь кармелиток,
 Звенящий трамвай (добежать не успеть),
 Молитва олив и тоска эвкалиптов.
 Здесь очень легко затеряться в толпе,
 В пыли мегаполиса. Небо — в горошек,
 Тропический дождь обещали с утра.
 Людей не бывает плохих. И хороших.
 И нет идеальных и правильных — стран.
 Докуривай. Снова трамвай — не теряйся!
 Ищи по карманам помятый билет...

Мы принадлежим к человеческой расе.
 Единственной — слышишь? — на этой земле.

Перед сном

Щебечет дождь и шепчутся оливы,
 Цветёт многострадальная земля.
 — Я расскажу тебе, как полюбила
 Лесная дева — сына короля.
 Да нет, добром не кончится. Ресницы
 В лесу смежил красавец — на века.
 Ложись и засыпай. Пускай приснится,
 Как ветер гонит в небе облака,
 Швыряет в море. Солнышком обласкан,
 Плывёт кораблик, флаг — цветов зари.
 И вспомню — почему-то в русских сказках
 Бессильно-долго спят богатыри.
 Ах, королевич, где-то ждёт принцесса —
 В чужой земле, где нет ни змей, ни зим.
 И колокола звук плывёт над лесом
 Протяжно (нет, не так, как муэдзин).
 Короче — королевич. Засыпаешь?
 Приснятся — золотые купола,
 Другая жизнь — от края и до края...
 — Россия? Нет, не знаю. Не жила.
 Открыть глаза. Сестра бренчит ключами,
 Пытаясь в темноте найти замок.

Когда-нибудь, принцесса, прочитаешь
 Письмо отца.
 Последнее письмо.

* * *

Конечно, факт остается фактом —
Виновен Запад! Ату и фас!

Мы подрастали с тобой в антракте
Бездарных драм, превращённых в фарс,
Потом — выросли. В шальном апреле
Влюбляться — ах! Не хватает слов...
Теперь на пару, сестра, стареем.
И разнесло нас. И — занесло.
Старик по-прежнему чинит невод,
Кружатся соколы над водой,

Что остаётся? Смотреть на небо,
Одно — на всех бесприютных — небо,
И повторять «Элохим Гадоль»...

Солнце моё

Каждое утро, потягиваясь, встаёт,
Дует (сбивая в пену) на облака.

Я по тебе тоскую, солнце моё —
Россыпь веснушек, хрупкий бутон соска,
Спелой антоновки запах. В каких садах,
Сколько их было — дней и ночей — вдвоём?
Под небесами — высшая благодать —
В каждой и каждом — выстрадавшем, земном.

Он допивает кофе.

Поля пусты,
Мрачный ноябрь уступает пути зиме.
Знаешь, меня ведь никто не любил, как ты —
Так, ничего не выпрашивая взамен,
Всю, целиком, от пяток и до волос
(Кто говорил — любовь, мол, — удар ножа?)
Солнце моё, не надо ни слёз, ни слов.
И никому никогда не принадлежать —
Только себе. Смотри — невозможный мир
Вновь растворяется в утренней синеве.
Пусть будут люди прежде всего — людьми.

Он улыбается.
И открывает дверь.

Сыновья

Они приходят, когда заснёшь,
 Перебирают страницы книг,
 Считают дни — впереди весна,
 Напоминают — пора сажать.
 ...За окнами злится бессильно дождь.

Терпи, наследница всех держав,
 Терзайся — шёпотом в чёрном сне,
 Не вспоминай, как везли рожать,
 В палате — плач, в коридоре — смех,
 Как засыпал у твоей груди,
 А разбудить — нет греха страшней!

Не вспоминать, как (опять весна!)
 Темнело небо, сочились дни...
 Терпи, принцесса стальных границ,
 Хватает пасынков у страны.
 По лавкам, школам и лагерям —
 Не пропусти никого, метла!
 От мая (помнишь?) до ноября,
 И вновь зима. И земля бела.
 Всем хватит места. Крестов и звёзд
 На каждый шаг (не считай. До дна)
 Они уходят, а ты зовёшь,
 Взахлёб. И навзничь.

И вновь — весна.

Вставать, неспешно в привычной мгле
 Искать одежду. На стол — еду.
 Хоть в чём-то, Господи, пожалел —
 Придут.
 Они всё равно придут.

Жертвоприношение

Они всё шли, и река текла, трава шелестела: «Барух ха-Шем»,
И кто-то, шёпотом: «Иншалла»... Служанки прятали малышей,
Седой привратник (нож в рукаве), захлопывал дверь,
Проверял засов...

В клинике выключают свет ровно в десять часов.

Врач теребит на пальце кольцо, думает о Мари,
И накрывает палаты сон, переходящий в тревожный стон,
После — в сдавленный крик.

Приходит и говорит: не ори,
Зажимает ей грязной ладонью рот,
— Мириады миров у тебя внутри,
Тысячи лет, серебро костров.
Козочка, ты — бесценный сосуд,
Нести да не расплескать!
(Их было много, ханжей и сук,
Всех богомольных каст).
И, захлёбываясь слюной,
(Вдоль коридора кричат: врача!)
— Жидовской крови — разрешено
Пока что — восьмая часть.
И будет потомство твоё — что грязь —
Рожать и рожать рабов.
В преддверии звонкого января
Грядёт справедливый Бог!
Родишь царя к белоснежной зиме...

(Заклинило дверь, ещё рывок)

Ладони ищут острый предмет,
В кровь расцарапывают живот,
Врач второпях роняет шприц,
Санитар затягивает ремни —

В полях колосился капризный рис,
Они всё шли и считали дни.
Туманы, тучи — за слоём слой,
В мутном небе хотя бы одна звезда!

Свивали чётки цветной петлёй,
И повторяли: «Не опоздать»...

Елена Кондратьева-Сальгеро
(Франция)

*Родилась в Москве. Окончила МГПИИЯ им. Мориса Тореза.
С 1989 г. живёт во Франции. Публикуется во многих изданиях
России, составляет и редактирует парижский литературный
альманах «Глаголь».*

Затмение

С веранды, через верхнее окошко, было видно, что солнце уже отплескалось в верхушке дальнего тополя и теперь висело сияющим мячиком у сосен, за оградой. Когда солнечный мячик оказывался между стволами, родители обычно ездили за бабушкой на вокзал. Значит, уже два часа.

Ляка вздохнула и прислушалась. Пойти напомнить или ещё подождать?

Кукла Лизка осоловелыми глазами смотрела в распахнутую перед ней книгу и, по всему виду, давно находилась в обморочном состоянии. Дочитывать Лизке вслух историю сотворения мира в легендах и мифах с иллюстрациями не было ни смысла, ни желания.

Время всё равно опять стало, как заржавевшее, и сдвинуть его с места попутными развлечениями уже не получится. Это Ляка хорошо знала по своему долгому детскому опыту смирения с одиночеством.

Из комнаты мамы, вроде бы, больше не слышалось никаких телефонных переговоров.

Ляка встала и тихонько пошла в коридор.

Через открытую дверь раскатами сухих горошин доносился стук клавиатуры и всхлипы работающего принтера.

Ляка прислонилась к косяку на пороге и стала терпеливо ждать, пока мама перестанет печатать. Мама оставила клавиши, стала хватать выходящие из принтера листы, пробежать их глазами и быстро складывать в стопку, слева.

— Мама, мы едем?..

— Ляка! — закричала мама Женя, не оборачиваясь, продолжая выхватывать, просматривать и складывать листы, — Золото! Умница моя! Сердце! Потерпи, потерпи! Ты же видишь...

— Ты обещала, что сегодня поработаешь вечером...

— Но Ляка! Ты же видишь! — торопливо щёлкая мышью на экране монитора и всё ещё не оборачиваясь, взмолилась Женя, — обычная работа вечером, а это срочная работа! Ляка! Золото! Сердце моё! Ты же знаешь, я не виновата, но должны же мы с папой тебя кормить! А для этого...

Прямо перед Женей настойчиво запилил мобильник. Она схватила его, на секунду замешкалась и прежде чем ответить, повернулась к дочери:

— Потерпи ещё буквально полчаса — полчаса! Пойди в сад, глянь, какая чудная погода, походи в сад!

— Я не хочу в сад, я боюсь там одна, — сказала Ляка, — там кто-то есть, а ты даже не замечаешь...

Мобильник продолжал распиливать расстояние между ними резким железным звоном.

— Ляка! — укоризненно закричала Женя, — ну что за глупости, Боже мой! Кто там есть, в саду, если вот она я, дома, и к тому же, у окна! Ты большая девочка, как тебе не стыдно! Я сейчас закончу, пойдешь, поиграй!

— Там кто-то страшный... — тихо сказала Ляка.

Женя приложила мобильник к уху, обнаружила, что включился автоответчик, откинула аппарат на стопку бумаг перед монитором и снова повернулась к дочери.

— Ляка! Я ведь говорила тебе уже: ты сама себя пугаешь! Тебе должно быть стыдно: ты поэтому и кричишь во сне: настраиваешь себя чем попало и будишь нас чуть не каждую ночь. Мы с папой потом еле поднимаемся! Мы ведь встаём в такую рань...

— Я не поэтому кричу... — тихо сказала Ляка, — я не помню, когда кричу. А ты ко мне не приходишь, только кричишь в ответ, чтоб я перевернулась на другой бок, и кошмар пройдёт. И папа даже не просыпается. Но я не поэтому кричу...

— Поэтому, поэтому, — Женя вскочила, подбежала к дочери, взяла её за щеки ладонями и несколько раз крепко отщмокала в лоб. — Я тебе обещаю: через полчаса я всё закончу, и поедем.

— Ты всё время обещаешь... — тихо сказала Ляка, — вот бабушка всегда была со мной...

— Бабушка была свободный человек, — торопливо заговорила Женя. Она отвернулась от дочери, снова подбежала к монитору и защёлкала, вытянув шею к самому экрану, — бабушка не работала, бабушке делать было совершенно нечего, только тобой и заниматься, вот она и занималась... У нас с папой совсем другая ситуация... Ты же знаешь... Ты понимаешь...

— Но ты же обещала на сегодня, — тихо сказала Ляка.

— Да! — раздражённо крикнула Женя, — я обещала! Обещала! И сделаем, как я обещала, только потерпи!! Пойди же наконец, займись чем-нибудь!!

— Я уже всё утро занимаюсь... — почти прошептала Ляка.

— Ну ещё немножко! — в отчаянии крикнула Женя, — пойдешь, собери свои вещички — что ты там хочешь взять в дорогу — Лизку? Книжку? Сумку с этими трулялями? Садись в машину и жди меня, так быстрее время и пройдёт, а я закончу ровно через полчаса! Только стёкла опусти — жарко... Иди, иди... Боже мой! Чем дольше ты будешь меня отвлекать, тем дольше я не смогу освободиться! Неужели не ясно?!

Ляка опустила голову и отступила в коридор.

Женя уже заканчивала распечатку и раскладку бумаг по огромным крафтовым конвертам, когда снова запилил мобильник.

Женя бросила короткий взгляд, сморщилась и прильнув к экрану монитора, снова защёлкала мышью, одновременно забубнив в телефон:

— Даша, милая, знаю я, знаю, но давай не сегодня! Или хотя бы вечером, давай вечером. Я обещала поехать с дочерью в...

— Евгения Сергевна, вечером там все уйдут! А что мне с ним делать?! Вы же обещали, Евгения Сергевна!! Он сидит, ждёт, я как дура названиваю

этим из «Каллипсо», а они и разговаривать не хотят, пока вы не подтвердите, насчёт контракта. Евгения Сергевна, он чуть не плачет! Правда! И девочки говорят, у него мать при смерти, в онкологии. Вы ж ему обещали!! И Гера говорит, надо взять... Евгения Сергевна! Вы хоть позвоните им! Пошлите подтверждение на почту! А полный текст я завтра, прямо с утра...

— Кинь мне на почту их телефон...

— Евгения Сергевна, вы ангел! Всё отправила, бегу ему сказать...

Женя закусила губу и заелозила мышью по экрану: сейчас, сейчас. Позвонить, подтвердить, устно и письменно, остальное завтра, завтра. Или сегодня вечером. После Ляки. Вечером. Или завтра. Может, всё завтра? Нет, всё нельзя. А это сейчас, сейчас... Остальное после Ляки, после Ляки...

Когда, с шипящим вздохом облегчения, Женя, наконец, вырубилла и монитор, и мобильник одновременно, часы над компьютером показывали половину пятого.

Дом молчал.

Женя изо всех сил сладко потянулась, хлебнула остатки ледяного кофе в давно скучавшей чашке, машинально, не глядя, сняла со спинки кресла лёгкий летний пиджак, привычным жестом подхватила сумку за ремень, на плечо и на секунду задержалась перед бабушкиным зеркалом в витой чугунной оправе, проверить, не слишком ли блестит нос и не обвисли ли нечёсанные локоны, но в общем, наплевать, если и блестит, или обвисли: сегодня никаких обязательств, сегодня детский день. Сегодня день Ляки. А это значит, можно расслабиться и стать как дети — хочешь, иди нечёсанной, хочешь, в неглиже.

— Ляка! — весело закричала Женя, — я готова! Сбегай в туалет и быстро в машину, уже полпятого, а то не успеем! А я закрою окна и бегу!

Женя ещё раз приблизилась к зеркалу, чуть не ткнувшись в собственное отражение и потёрла пальцами крылья носа. От зеркальной поверхности шёл едва ощутимый мутно гладкий холод и неясный аромат чего-то скучно кислого, как уксусная эссенция.

Женя вдруг отшатнулась и замерла.

Дом молчал.

Впервые в жизни, Женя почувствовала всей кожей, как зеркально гладкий холод, ртутными шариками просачивается через поры внутрь внезапно сжавшегося в жалкий, оголённый безумным, безудержным страхом сгусток её существа.

Только секунду назад была Женя, женщина, мать, человек, а теперь — беспощадно обнажённый и неприглядно-отвратительный комок — сплетение нервов, слизи и спёкшегося мрака.

Что-то ухнуло перед глазами, отдалось в ушах, она мгновенно оглохла, глаза застила такая же ртутная плёнка, как та, что уже была внутри, закружилась голова и жизнь быстро и безмолвно хлынула из неё, как вода из сорвавшегося крана.

Женя медленно перевела умирающий взгляд на бабушкино зеркало в чугунной оправе. В сознании её, как растерзанный сосуд, рвался беззвучный и безумный крик: «Мама! Что это? Помогите, мама!»

Зеркало светилось ртутной зыбью и бесстрастной, бездонной пустотой.

Шум в ушах внезапно прекратился и Женя пришла в себя, с ощущением до дикости страшного сна, в котором не раздумывая можно жизнь отдать только за то, чтобы проснуться.

Она знала, чувствовала, как в наваждении, что в доме она одна. Ляки не было. Ляки не было.

Женя пошевелилась, просто чтобы убедиться, что жива, подняла голову, прислушалась, но уже без надежды.

Когда в нём находились люди, даже если они спали, дом никогда ТАК не молчал. Теперь она точно знала, что дом пуст.

И всё-таки, всё-таки позвала, тихо, неожиданно охрипшим голосом:
— Ляка?..

Потом громче, резче, истеричнее. И, наконец, полностью сорвавшимся с катушек отчаянием:

— Ляка! Ляконька! Светляка!! Светлячок!!!Света! Светочка, ответь! Ответь, Светланочка, родная, только ответь!!! Света, ответь!..

Потом она, как безумная, заметалась по дому, срывая шторы и оглядывая задиванные углы, повторяя : Господи, Господи, сделай это сном, сделай это страшным сном...

Через открытое окно в гостиной хорошо просматривался двор, стоящая вдалеке у ворот машина, пустые качели.

Женя покричала через окно гостиной и уже в оцепенении снова направилась в свою комнату, выходящую, как и Лякина любимая терраска, в сад.

К окну она подошла, как тяжело больной, разбитый параличом человек и ничего не соображая окинула каким-то скольльзящим ртутным взглядом пустой газон, пустой гамак, пустые и глупые розовые кусты. С этой стороны дома она тоже покричала, уже совсем осипшим, тающим голосом.

Она уже хорошо понимала, что дочери ни в доме, ни в саду нет. За свои неполные девять лет Ляка никогда не позволяла себе не явиться на зов, или даже просто не ответить.

Над дальними соснами, справа, за оградой висел чёрный матовый, немигающий шар. Женя тупо смотрела на него несколько секунд, не понимая, что это и откуда взялось. Когда вернувшееся сознание подсказало ей, что это солнце, но почему-то она видит его таким, чёрным, матовым и поэтому может теперь сколько угодно на него смотреть, Женя не удивилась. Она уже тогда знала, что больше ей в этой жизни удивляться не придётся.

Вот оно, вдруг подумала Женя, вот то, о чём говорят «не приснится в страшном сне», за что можно умереть не раздумывая, лишь бы приснилось, лишь бы не наяву. Раздавленная, как плевок, Женя заставила себя сколько возможно напрячься и начать соображать.

Уйти Ляка никуда не могла. Ляка очень послушная девочка. Ляка никогда не выйдет за ворота, никогда не пойдёт к незнакомым людям, Ляку успели научить самому главному в детской жизни — осторожности.

Значит, пока она, мать, была погружена в свою рабочую суматоху и металась между телефоном и компьютером, кто-то проник в сад, кто-то проник в дом, кто-то силой увёл, увёз или унёс ребёнка.

Девочку похитили. Вот он — ничем не прикрытый и ничем не послабляемый дикий, животный, оскотинивающий Страх. Страх с большой буквы. Всем страхам Страх.

Когда мать не знает, где её дитя и какая опасность ему угрожает. Как спасти, что делать, куда бежать, кому звонить...

Дура, дура, дура я! Я ведь даже не знаю, сколько времени прошло с тех пор, как это случилось, тогда как каждая секунда может быть смерти не только подобна, но и равна.

Из этих бесценных секунд я потеряла уже полчаса. Я бегаю по дому, я оглядываю сад, идиотка, это тоже я: нужно немедленно, немедленно вызывать все службы быстрого реагирования, что там у них, для таких случаев, милиция, полиция, тревога «похищен ребёнок»?..

Женя бросилась в комнату, к столу с выключенным компьютером и лихорадочно зашарила меж бумаг. Мобильник пропал. Окончательно смешавшиеся остатки мыслей выдали слипшийся клубок: они украли мобильник, украли, чтобы иметь как можно больше времени, прежде чем я успею поднять тревогу. И сразу вслед: это невозможно, я схожу с ума, мобильник всё время был со мной, я по нему разговаривала...

Женя схватила брошенную посреди комнаты сумку и вывернула наизнанку её содержимое. Мобильника там не оказалось. Другого телефона на даче не было.

Я сейчас, подумала Женя, сейчас. Наплевать, куда они дели мобильник. Наплевать, как они его получили. Наплевать на всё, лишь бы достать Ляку живой. Живой. Mamочка, помоги, мамочка! Mamочка, я больше не буду, не буду! Я больше никогда её не оставлю, мамочка, ты же знаешь, мамочка!..

Женя резко развернулась к бабушкиному зеркалу, в глаза её наконец пришли слёзы, она сжала пальцами виски, снова посмотрела в окно и увидела слепяще жёлтый шар, переливающийся за дальними соснами.

Оно больше не чёрное, машинально подумала Женя, оно опять.

Надо спешить, теперь только спешить. Она лихорадочно подобрала ключи из растерзанной на полу сумки и бросилась из комнаты во двор, на ходу соображая, сколько времени потребуется до ближайшего отделения.

Нагретый за день воздух загустел и двигаться в нём было трудно, как в патоке. Жене казалось, что бежит она в замедленной съёмке какого-то третьесортного, дурно поставленного фильма, по совершенно неизвестному ей сценарию.

Сердце её билось уже прямо во рту, и она изо всех сил сжимала зубы, чтобы не «вырвать» саму себя, всю себя от внезапно поднявшейся к самой себе тошноты. Надо успеть, думала Женя. Надо успеть. Остальное потом. Остальное — после Ляки...

Машина стояла в благодатной тени, со всеми поднятыми стёклами.

Она рванула дверцу, ринулась внутрь и замерла, как цапля, с поднятой ногой и широко разинутым клювом.

На переднем водительском сидении, уткнувшись растрёпанной головой в раскрытую на руле книгу о сотворении мира в легендах и мифах с иллюстрациями, сидела кукла Лизка.

Рядом, свернувшись тёплым калачиком, спала Ляка.

Щека у Ляки была розовато-медовая, как яблоко, а на скуле темнела шоколадная корочка от заживающей болячки: на прошлой неделе Ляка въехала на велосипеде в яблоневый ствол.

Женя взяла Лизку за волосы, книгу за корешок, осторожно опустила обоих на траву и тихо села за руль, рядом со спящей Лякой.

«Господи, прости меня, я не знаю молитв, я могу только своими словами, прости меня и за это, Господи! Я сама всё скажу, я сама, Господи! Благодарю тебя за всё, Отца, и Сына, и Святого Духа, и Пречистую Деву Марию, Пресвятую Богородицу! Благодарю вас всех! Всех! И всех святых, и ангелов, и Архангелов, и всех, кого забыла назвать, не обижайтесь, кто там ещё у вас... Простите меня, все!.. Господи! Я больше никогда... Мамочка, мамочка... Господи, прости! Теперь никогда, никогда...»

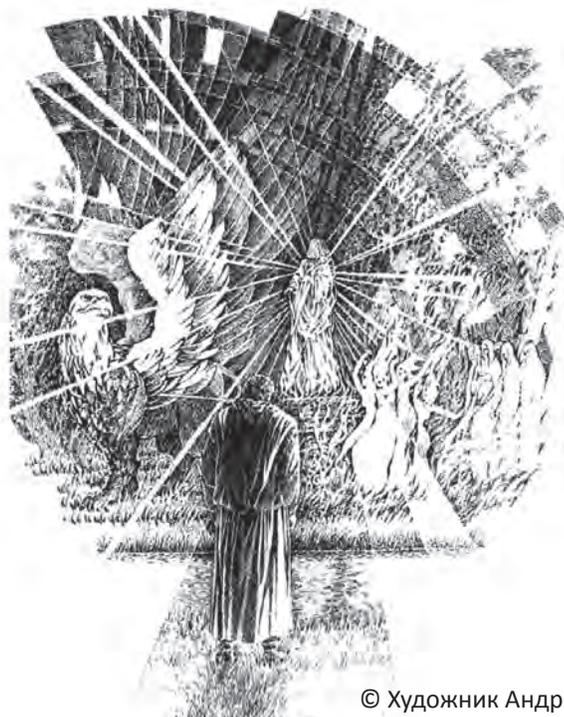
Слёзы текли с той же силой, с какой только что уходила жизнь, а теперь возвращалась потоком, как пробуждение, после очень страшного, очень длинного сна.

Женя не двигалась, руки её бессильно лежали на коленях, как парализованные, ладонями вверх, и слёзы стекали по шее беспрепятственно, вымывая вместе с болью и силы, и сон.

Боже мой, блаженно думала Женя, как страшно, оказывается, и как просто... Такое огромное счастье... ведь прямо разорвёт...

Ляка глубоко вздохнула и завозилась на сиденье.

Тупым железом взрезая нахлынувшую благодать, в кармане пиджака запилил мобильник.

© Художник Андрей Карапетян

Альгирдас Микульскис
(Россия, Москва)

Родился 5 ноября 1970 года в шахтёрском посёлке Хальмер-Ю, севернее Воркуты. Первые поэтические опыты начал проводить, будучи студентом Уфимского Авиационного Университета, закончив который, в 1994 году всерьёз увлёкся тележурналистикой, не бросив при этом стихосложение. Неоднократно публиковался в периодике Башкортостана, был замечен в составе авторов московского литературного альманаха «Конец Эпохи», а также в сетевом поэтическом сообществе.

Женат. Живёт и работает в Москве, периодически выезжая в командировки во множество интересных и иногда опасных мест.

Регги среднего возраста

* * *

Предутренняя муть колышется в парадных...
 Дремотною водой шевелится канал...
 И так — за веком век. И нет путей обратных.
 Ночь. Улица. Фонарь. Аптека. И — финал...

Дремучие дворы — пролог Экклизиаста.
 Граница Бытия чуть дальше Биржевой...
 Грифонов и Царей немислимая каста...
 На мраморном столпе — Архангел чуть живой...

Бездонный и глухой, Литейный ливнем залит...
 Летит, ломаясь, тень по Пятому Углу,
 Течёт гранит Реки, и Сфинксы зубы скалят,
 И сели облака на медную иглу...

Так будет до Конца. Всё верно — нет спасенья.
 Затянута Луна затрёпанным холстом...
 По Пушкинской бредут, шатаясь, привиденья...
 Расходятся круги под Троицким мостом...

Так будет до конца... Так было от Начала...
 Созрела конопля на Марсовом лугу...
 Который нынче век? Что было и что стало?
 Который? Для чего? Спроси — и я солгу.

* * *

Это время стихов —
 ничего нет у Бога подлей,
 Чем сие торжество сумасшествий,
 слогов и размеров!
 Ты кричишь в облака:
 «Ну, давай же! Ещё мне подлей
 Сладковатого яда
 Любви, Надежды и Веры!!!
 Мудрость — проигнорируй.
 Не в Мудрости нынче нужда!
 Что Она мне, когда
 под ногами Миры расцветают?...»
 Промолчит... И в меня поглядит,
 словно бы в Никуда...
 Долгожданною рифмой
 в оконце маршрутки протает.

* * *

Непокой ноября в полуумерших листьях трепещет,
 Запоздалые птицы галдят: «Не пора ли на юг???»
 Запечатаны окна. Закуплены тёплые вещи.
 Еле слышно под рёбрами ритмы на место встают...
 Непокой ноября — дни разбитые в строгий анапест.
 Многоточия Солнца на серых листах облаков.
 Заколочено лето, как будто навечно, крест-накрест
 Что-то ноет под рёбрами, и до тепла далеко...
 Непокой — гулок дышащий, мудрый и древний, как гейзер —
 Кто Бессмертные те, что смогли мне его подарить?
 Ежеутренний чай... Сигареты... Звезда Бетельгейзе
 Над продрогшей Страной отстранённо и ровно горит...

* * *

Я не знаю, кто сделал Солнце — яблоком на макушке...
 Я не в курсе, какой алхимик погрузил меня в этот гель...
 Просто чувствую: я — на «мушке»... Да, да — на «мушке».
 Остаётся молиться: «Целься неточно, Телль!...»
 Целься мимо... Московское дикое голоножье
 не сдаёт, по обыкновенью, малейшую Цитадель.
 Целься, батя... Иначе я «распакую» ножны.
 И убью тебя сам, отец мой безумный — Телль...
 Всё давно уже прожито, пропито, шулерской картой бито!
 Только солнце Тверской — как в единый, последний раз!
 Все, что можно — просеяно... Вымыта боль из сита...
 Целься, Телль, не по яблоку, но точнехонько — между глаз.

Регги среднего возраста

Мы из тех, кто не ждёт ответов...
 Мне — под сорок, тебе — за тридцать...
 Ловим ноты в аккордах ветра...
 И умеем друг другу сниться...

Несговорчивые, как кошки —
 Верим только себе подобным
 и тепло обнажённой кожи
 Помним пристально и подробно...

Я — где-то между.
 Ты — где-то возле.
 Жизнь — где-то прежде.
 Смерть — где-то после.
 Всё, что не наше,
 Нас не тревожит —
 Жизнь — где-то раньше,
 Смерть — где-то позже...

В телефоне тире да точки,
 В голове — дефицит терпенья.
 Я как будто бы обесточен
 Без родного сердцебиенья...

Да и ты — словно в амнезии
 Без тепла моего дыханья.
 Мы с тобой для себя — Мессии.
 Для других — инопланетяне...

* * *

Пройду по граням
 преданий ранних,
 где рваной раной
 дымит тропа —
 и станет кречет
 моим предтечей,
 с небес на плечи
 твои упав...

Уже не знаю
 ни дна, ни края.
 «Дождись, родная, —
 по жилам стук, —
 Легко да скоро,
 назло покорным,
 настырным корнем
 в тебя вращу...»

* * *

Ты осталась со мной
 посреди городов и дорог...
 Посреди перелётов
 в гремучие, злые места...
 Ты осталась... На самый бессрочный,
 пожизненный срок
 горьким запахом листьев,
 тоской да бессонницей став...

Ты осталась со мной...
 На стреляющей горной тропе —
 неизбежностью Жизни
 в единственном тихом: «Дождусь...»
 В песне ласковых дюн
 Ты осталась, как вечный припев,
 несозвучный щемящему этому
 горе-дождю...

В жадной глотке Вулкана...
 В июньском Бульварном Кольце...
 В светлой, словно «и ныне, и присно...»
 Дороге Домой.
 Ты осталась — и, значит,
 У Дьявола сбился прицел!
 Ты осталась... Ты — просто
 и тихо осталась со мной.

* * *

Вот ведь беда какая: не знаю, с кем ты...
 И Москва опустилась в калёное чудо-пекло...
 Кожа, когда-то порванная «на ленты»,
 неожиданно стала жаркой... Почти как лето!

Люди, трамваи, кошки, коты, вокзалы,
 страны, таможни, кофе, аэропорты,
 Слово, которое ты «просто так» сказала...
 Кто-то крылатый, поющий мне в уши «форте»!

Бешеный чай, ноябрь, коровка Божья...
 Раненый мальчик... Где-то в районе Гори...
 Знаешь... А я ведь в чём-то — Творенье тоже!
 В счастье, в любви, в неказистости... Ну и в горе...

* * *

Растворится московская усталость...
 Всё, как в детстве — разноцветно и бездонно!
 И немислимое небо распласталось
 Над кедровыми холмами Кумаона...

Здесь тепло, и обезьяны, как собаки!
 Как обычные собаки — представляешь?!!
 Здесь в любой травинке — зыблемые Знаки,
 О которых Ты во снах твоих мечтаешь...

По России растеклась позёмка злая...
 Ну, а тут на все «зачем» — полно ответов!
 Привезу Тебе немножко Гималаев...
 Всё поймёшь Ты, причастившись этим светом.

Египет — 2011

А дальше чё? Да, как-то так...
 Допросы, вопли: «Who are you?»
 Эй! На колени быстро встать!

Don't speak!!!» И — страшно, мать твою!!!
 Так страшно, братцы! «Отче Наш»
 Тонул в заплёванном песке...
 И «следаки» входили в раж,

И дырка чуялась в виске...
 «Stand up!!! You`re filming violence!!!
 You`re agents of the FSB!!!
 You`re orthodox!!!» — «Опять залез...

Аркаша... Мама... Будут бить...»
 И только кто-то в небесах
 Держал за нас тугой кулак,
 Давая силы не «зассать»...

Остались живы... Как-то так...

* * *

Слышишь, Подмосковье и Урал?
 Чтоб немного тише стало в мире —
 Буднично и страшно умирал
 Авианаводчик под Пальмирой.
 Не постель родная, а «квадрат»
 Сделался ему последним ложем.
 Данные его координат
 Сделались предсмертным: «Мы поможем...»
 С неба нас теперь он сторожит —
 Видно, Бог отдал команду: «Вира!...»
 Ну, а как ещё бы смог не жить
 Этот Русский где-то под Пальмирой...

* * *

В. Немышеву

Солнышко играет в «гляделки»,
 Лупит СВД вдалеке...
 Горло перерезали — дел-то!!! —
 Капелька дрожит на штыке...

Лопнула яремная вена,
 Хрустнуло под «берцем» стекло,
 Окропило кровушкой стену —
 В Сирии безумно тепло!!!

Пулемёт зашёлся натужно —
 Лучше б мне сегодня «не быть»...
 Пулемёту Важно и Нужно
 Лишь меня поймать и убить!

Жаркое стекает на камни —
 Те, которым тысячи лет...
 «Иншалла!» кричи, или «Амэн!» —
 «Бронебойным» разницы нет!

Катятся «Варяг» с «Отченашем»
 Вдоль по гнили чудо-идей!
 Варится багровая каша!
 Новый занимается день!

Нелли Гутина
(Израиль, Тель-Авив)

Журналист, блогер, публицист и иногда писательница. Родилась во Львове, на Украине, в Израиле с конца семидесятых. Помимо публикаций в бумажных и онлайн-изданиях опубликовала три книги на русском. Последняя — «Israel Goes Russian» (Израильяне: сделано в СССР), 2011 — книга об израильских «русских», о том, как они изменили Израиль и как Израиль изменил их, об их влиянии на израильскую политику, человеческий ландшафт и стиль жизни..

Шпионы пишут лучше (отрывок из книги «Israel goes Russian»)

Любите ли вы современную русскую литературу так, как люблю её я?

Моя любимая писательница — Александра Маринина, а любимая героиня — русская милиционерша Настя. Когда я об этом заявляю, ловлю на себе странные взгляды знатоков, из чего могу заключить, что мои вкусы недостаточно элитарны. К счастью, их со мной разделяет большинство читающего населения России, и не только. Французские критики, например, написали, что Маринина — это энциклопедия русской жизни. Не знаю насчёт энциклопедии, но мне про Настю интересно читать всё — и про то, как она раскрывает преступления, и про то, как она жарит котлеты.

Сюжеты АМ держат меня в напряжении в ожидании развязки — не только в смысле когда, наконец, поймают преступника.

Настоящая развязка — это когда героиня Настя может позволить себе пойти спать, потому что во время чтения я физически ощущаю, что героиня на пределе, и в этом для меня настоящий «саспенс».

Израиль — потребитель книг на русском языке. Более 40% российского книжного экспорта приходится на Израиль. А кроме того, есть ещё и местные издатели, выпускающие книги на русском языке, начиная с религиозных и кончая поваренными. И российские, и израильские издательства выпускают также переводы израильских авторов. Для Иерусалимской книжной ярмарки характерно массивное присутствие кириллицы. Можно сказать, что это единственная ярмарка на Западе, где доминирует два экзотических шрифта: иврит и кириллица.

Когда российские писатели приезжают в Израиль, между ними и русскоязычными писателями Израиля имеет место интенсивный обмен, который субсидируется некоторыми издательствами и скрепляется водкой. Если это происходит в рамках книжной ярмарки, то в результате интен-

сивного культурного обмена писателей у русского стенда обычно не видно. Зато можно увидеть женщин и мужчин в хорошо сшитых костюмах и с безупречными манерами — настолько безупречными, что они тактично не замечают, как посетители утоляют свой культурный голод, таская с прилавков книги. Впрочем, это, возможно, гуманитарная помощь.

Однажды на Иерусалимской ярмарке выступила Улицкая и рассказала о своей книге, в которой присутствует христианская тема. В ходе выступления Улицкая, новая христианка, начала слегка неофитствовать — так, во всяком случае, показалось аудитории. Возникла некоторая теологическая напряжённость. Наши, видимо, обиделись на то, что Улицкая, по рождению еврейка, перешла в христианство. По-моему, напрасно. В Израиле на одну такую Улицкую приходится по десять чистокровных русских, которые конвертировались в иудаизм. По чисто демографическим параметрам мы в Израиле совершили выгодный конфессиональный обмен. Хотя наши новые евреи, в отличие от их новых христиан, обычно не делают русскую литературу. Но мы любим их несмотря на это. А может быть, именно поэтому.

Мне пока не довелось увидеть в Израиле ни мою любимую писательницу Маринину, ни других мастериц детективного жанра. Зато однажды прислали Марию Арбатову. Она рассказывала о своей книге про Индию. Про Индию нам интересно, потому что пол-Израиля ездит туда — кто за духовкой, кто на транс-вечеринки. Арбатова сказала, что знает про Индию всё, потому что замужем за индусом и сама буддистка. Индия, сказала она, занимает первое место по закупке бриллиантов, Россия — первое место по их добыче, а между Индией и Россией «устроились евреи».

Что, согласитесь, очень важная информация.

Арбатова поведала также, что собралась в депутаты, и отдала должное Ирине Хакамаде, «единственный вклад которой в политику состоит в том, что она доказала, что депутат Думы может быть хорошо подстрижен и хорошо одет».

Я посмотрела на непокорные кудри Арбатовой, на замысловатый фасон её платья и подумала, что Арбатовой, пожалуй, стоит пройти у Хакамады курсы.

В России поэту-писателю всё ещё вменяется в обязанность быть гражданином. Зато понятие «гражданин» расширилось, и некоторые современные русские писатели имеют позицию практически по любому вопросу.

Впрочем, им ещё далеко до современных классиков современной израильской литературы, которые разбираются не только в политике, но и в стратегии. Амос Оз, например, сидит у себя в кабинете и пишет рекомендации непосредственно министру обороны — вводить войска, не вводить войска, атаковать Газу, не атаковать Газу...

Один российский «больше-чем-писатель» по фамилии Быков представил однажды Иерусалиму свою геополитическую концепцию, согласно которой евреи со своим Израилем «нарушают баланс мирового порядка».

Правильно: хотим — и нарушаем. На страницах сетевых журналов он иногда нападает ни с того ни с сего на израильских деятелей, которых уже давно нет на свете. Наши тут же вступают в спор, потакая любителю дразнить гусей. Что же, судя по его виду, это единственный вид спорта, которым он занимается.

Хотя до сих пор в современной русской литературе меня интересовали писательницы-детективщицы, после того как я прочла книгу Константина Харитоновна «Быть израильтянином», меня начали интересовать также писатели-шпионы.

Капитонов — это российский журналист, которого наши израильские русскоязычные журналисты «разобраличили» как шпиона за то, что он перепечатал в газете «Труд» всё то, что они сами постоянно печатают в своих газетах. А именно — что «в Израиле дискриминируют русских». Как тех русских, которые курсивом, так и этнических русских.

То, что сотни тысяч русских израильтян не могут сочетаться браком в Израиле, стало темой коалиционных переговоров и условием вступления в правительственную коалицию партии, которая опирается на русские голоса. То, что за разговор по-русски на рабочем месте можно вылететь с работы, мы тоже знаем из наших израильских газет.

Но взять и пересказать всё это в газете «Труд» — это, конечно, шпионаж чистой воды.

Впрочем, не стану спорить с нашими службами безопасности. Шпион так шпион. Но пишет хорошо. А главное, знает материю. Даже я после стольких лет жизни в Израиле узнала из его книги много нового.

Шестьсот с лишним страниц информативного и увлекательного текста, полного симпатии к Израилю и объективно отражающего израильскую реальность.

Лучше бы они засылали к нам побольше таких шпионов и меньше arrogantных писателей с таким апломбом и высокомерием, что становится понятным, почему развалился Советский Союз: даже братья-славяне, и те не захотели терпеть поводок «старшего брата».

Рита Трошкина
(Латвия, Рига)

Журналист, редактор. Живёт в Риге. Работала главным редактором журнала «Балтийский сезон», заместителем гл. редактора латвийского еженедельника «Суббота». В данный момент — автор и ведущая радиопрограммы «Зелёная лампа». Дважды лауреат литературного конкурса «Янтарное перо». Была финалистом конкурса «Поэт года-2017». Автор сборника стихов «Lupo momento».

Если сердце бьётся на краю...

Безоружное

Ходят по кругу и рвутся к кормушке
люди без веры из клана двурушных.
Кто не за них — просто лох и фанатик.
Так происходит подмена понятий.

Семя манкуртово множится втрое,
и крысоловы курсируют строем
в каждой контекстом оборванной фразе.
Так умножают количество грязи.

Каждый плевок конвертируют в баллы,
конкурсы, гранты, бабло, пьедесталы.
Прибылью смерены слёзы и жизни.
Так превращают сердца в механизмы.

Что перед ними поставить завесой —
первый цветок из весеннего леса?
Ключ родниковый, синицу на ветке —
эти совсем безоружные метки?

Тихих беспомощных знаков... ну разве
хватит ли сдерживать линию грязи?

Но вот когда мы безумно устали,
нам выпускают знакомую стаю,
белую стаю...

Слово любви против запаха серы.
Не подменяется белое серым.

Вишнёвый сад

Нечаянно пролив в свои стихи
коктейль из ностальгии и тумана,
на доньшке гранёного стакана
увидим сада старого штрихи.

Шмелями исцелованных незло
вишневых губ легко прикосновение,
Но кольца, кольца, кольца на поленьях
несчитанных порубленных стволов,

Иных уж нет, а те... давно — не те.
Науки соль — теряя не теряться —
мучительна... Безродные паяцы,
несём в себе тоску по красоте.

Как память режет, если изнутри
забытым фирсом бьётся день вчерашний,
и флаги, голосившие на башнях,
кolor меняют за смешной тариф.

Но тени, покосившись на плетень,
растают в полдень. И тогда неслышно —
гляди! — с проросшей косточкою вишни
из дальней рощи вылетит олень.

Взрезает явь изящнее стрелы
из тетивы столетий и мистерий...
Как будто сзади — ни одной потери!
А веточки так искренне белы.

Летит, как время, сквозь ловушки вех
по солнечной опушке — дальше, дальше.
К себе — из прошлых бед, обид и фальши,
и вот уже... замыслил ты побег.

Так получают оберег любви —
паля в судьбу лишь косточкой вишнёвой,
поверив... Перекроенной основой
дыша взахлёб. В себе не оборви

забытый старый сад. На дне зрачка
храни его вчерашнюю небрежность.
А в путь возьми неслыханную нежность
и аромат вишнёвого цветка.

Квазимир

только свет образует цвет...
чёрный в том числе.
любой цвет при максимальном снижении яркости становится чёрным
(физика цвета)
Дезирада. Стихи.ру

Терзаешь зрачками бездонное дно,
где брошенный камень не пойман ни разу...
Загадкой в квадрате темнеет окно —
тоннель казимиров, смущающий разум.

А где-то внутри резонансно — игла —
попробуй-ка сам удержаться за гранью.
Квадратное поле — четыре угла.
неведомым замыслом манит и манит...

Вода не течёт под лежачий квадрат,
но как перелиться за рамочки смысла?
И кем зашифрована эта дыра —
прыжок без страховки с высокого мыса.

По квантовым меткам, по краешку фраз
косит с траекторий уловленный атом.
И что это — шутка? космический пазл?
Подглядывать тянет и дразнит квадратом.

Подумаешь — чудо, игрушки ума...
Залить чёрным цветом любые детали —
и пусть разбираются — свет или тьма.
И сотбисы ставки винтят по спирали.

Но радужный спектр сольётся в одно
хранилище цвета... О чём же мы спорим?
А, может быть, просто такое оно —
квадратное поле в предчувствии зёрен?

Короче, зависли... Гадай не гадай —
лишь яркость прибавь залетевшим фотонам.

Мы так же на звёзды глядим иногда —
звенящие крошки в квадрате оконном.

Такое оно

...Где ты улыбаешься, в платье нарядном таком, по ветру летящем —
И ныне и присно, и даже во веки веков так выглядит счастье.

Борис Бергин

Как выглядит счастье? А разве оно осколочком лета
не рвёт тебе сердце? Обрывками снов случайного цвета,
трамвайным билетиком, синим лучом, росой причастий...
И вот они все — собрались за плечом с мечтою о счастье.

По росписи радуг пришла босиком, искрясь и сверкая,
каррарского мрамора тайным листком... Ну, здравствуй, Морская.
И та, что о нежности знала — тиха, не кутать мехами.
И тот, кому мятой стелились луга — ковром под ногами.

Бессонное лихо, слова невпопад в жемчужных оправках.
Споткнулись жирафы на озере Чад в немыслимых травах.
Звучащей ракушки растерянный взгляд, наполненный ядом.
Калашный за речкой кончается ряд старинным обрядом.
Метелью метущей в пределах иных, свечою февральской,
Клинком журавлиным с чужой стороны, черёмухой майской.

И всё ещё было... а знаешь, весна! — сударыня, руку!
Летит занавеска слепого окна — послушная звуку.
Неровным дыханьем, по-прежнему в такт любви попадая,
в обрыв мироздания, и кони храпят в бескрайности края.
Земнее земных в гефсиманском глазу монеткой обратной.
И косточку — в землю, целуя лозу — с печалью булатной.

Им — недолубившим, рисующим в ночь глаза колесницы,
таким настоящим и всё-таки вновь бессильным родиться
среди облаков, где цветная тесьма — оборвышем лета...
Но кто-то спросил: а ты знаешь сама, как выглядит это?

Губу искусов, нечернильным глотком, случайным и ждущим,
я вам доверяю кленовым листком — слова о грядущем.
Не замшевым эхом, не лыком в строку — пунктиром, овалом —
о том, что случилось на вашем веку... чего не хватало.

Протянутой строчки звенящи силки, подчёркнуто дважды.
Пусть слёзы прозрачны. Печали легки. А мысли отважны.

Так выглядит счастье! Тебя. О тебе. Тобою. Листая
пронзительный август, от римских ворот — взматается стая.
С ладони твоей золотистым теплом по линии жизни
мне катится яблоком в руки любовь. И ныне и присно,
и даже во веки веков не отдам ни капли, ни части.
С тобою. Тебя. О тебе. Для тебя. Так выглядит счастье.

Солнце, стихи, корабли

Блоковым ветром эпоху продуло.
Серый конец октября.
Сорок аптек и ночной переулочек —
ни одного фонаря.

По вечерам —
то туманы, то драмы,
жжёт ресторан заводной.
Бродят какие-то смутные дамы.
кто эти люди, родной?

Осень шуршит
запасными листьями.
Сколько на небе ворон...
Я их считаю, считаю, считаю....
Только в итоге зеро.

Мы прибавляем к нему единички,
чтоб не равнялось нулю.
А от меня зажигаются спички,
что-то, наверно, спалю.

В чём же там веритас —
в хлебе едином?
В слове на чистом листе?
Может, в аптеке...
а может, ин вино.
Но никогда — в темноте.

Блоково Блоку —
печально и мудро.
Только для грешной земли —
кто-то ж включает на улице утром
солнце, стихи, корабли.

Это твоё. Улыбайся почаще —
всё-таки в мире светло.
Пусть тебе выпадет
тихое счастье.
И никогда не зеро.

Всё страньше

В стране, где бежать надо
только затем,
чтоб просто не сдвинуться с места,
латаю изнанку на старом холсте
с уснувшюю девочкой вместе.
Чаинки из чашки цветущим кустом
вчера притворятся умело.
А завтра свежайшим зелёным листом
увядшая роза алела.
Неможно вперёд,
не скатившись назад.
Нет выхода без неухода.
Сначала улыбка, а после глаза
и шубка Чеширской породы.
Пирог превращается в тесто.

Мосты
несутся вдоль речки по краю.
От Кролика Шляпа удрала в кусты.
Крокет в Герцогиню играет.
Среди натюрмордов
вопит Бармаглот,
напяливший галстук Шалтая.
Горчица — не птица. А наоборот.
Хотя почему-то летает.
Теряет перчатки летучая мышь.
Червяк угощает кальяном.
Такая вот лживопись. Если гостишь
в стране зазеркальной и странной.

Хожу Королевой промежду дверей.
Смеюсь через слёзы, некстати.
С изнанки — конечно, оно веселей.
Чем дальше — тем всё чудесатей.
Ну вот и связала концы узелков.
Всё страньше — печально и нежно.

Пришли мне скорее
весенних цветов —
каких-нибудь жёлтых, конечно...

О настоящем времени

Вечность — это время, заполненное любовью

время ворочалось, не спалось ему,
всё шебуршилось в ночи минутами,
то притворялось замёрзшей осенью,
то у будильников стрелки путало.

мяло щекою перину облака,
по циферблату сверялось — точно ли
тикает? звёзды на память по боку
клеило скотчем. сжималось точкою....

гимнами пелось и пасторальями
(их никогда не бывало поровну)
и разворачивалось спиралями
в разные стороны, в разные стороны...

и наблюдало с ленивой грацией,
как человеки пугались даже, но
кто-то терял его, укорачивал
кто-то цветами его высаживал

и запускал к небесам подсолнухи
жёлтыми солнцами, круглобокими,
и начинались такие сполохи —
словно искрило всё небо токами.

время металось стрелой звенящею
через вселенскую околесицу.
— да настоящее я, настоящее...
вот же вам лестница, вот вам лестница....

не останавливаясь на полночи,
снова летело на землю точно:
— если любовью меня заполните,
стану я вечностью, мигом солнечным,

радугой, сотканной в бесконечности,
бабочкой лёгкой, горчичным семенем...

а у любви нашей столько вечностей...
тоже ведь были когда-то временем.

Прощёное

Птица заполошенная зябнет.
 Как всегда, казённо-неучтив
 без тепла оставленный ноябрь,
 и уже закончился почти.

Нитки, прорисованные косо,
 мы пересчитаем погода —
 зашивают раненую осень
 мелкими уколами дождя....

Далеко до месяца нисана,
 словно кто-то календарь протер
 серой тучей. А на Домской за ночь
 пряничный построили шатёр.

Завтра снег завалит белым рисом
 трещинки старинных рижских плит.
 Осень, ты — великая актриса,
 притворись, что больше не болит.

А иначе — птицам быть бескрылым.
 Что-то бьётся — чашка, сердце, час?
 Небо плачет — может быть, простыло?
 Или это значит, что простило
 неразумных и замёрзших нас...

* * *

Жёлтый фонарь — маркировка тьмы.
 Целая ночь — от нуля до полюса.
 Мы ещё немые. Но всё же — мы
 Учимся в цвете не путать полосы.

И отличать, приложив на свет
 Тени-плетени пройдох и выскочек.
 Чёрного цвета в природе нет.
 Просто источник на время выключен.

Тронешь вопросом, простым, как янь —
 И суетливо польются тоннами
 Помыслы, домыслы, ложь и дрянь.
 Господи, кто эти люди? Кто они?

Странно, нелепо искать азы
 Там, где история бьёт повторами.
 Колокол плачет и рвёт язык.
 Каркают вороны — те, которые...

Но целая ночь, уместив в горсти
 Сто миллионов фонарных зонтиков,
 Ждёт, чтоб раскрылась, рассвет впустив,
 Молния горизонта.

Нет, не про осень...

Нет, не про осень, хотя бы лес
элементарно гол.

Три части речи на всей земле —
Время. Любовь. Глагол.

А рассветает часам к семи
на перекрестке вех.
Это ли делает нас людьми?
И почему не всех?

Только коллайдер великий нем,
не замедляет ритм —
в смысле, что смысл не встретить вне,
тот, что всегда внутри.

Может, и мы лишь частица в нём,
чей-то эксперимент?
С медной трубою, водой, огнём,
временем перемен.

Что-то сверкнуло сейчас и здесь —
и понеслась волна.
Как доказательство, что мы есть,
кто-то откроет нас.

Через космический микроскоп
солнечный шуря глаз,
сверит бозон — человеческий код,
хиггсоновы¹ дела.

Тайные знаки, прозрачный свет,
странная маета...
Если Вселенная есть ответ,
как его прочитать ?

В протуберанце, как и в свече,
тот же горит огонь.
Элементарные мы зачем?
Сложные отчего?

От траекторий кометных стай
квантовых вспышек до...
вшиты прожилки в ладонь листа —
точно в твою ладонь.

Оловянный солдатик

Ненужный, брошенный, ничей,
в стране, расхристанной
и странной,
Седой солдатик оловянный
Устал от бравурных речей.

Его отчислили полки.
И преданный своей державой,
роднѐй и мимолѐтной славой,
он разорвал черновики.

Подумал: я ещё вполне!
Перепишу итоги брани.
Пусть даже, лежа на диване,
победный марш сложу к весне.

И вычеркнул от сих до сих
итоги старого сраженья
Но не сложилось продолженья.
Награды требуют других.

Теперь бы все концы свести
К тому, чтоб сердце не остыло,
Пусть даже в олове постылом
Оно не слышится почти.

Ему б подальше от огня.
Ему бы поменять картинку.
А он... глядит на балеринку.
Ни дотянуться, ни обнять.

Так рядом нежная рука.
Но вот же — никакого толку.
Ей родина — вторая полка,
Ему — каминная доска.

Мигают тусклые огни,
Хромает он на поле боя...
Ты постарайся до отбоя
Его в камин не уронить.

¹ Бозон Хиггса — элементарная частица, квант. Предсказан теоретически и получен в Большом Адронном коллайдере. Нобелевский лауреат Ледерман назвал его god particle — частица Бога. И написал книгу If the Universe Is the Answer, What Is the Question?

Мой Амаркорд

(послесловие к встрече с Тонино Гуэррой)

По городу осень несёт ахинею...
 Метёт по косо́й облаков сантиметры.
 Читай её листья. Загуливай с нею
 под рыжее, ржавое ретро...

Мы с осенью вместе впросак попадаем.
 Просак — это где-то в Риччоне, у моря.
 Кусочек пространства, свирель золотая.
 Короче — *Ti amo. Amore.*

Примерив лицо поглупей и попроще,
 бросаюсь в октябрь забытой перчаткой.
 Я — помню. Точней — вспоминаю наощупь.
 По собственным опечаткам.

Осенний вояж обернётся местами,
 где памятью день твой умыт и беспечен.
 Ты, как полоумный, твердишь: «*Aspettami*»¹
 и координаты невстречи.

Вполне по-тарковски. С акцентом латино
 корабль застыл на чужом терминале.
 Мы выросли. Мы продолжаем картину.
 Приплыли... Бонджорно, *finale*?

Но пыль отряхнув, перевзвесили душу
 мотивы Феллини, фонтаны Гуэрры.
 Не сверить по граммам. Из детства? Послушай!
 А где помещается вера?

Дай Бог, не свернуть к закромам и кормушкам,
 к заманкам и бонусам сладкой отравы.
 Дай Бог — разглядеть в золотых погремушках
 табличку: «К Тонино — направо».

¹*Aspettami* (ит.) — жди меня.

Сверчковое

Как трудно музыке в нашем строе
 менять местами
 цветок и бабочку в партитуре —
 они устали
 летать послушно то брошкой к фетру,
 то в руки снова.
 Но тихо, тихо озвучит ветром
 свирель сверчкову.
 И даже кажется, что причуда —
 минута мнится —
 откуда взяться ему, откуда?
 сверчок — не птица.
 Но шелестит в темноту ночную,
 роняет звуки.
 И нарисованное вручную
 согреет руки —
 Вот просто так — угольки в камине
 и жар до дрожи —
 смолой запахли — не на картине
 в твоей прихожей,
 И широко облака зажмутив,
 сверяешь почерк...
 — и вот к чему на клавиатуре
 сверчок стрекочет.
 В нелепой сырости так щемяще
 дождинок между
 всегда озвучен глоток сверчащий
 твоей надежды.

Свинское

Есть такое уменье, поплевав за плечо,
 Всё списать на затменье, вроде мы ни при чём.
 Снова бродим, не чуя ни себя, ни страны.
 По столицам кочуют кабаны, кабаны...
 Дураки на дорогах, и сюжетец не нов.
 Мы встречали двуногих пострашней кабанов.
 Никому мы не судьи, но сбивают с орбит
 Внешне вроде бы люди. А следы — от копыт.
 Кабанам по закону — золочёные лбы,
 А ловить покемонов — это дело толпы.
 И растерянный житель слышит от пикачу:
 «Вы там это... держитесь» или: «Эх, прокачу!»
 Это в сказках — морали, в свинстве нет ничего.
 Но летит по спирали челове-чест-во.

Слово есть

Ничего-то у нас не ново —
у любой межи
заменяют свободу слова
на свободу лжи.

Если тропками не навстречу,
если мысли — в хлам.
Я свободе такой перечу,
что дика и зла.

Каждый эти слова, как хочет,
повернёт, небось.
Но вовек не расставить точек,
если правды — врозь.

А другая — она дороже,
дорогая весть.
Сколько истину ни корезить —
Слово есть.

Расписка

Ты знаешь всё. Как переплётом тени
в листах судьбы удерживают время.
Как губы, не коснувшиеся губ,
пересыхают солоней Сахары.
Как плачущие ниточки нагара
стекают со свечи. Как воздух груб,

когда дыханье перехватит нежность.
Как велика, до пропасти, погрешность
в решении небанальных теорем.
Как ливень льнёт в копилку водостока.
Как монитор рассветного востока
включается любовью без проблем.

Как принтер неба с солнечного диска
печатает безумную расписку
с горящим обещанием светить.
Ты знаешь, как на самом деле много
тебе дано авансами от Бога.
Как мало их успел ты оплатить.

Пересчитаешь киловатты света...
И пишешь небу, ждущему ответа,
расписку с обещанием любить.

Белый вальс

Выпали нам обстоятельства... вот ведь какой поворот.
Здравствуйте, Ваше сиятельство, кто вам сегодня поёт
песню про павшую родину — вся уместилась в руке.
Яблочный спас да смородинный в вашем дорожном мешке.

Как голосит незалежная, россыпью в пальцах, земля.
Детям и внукам по-прежнему чьи-то хранить векселя.
Всё умещается в линиях жизни, любви и судьбы —
просто ладонь переклинило... Крестиком мечены лбы.

Скобки да пересечения, жгучей тоски искосок.
Ждёт ли ещё возвращения старый забытый вальсок?
Вьюжная влага отпустит ли карие ваши глаза?

Нынче погосты за бруствером — даже поплакать нельзя.

Горькая нитка полынная сердцу изнанку прошьёт,
небо развесило клинами стайки таких же сирот.
Мчит треугольником меченым в сторону дальних югов
поезд бойцов, покалеченных осью чужих берегов,

крайней тоскою вагонною, словом, рождённым во лжи,
вбитыми в спину поклонами, солью последней межи,
стеленным мягко предательством, снами дурманной травы...

Как не хватает сиятельствам веры, надежды, любви.

Всё принимая как должное... к небу — виском, горячо.
Млечный с коровами Божьими выльется вам на плечо.
Пусть проступает пробелами в кровной пурпурной тени
белое, белое, белое... Господи вас сохрани.

Родное

Дай мне образы не врага,
а великой души смятенье.
Точку сборки — на облаках
И у солнечного сплетенья.

Левитански рванётся синь
и расплещется по ладони,
и настроили клавиесин
по чайковскому камертону.

Здесь успешным родни не жаль,
здесь пиарится сор из дома.
Но за скобками жжёт печаль
достоевских твоих разломов.

И от бунинских горьких нот,
и от врубелевских соблазнов
так по-бродски скривится рот
у детей твоих несуразных,

В непонятный затянет круг —
«степь да степь» — мол, судьба едина.
Но цветаевски вздрогнет вдруг
та, особенная, рябина.

что любовью тебя спасут
от орды золотой и дикой,
измеряя рублёвским суть
— не шоссе, а иконным ликом.

Перечитывая И.Б.

Опять по кругу... Там, где некий Плиний,
(допустим, Старший), завороты линий
истории заматывал в клубок.

Ему писал поэт, дитя чужбины.

Сплетала звуки дудочка из глины.

Закат империй плавился меж строк.

Не оставляя мест для подражаний,
тоска строки металась виражами
и к нам опять вернулась через круг.
И наши пальцы выпачканы мелом.
Но снова между точкой и пробелом
вплетаем буквы робкие — а вдруг?

Империи растут с водопровода.

Плакучий лес, и мокрый след у входа,

И ржавый лист в темнеющей воде.

Здесь неслучайно порезвились тени.

В кругах воды отобразился гений

и очертил провинциям предел.

«Пиши ко мне, мой ангел, много снега»
для реставраций будущего века.

А прошлое качнётся в облаках,
так незаметно с будущим сливаясь,
что ахнем: показалось — мировая.

Но это лишь проекция в веках

снов Вавилона, разорённых Киром
мессопотамских сёл. Акцент сатиры
на горьких знаках этого письма,
что Плинию отослано в античный
вчерашний сад, где всё течет эпично,
и он доволен будущим весьма.

А будущее — сто веков испуга,
кружение вьюг и притяжение круга.

И по пятам — заезжий гунн и галл.

Ослами буридановыми просим —
вперед — назад? И как же так Иосиф
на этом круге музыку соткал?

И что за кругом там, прогноз неведом.

Зачем несёмся, спотыкаясь, следом?

И в Лету окунаются лета,

и день и ночь, и век и миг — двоится.

Провинция иль всё-таки столица?

От Постума ответ не прилетал.

А я и не уходил

На синем штрихами — клинопись
спешит в направленьи снов.

А всем, кто остался, вина пить
и в землю бросать зерно.

Траву щекотать ладонью бы,
до одури вверх глядеть...
дождаться, что кто-то по небу
пойдёт, как по воде.

Раздвинет покров зашторенный,
стряхнёт канитель с руки.

И впишет в свою историю
земные черновики.

Усталым, больным, измученным
тихонько поправит свет,
в ладони начертит лучиком,
что смерти, конечно, нет,

что слово дороже золота,
что любит нас и простил.

— Ну где же ты был так долго-то?

— А я и не уходил.

Песчинка

я ничтожная пыль у Твоей стопы
и на паперти нищенка, и любой
бросит камень в протянутую ладонь.
только Ты нам уже подарил любовь,
и её не отнять никаким любим.

потому что уже началась весна,
потому что уже не моё, а всех,
потому что записано без помех,
всё, что нам суждено на сплетеньи вех,
в том распахнутом небе, где верят в нас.

так неслыханно верят, а наших сил
слишком мало на происках дольчевит,
а шиповник отравленный плодовит,
и слова поцарапаны и кровит...
но лучом по затмению — «Иже еси...»

Ты прости нас, и мир этот грешный Твой
 удержи от отчаяния, чтоб вдохнуть
слов Твоих чистоту — и любви волну,
пропустив через сердце, спасти весну
и уйти из майданов, болот и войн.

нам, песчинкам, позволено перечесть
то, что время хранит в глубине песков.
я стеснялась бы вслух откровенных слов,
но в пораненном сердце поёт любовь,
и я знаю — Ты здесь.

Григорий Спичак (Россия, Сыктывкар)

Родился в 1960 г. в пос. Железнодорожный Княжпогостского района Коми АССР. Окончил Сыктывкарский государственный университет. Работал учителем в сельской и городской школах, главным администратором драматического театра им. В. Савина в Сыктывкаре, корреспондентом газет «Красное знамя», «Республика», редактором газеты «Вечерний Сыктывкар».

В 1992 году — доброволец, участник защиты Приднестровья. Первая книга вышла в 1990-м году — сборник рассказов «Княжий Погост». В 1993 году — сборник «Жёлтые лошади», в 1996 году — сборник рассказов «От Княжего Погоста до Святого Афона». В 2000 году — сборник стихов «Шатун» (московское издательство «Риппол-Классик»). В 2002-м — книга «Портрет мужчины с иконой и зеркалом» — сборник афоризмов, миниатюр, эссе и рассказов. В 2009 году в двух издательствах — «Попурри» (г. Москва) и «Эском» — вышел роман «ЦИТАЛА. Украденный посох». В 2013 году — большой сборник рассказов, эссе, очерков и стихов «Vlog 5». Печатался в журналах «Наш современник», «Север», «Юность», «Дон», «Колокол» (Великобритания), в международных и межрегиональных альманахах. Живёт в Сыктывкаре.

Максимка-Фугас

Он маленький. Смотрит радостно, а весь напряжён, как загнанный собаками кот. Максимка, Макс с нашего двора — это комок жил и мышц. К тому же он сегодня изрядно пьян. Трезвым-то его трудно понять, заикается сильно, а пьяным и вообще невозможно.

— Григориюшка!!! — это он мне, — Григориюшка! Как я рад тебя видеть!!!

Это он сказал, не заикаясь. Дальше слова Максимом произносятся мучительно и медленно. Даже не слова, а слоги, каждый из которых исковеркан. Чтобы не испытывать терпения читателей, мне придётся дать речь Максима в своём переводе. Он приехал в отпуск из Таджикистана, где служит в 201-й мотострелковой бригаде. Есть такая бригада — она уже лет пятнадцать между войной и миром, между Афганистаном и Таджикистаном, между СССР и РФ. А ко мне Максим пришёл потому, что ему надо кое-что обязательно сказать. И ещё он хочет со мной выпить. Чуть-чуть лукавит — знает, что я уже давно не пью, но, возможно, и не лукавит — он, наверно, хочет посидеть со мной и спокойно о чём-то поговорить...

— Знаешь о чём? Ни в жизнь не поверишь, Григорий! Ни в жизнь... Я тебе про Богородицу расскажу. Помнишь, как ты молился? Я помню... Я всё помню... И всё было так, как ты просил! Я так давно хотел с тобой

поговорить... да. Я так давно не видел маму. Как в песне... — он нервно похихикивает.

Я предлагаю ему:

— Давай, вина куплю или водки.

Он кивает головой:

— Давай, купи, а я колбасы куплю или сыра с коньяком, — это он играючи отсекает мои подозрения, что он пришёл взять денег взаймы. Максимка с гордостью хочет меня угостить. — Григорьюшка-а! Есть у меня деньги. Есть. На-ва-лом! Я с тобой поговорить хочу... я так давно хотел с тобой поговорить...

Когда-то давно это я с жесточайшего похмелья зашёл к нему на огонёк. Шёл 1992-й год. Лето. После возвращения из горящего Приднестровья, я ходил одиноким и будто в самом деле ничего не понимающим в своей жизни и уж тем более в жизни людей вокруг меня. За март-апрель я похоронил человек шестьдесят — знакомых и не очень знакомых парней. Хоронил иногда по пакету останков, как, например, сгоревшего в БТРе под Кочиерами Володю Бекетова, или лицо без головы молодого донского казачка: так вот бывает — пуля разнесла череп, а лицо осталось. Хоронили лицо на подушке. А потом я приехал в сытый и спокойный Сыктывкар и увидел Сонность, Жадность, Равнодушие как Зло — страшное дело.

Тогда, летом 1992-го, в этом моём постдепрессивном синдроме были странные состояния, очень странные. Я видел души людей, их энергию, слышал часть мыслей, иногда, как фотослайды, мелькали кадры из будущего. Я видел мёртвых среди живых (это те самые, о которых Христос сказал «оставьте мёртвым хоронить своих мертвецов»), и видел неотпетые души умерших... Был момент, когда одна из таких душ «закричала» остальным: «Смотрите! Он видит нас!». В этом состоянии водка работала только как снотворное, потому что расшатанная психика по четыре кряду бессонных ночи уже не выдерживала. Непрерывная молитва и вера, Церковь и Любовь спасли меня... Любовь я тоже в людях видел и видел, чем жив этот мир.

Так вот, шёл 1992 год, я забрёл к шумным соседям. Была очередная бессонная ночь, а соседи орал в соседнем подъезде где-то там, наверху. Голоса были молодые — девушки и парни. Гремела музыка. И не извиняли эту шумную гульбу ни белая ночь, ни чей-то там день рожденья. Рискуя получить по голове, я всё-таки один пошёл их успокаивать. И состояние нервов было такое, что... В общем, мне казалось, что я тогда один смог бы «успокоить» пятерых. Ложное, конечно, состояние, но тем не менее...

Дверь отворил худенький светлый паренёк с добрыми серыми глазами. Из-за его плеча выглядывал ещё один совсем маленький пацан, слегка испуганный, чернявый. Я был настроен к встрече с наглыми верзилами, а тут... Ещё и девочка выглянула из комнаты — ну совсем школьница.

— Пацаны, вы не охренели? — как-то сразу я переключился на более спокойную, чем хотел, форму контакта. — Людям на работу завтра надо

или нет? Вы думаете, весь двор мечтал слушать ваши гопы-топы? Или в соседних квартирах любят ваши барабаны и прочую ерунду? Может, всё же баюшки пора? Попробуйте догадаться из последних сил...

— Тише... Сделай тише! Я же говорил... — светлый парень обернулся к комнате и невидимому мне человеку давал команды. Наверно, это была та самая школьница. А мне вдруг предложил:

— Проходите...

Из другой комнаты в это время вышла женщина, которая казалась пожилой, но, как потом я понял — это была мама одного из парней, и было ей всего лет сорок.

Я зашёл. Маленький пацан, выглядывавший из-за светлого паренька, открывшего мне дверь, и был Макс. А светлый парень, человек с серыми добрыми глазами, назвался Колей, Николай Менгель. Коле было восемнадцать лет, Максиму тогда ещё семнадцать. Квартира была бедная. Бедным был и праздничный стол. Эх, как это удручало тогда, летом 1992 года! Перестройка. Романтические ожидания — сейчас заживём лучше! А тут войны одна за другой — Карабах, Приднестровье, Осетия, Таджикистан. И народ в нищету обрушивался на глазах. На столе была жареная картошка прямо в сковороде, несколько тарелок с капустой и огурцами, кажется, были скромные конфеты и две пустые банки из-под рыбных консервов.

Несколько бутылок вина — пустых и полных. Ах, да... в комнате, кроме Максима, Коли и их мамы, были ещё две девушки и паренёк, тоже молоденький — наверно, одноклассник или однокурсник Максима по училищу. Казённые обшарпанные табуреты и стулья с инвентарными номерами какой-то конторы. Потёртый диван, какие ещё лет десять назад использовали в гаражных «салонах», чтоб присесть, потому что лежать на них можно было только в робе. Зал освещала тусклая лампочка без абажура.

Ребята и мама извинялись за шум, объясняли всё днём рожденья и тем, что из-за белых ночей перепутали время, предложили выпить вместе с ними... Ещё бы. Мне, в состоянии похмелья выпить было очень кстати.

Я поздравил Колю (день рожденья был у него, а квартира Максима и его мамы), подняли бокалы...

— А давайте помолимся, — предложил я. Они посмотрели на меня с улыбками сомнения — не шутишь ли, дядя? Зачем? А кто молитвы знает? И вправду — вот тебе музыка, веселье, из-за всего этого почти конфликт, а день рожденья уже прошёл, и появляется грустинка — уже восемнадцать лет, детство закончилось... Настроение и в самом деле уже не «музыкальное». Давай помолимся? Давай. Только кто молитвы знает?

Тогда, в начале девяностых, да ещё и в нашей провинции, обжитой в советское время неправославно и без традиций, молитва была экзоти-

кой, а церковная жизнь — преданье старины глубокой. Я всего-то был старше этих ребят на пятнадцать лет, но после военного опыта, свежего и ещё остро саднящего, ощущал себя старше на полвека. А теперь вот с этим своим желанием помолиться я, наверное, для ребят и вовсе вышел откуда-то из глубины веков.

— Отче наш, иже еси на небесех, да святится Имя Твое, да приидет Царствие Твое... Богородице Дево радуйся, Благодатная Марие Господь с тобой... — я читал молитвы, глядя на чёрно-белую икону-календарик, которая стояла у фаянсовой вазочки на шкафу между замызганным транзистором и какими-то альбомами. Кроме традиционных молитв, которые только приподняли и утешили сердце, вырвалась и потекла из сердца молитва своими словами. Я их не вспомню сейчас. Она сухая была, но крепкая, горячая, как порох... Я помню, что молился о них — об этих ребятах и девчонках, просил у Богородицы, чтоб уберегла их и веру им дала, чтоб провела их к храму и по ту и по эту сторону жизни заступилась за них... Я молился, и понимал, что донской казачок, которого хоронили в теле, но с лицом вместо головы, был старше этих всего-то года на два-три... Что и сегодня ночью, пока мы вот здесь, где-нибудь в развалинах у Григориополя вылезет снайпер на охоту, и будут резать очередную скотину и птицу, которую всё равно не уберечь от войны... Я помню холод в душе. Холод и сухость, будто в сердце навсегда наступил тот вечер, когда мы с моим товарищем сдавали оружие наших погибших товарищей, а капитан (почему-то с петлицами ВВС) удивлялся — как вы столько на себе тащили?.. А я смотрел на розовое солнце в каком-то стеклянном закате, плевался песком, ободравшим уже все губы и зубы, нос и всё никак не желавшим выплеваться, и думал... Думал, пугаясь собственных мыслей. «Бога нет... Где ты, Бог? Зачем горят дети, и так тупо железо рвёт красивые тела молодых парней и девчонок? Смысл всего где? И Зло — вон оно, бросает такие длинные-длинные тени... И бросает куда хочет. Легко. Насмерть. И не просто насмерть, а коража всё в немислимых болях и смыслах...». Я боялся мыслей, но тогда, после боя в Дубоссарах, это был страшный вечер, потому что несколько минут я не верил, что Бог есть.

Со стаканом вина в руке, перед чёрно-белой иконой календариком на квартире Максима я молился всего-то, может, минут пять, но за эти пять минут молитвы в душе пробежало то страшное чувство, когда Бога нет... Когда на земле открытый космос — мёртвый, с длинными тенями смерти, но сопротивляться ему можно. Без оружия. Только вот этой страшной слабостью и тихим безумием воли без ума — ВЕРЫ. Если я и жизнь бессмысленны, тогда нежизнь и смысл — это что?

— ...чаю воскресения мёртвых и жизни будущего века. Аминь...

* * *

С Максимом тяжело разговаривать. Это вовсе и не разговор тогда был, а скорее монолог Максима. Но я понял, я очень понял, почему ему так хотелось встретиться со мной.

— Кем я был в 201-й бригаде? А фиг знает — всем был: и стрелком, и водителем танка, и сапёром, и строителем... Всем был, Григорюшка, — он нервно похихикивает. Но его «хихи» означало только одно: неужели вот он, наступил момент, когда я здесь, на Севере, сижу с человеком, которого хотел видеть все эти годы... Максим вскакивал, обнимал меня, похлопывал в объятиях по спине, смеялся, опять садился, жал руку, рассказывал-рассказывал. И слёзы блестели у него на глазах. Слёзы радости.

— К нам на броню фугас прилетел... Едем вдоль Пянджа и — хреняк! — фугас. Я на броне с пацанами сидел. Он между нами, красный, раскаленный... И он шипит, от него от накала и царапанья прям трещины с лохмотьями бегут. Ага... Представляешь? А время медленно бежит. Нет. Время вообще не бежит, оно остановилось. Я вижу, как фугас уже лопается, беру его руками и... Эх, Григорюшка — прямо вместе со мной Богородица его берет и... Опа! Кинули мы его за борт, а он ка-а-а-к п... зданет! Ты понимаешь? Да? Откуда Богородица? Я же не молился... Я твою молитву вспомнил. Никогда я более крепкой молитвы и веры не видел. Он взорвался, а я пацанам говорю: «Видели?» Они из-под склона... БМП-то закинуло взрывом, задницу закинуло, и мы вылетели все с брони... Я пацанам говорю: «Видели?!!». Они смотрят на меня, как на героя, и говорят: «Макс, такую-то растакую-то, растакую-то... Ты охренел? Как не видели, если мы тут под горкой валяемся...» И хохочут — думают, что я у них спрашиваю про фугас и про своё геройство. «Идиоты, бля! Вы Богородицу видели?!!!! Это ж Она!!! Она со мной фугас выкидывала!!!». Они ещё больше смеются: «Во! Контузило тебя знатно!» Не видели они никакой Богородицы. А я каждый вечер молиться стал. Прямо в палатке. И ты со мной всегда рядом стоял. Молитв-то не знаю, а как тебя вспомню — лохматого и строгого, с бодуна и... грохочущего какого-то... Так будто и знаю, молитвы... И Богородица меня слышала — тоже знаю. Ты тогда у меня дома ночью молился, как будто доски трещали. Не знаю, откуда у меня такое ощущение. Но просто слова как дрова колотые летели.

Я, конечно, не знаю, что он имеет в виду, Максимка. Может, тогда ночью у него просто вообще первая в жизни молитва была, да ещё вдруг так — с друзьями, с которыми они до этого о жизни вечной и не задумывались, веселились и бражничали, а тут молитва. И с кем? Со странным дядькой-соседом, который и выпить-то вон горазд, но слова какие!

Максим теперь совсем на мальчишку того не похож — крепкий жилистый мужичок. Глаза тяжёлые, усталые и грустные, хоть и смеётся он нервно постоянно. Он такой же маленький, не вырос.

Лет десять прошло, не меньше. Он вдруг позвонил. Кто-то дал ему мой номер, ведь за эти годы я дважды менял место жительства и раз

пять — телефоны. Позвонил. Заикаясь, так же радостно посмеивался в трубку: «Григорю-ушка-а! Надо срочно встретиться... Обязательно. Расскажу — не поверишь. Б..., такие всё ж на свете чудеса бывают... Не-ет, не про фугас. Хуже...»

— Я и сейчас молюсь. Всегда. В церкви не часто. Причащаться совсем не могу, — он взвинчивается, начинает пояснять быстро и надрывно, настолько, насколько позволяет его сильное заикание. Мы с ним встретились в центре города. Максим, к сожалению, был сильно поддатый, но при этом ясный, на нерве «неправильно ясный», — понимаешь, приехал в отпуск, с мамой продали ту нашу квартиру. Искали новую, больше того — нашли. Пятьсот тысяч осталось — дал на хранение священнику нашему, отцу Александру, а через семь месяцев, когда уже уволился в запас, прихожу к нему за деньгами, а он говорит: «Я не брал у тебя денег». И ни расписки, ничего... Ребята из МВД и фээсбешник знакомый помогли мне со служебным жильём, в двухэтажной деревяшке. Там с мамой и живём... Так это бы что — хрен с ним, с этим Александром, церковь — это не он, это мы с тобой, Григорий, — Церковь. Я себе хожу в другую, всё нормально... Пока не застукиваю за реальными развратными делами другого священника. Стоит, урод, без штанов перед маленькой девочкой... Ну, что за хрень!!! И не могу теперь сил найти идти к третьему. Так — «вслепую», к совсем незнакомым хожу, исповедуюсь, но на причастие боюсь — нельзя ж с таким сердцем идти — попалит Господь. Припрёт, бывает, так плохо, что хоть умирай. Тогда просто молюсь. Стараюсь так, чтоб, как дрова колотые, слова летели — чётко и суть — Бог, я знаю, что всё от Тебя... И верю в Тебя. И Ты в меня поверь.

Однажды в Таджикистане Максим с напарником в момент, когда стояли на посту — периметре охраны полка под Кулябом, увидел, как под колючую проволоку, скрываясь от нападающих на неё местных парней, бежит русская девочка, лет семи. Пролезла через колючую проволоку, бросилась к нему. Макс по приказу должен был отсекал очередями любые приближения ещё на дальнем расстоянии, а тут сердце дрогнуло. Он передернул затвор, шархнул очередь в воздух и заставил парней отступить. Девочка прямо прыгнула ему на руки... Спустя какое-то время Максиму перед строем впервые объявили благодарность, но не в ней дело, а в том, что девочка оказалась одной из немногих спасённых в Кулябе того времени, где русских притесняли, убивали, изгоняли, насиловали. Она бросилась к нему на руки — и разве не похоже это на известную в мире скульптуру Русского Солдата в Берлине? Солдат-спаситель. Это не конец истории. Недавно девочка, теперь уже девушка, спустя более, чем десять лет, вновь появилась в его жизни. Приехала из Азии, потому что нашла адрес того, может быть, единственного, который защитил и спас, который дал жизнь и веру, что люди — существа в общем-то хорошие. Но приехала она уже... с исколотыми руками, полубезумная. Она снова нуждалась в защите и верила в солдата, который её однажды спас. Максим спрашивает меня:

— Что делать?...

Нет ни сил, ни возможностей помочь. Армия больше не стоит за его спиной, в руках нет оружия, а преследователи на этот раз не боятся его взгляда. Максим не может сражаться с бесами, и не хватает даже поста и молитв. Всё это он, заикаясь, другими словами, короче и безнадежнее, попытался ей объяснить.

Она ушла, но не уехала из посёлка, недавно он видел её с бичами. Макс переживает, ругается, что-то пытается и мне, и себе объяснить.

— Ты для неё то же, что Бог для тебя. Всё же как всегда, Макс: делай, что должно, и будь что будет, — отвечаю, не зная, как сказать о том, что Бог посещает нас, чтобы помочь, а не сломать спину?

Мы с ним созваниваемся иногда. Вот и недавно он звонил: «Григорюшка... Сегодня десять лет как Коля Менгель умер. Помнишь ведь Колю? Хороший был... Только вот он веру не смог уберечь. Потому и умер... Вот уже десять лет... Помяни его, Господи, во Царствии Твоём...».

* * *

Колю я встречал после той ночи часто. Дорожки наши пересекались. То я его увидел с беременной женой (мне показалось, что жена его была одной из тех девчушек в квартире Макса), то он был в робе строителя-газовика: где-то на газопроводе вели они бригадой ремонтные работы... А потом он исчез. Оказалось, что забрали его всё-таки в армию, несмотря на то, что в семье Менгелей уже был ребёнок. И вот после продолжительной паузы, наверное, года четыре прошло, а, может, и поболее, я увидел Николая каким-то бесцветным. Он ведь такой же, как Максим, был улыбчивый и добрый, немного легкомысленный и всё как бы принимающий в жизни, как временное, как понарошку. Всем видом своим, всеми интонациями он как бы говорил: «А, ладно, потом, когда мы повзрослеем, тогда»... В душе у него были какие-то только ему понятные горизонты — там, в его представлении, где-то лет в тридцать или в тридцать пять, начинается взрослая жизнь, а пока мы вот у вас (по крайней мере ко мне так он обращался) дети, юноши, нам по полному серьёзу ещё счёт предъявлять нельзя... Наверно, ему никто счёт и не предъявлял, он был слишком добродушен, по-северному нетороплив и самодостаточен. Семья его не бедствовала. Коля был родом из Ухты, там его папа-немец и мама-коми имели квартиру и дачу, по слухам, папа и должность неплохую имел в какой-то строительной организации. Может, Коля и в строители-то по отцовскому напутствию пошёл.

Его даже в армию забрали в стройбат. Как-то по-свойски, как женатика, отправили в часть под Ухтой. И всё бы ничего, но в 1996-м Николай Менгель полетел со своим взводом на два дня в Чечню. Им надо было доставить в аэропорт Ханкала оборудование, выгрузить, настроить и улететь обратно. Всего-то. И Ханкала ведь совсем не передовая, а центральный перевалочный транспортный пункт, максимально защищённый. Но вот после того полёта и стал Коля Менгель почему-то «бесцветным».

— Мы прилетели, разгружаемся. Даже не технику ещё разгружаем, а свои пожитки: палатки, ящики с едой и шмотками, — рассказывал, помню, Коля мне ту историю в уличном кафе, где присели мы на чаёк. Говорят, Коля попивал сильно, но я его пьяным не видел ни разу. Вот и здесь, в уличном кафе, он мог ведь взять пива или водки, вчерашний перегарчик всё же чувствовался, но он взял вместе со мной чай. Как я — два пакетика в один стаканчик. Он ещё посмеивался: «Да, крепкий чай, чефирчик — это только с возрастом начинаешь понимать...»

— Ну, короче... А тут — раз, и стрельба начинается. Причём резко, с двух сторон. Дело же в начале лета 1996-го было. Казалось же, что всё под контролем. Тишина в Грозном, бои где-то там, в горах... Да и Ханкала ведь, ну ё-моё, уж куда важнее, куда тыловее. И где ещё, как не здесь, должно быть безопасно? Тут, значит, шпарят по нам. И всё сильнее и сильнее. Потом смотрю — фу-у-у-у — гранатомётная дура влетает — горит МТЛБэшка... И близко. Пули свистят, страшно, конечно. Мы рассыпались за блоки, где-то и хорошо уложенные, в два ряда. Нам с тремя пацанами и двум технарям с площадки не очень-то повезло. Мы за бочками и за блоками, а те и вовсе за одной линией блоков, плюс ящики какие-то... или аккумуляторы.

Ну, фиг с ним, молотят по нам. Слышу, что наши огрызаются. Откуда-то сбоку загрохотали два крупняка...

Я слушал, помню, с какой-то горечью и с непроходящим недоумением — ведь на тот момент, про который рассказывает Коля, прошло всего четыре года с той ночи с молитвой и вином, когда я рассказывал им про Приднестровье. Тогда казалось и им, и мне, что войны, которые катятся по всему югу страны — это тупое недоразумение, что кровь на телеэкранах должна вот-вот закончиться, а уж пацанов и девчонок, сидящих на весёлой ночной квартире нашего дома, войны уж точно не коснутся. Коснулись...

— Но тут вдруг хлоп — и бетонный блок пополам. Прямо рядом со мной. Бац — второй кусок отлетает. Будто кто-то видит меня и вокруг обламывает прямо по контуру. Рядом технари были... У них роба серая такая, ещё вот помню, что их за вертолетчиков сначала принял... На моих глазах у них кусок бетона отлетает, и пуля парня складывает пополам... У второго нервы не выдерживают — он к нам, а у нас уже и прятаться негде. Прилип прямо ко мне. Орёт: «Суки, ну суки же!.. Торгаши наши грёбаные. Ну почему у них такие винтовки есть, а у нас нет?! Какая-то падла продала...» Я там и думать тогда ни о чём не мог, а уж всерьёз слова парня принять-то и вовсе... Какие винтовки? Он что — думает, что это из винтовки фигачат? Чтобы бетонные блоки, как орехи, разлетались?! А парняга тот из-за пазухи крестик достал, целует его и крестится... Не поверишь — я почему-то прямо тебя сразу вспомнил... Да. И слова твои вспомнил. Чётко, будто громкую запись где-то в душе включили. Ты в молитве тогда ночью говорил «Пусть минует их чаша

сия горькая, хоронить друзей, да и врагов хоронить тоже...» Может, ещё потому вспомнил, что летали позади нас, подкидываемые пулями чашки и баки со столов... Немного поодаль что-то вроде столовки под навесом было... Пули цокают по бетонке, и тарелки от рикошета аж взлетают... Куц, куц, куц... И сам я молиться стал. Точно фронтовики говорили: под бомбежкой атеистов нет.

Так вот, Григорий Иванович, шуганули там боевиков, десантура и ребята какие-то — отбились, конечно... А я вдруг узнаю, что нас молотили и вправду винтовкой. Ты знал, что есть такая винтовка? «Взломщик» называется. Нет? Не встречалась? Блин... вот зараза. Её большой партией не выпускали, она чуть ли не экспериментальная была... Говорят, что патрон 12,7 на базе ДШК... Короче, был я там три ночи и четыре дня, и как продают свои своих, увидел и услышал от и до... И каждый день с Ханкалы вертолётёты с трупами. Ярмарка смерти... Одна б... продаёт и зарабатывает, другая сволочь на похоронах бизнес делает, а в это время «Голосуй или проиграешь!» Все мозги вынесли... Молюсь я... И чем больше молюсь, тем больше обнаруживаю, что нет главного у нас — нет второй заповеди. И давно нет. «Возлюби ближнего, как самого себя...» Убей ближнего, продай, обмани — этого навалом. Тогда почему Бог не наказывает? Да потому, что нет его...

— Я тоже так думал. Но только несколько минут. Может, даже не минут, а секунд... — напоминаю я Коле о своём ужасе от ощущения, что Бога нет. О том, как мы с другом сдавали оружие, и вдруг открылся космос, рациональный, сухой и нейтральный, как сейчас лицо самого Коли и шершавые его щёки, глаза шершавые. Только боль где-то там, в глубине его рассказа, была не сухая, а кровотокающая... — Но Его не было бы, если бы не было наших мыслей о Нём. А они есть, Коля... Ты понимаешь, в чём дело? Сам факт наших мыслей о Нём, само различие Добра и Зла — есть подтверждение Его. Ведь если бы Его не было, мы б всё происходящее считали нормальным, обычным... Что и было до Христа, что и было до умов античности, узнавших однажды Неведомого Бога... Во всяком случае, так они, язычники, даже на памятниках своих писали: «Неведомому Богу». Только не понимали, что это и есть Бог, а остальное — истуканы...

— Я молюсь. Но нет ответа...

— Я — ответ...

Коля не услышал. Коля умер через несколько лет. Но каждый раз, когда мы с ним встречались, он рассказывал мне одну и ту же историю... Это было как дежа вю: «У второго нервы не выдерживают — он к нам, а у нас уже и прятаться негде. Прилип прямо ко мне. Орёт: „Суки, ну суки же!... Торгаши наши гребаные. Ну почему у них такие винтовки есть, а у нас нет?! Какая-то падла продала...”» И потом опять старая песня, что Бога нет. Мне казалось, что он просит меня помочь ему возродить веру... А была ли она у него? Я каждый раз снова пытаюсь докричаться

до Коли. Он говорит, что молится. Верю. Но между ним и Богом что-то стоит непрощённое. Предательство? Или он сам, некий «особый опыт, особое Я»? И прыгали у него перед глазами чашки от пуль... Несколько лет перед глазами те чашки прыгали, а до Чаши так и не дошёл...

Может, я чего-то не смог ему объяснить. Что обретение веры — не хэппи-энд, как и свадьба, как присяга, как любой верный шаг, который не переносит тебя в Царствие Небесное, а открывает путь, которым потом очень трудно идти.

...Часто вспоминаю этих пацанов. Поминаю — одного за упокой, другого во здравие. Но чаще просто вспоминаю. И себя — даже уже вывалянного, истрёпанного и имеющего непростой опыт — всё равно пацан. Вот когда-то белой бессонной ночью один пацан идёт утихомиривать других разгулявшихся пацанов, а их всех вместе утихомиривает Бог, давая возможность молиться и мыслить о жизни. Всё остальное — вопрос веры и любви, любви и веры. Попробуй их из жизни убрать. Тогда ад и выдумывать не надо.

© Художник Андрей Карапетян

Марина Викторова
(Эстония, Таллин)

Живу, чувствую, пишу.

На вернисаже кривых зеркал

* * *

Тягуч и вязок грех унынья,
и наши две с тобой тоски
бледны, как сутинские «Свиньи»
и так по-сутински близки.

Но отчего же, Боже правый,
в нативной нежности своей,
в своей бескожести кровавой, —
как быть нельзя среди людей,

как быть среди людей довольных,
вальняжных и велеречивых
греховно, Господи, и больно —
мы так постыдно отличимы

и так понятны друг для друга,
и в равной степени запретны,
ввиду похожести недугов.
О, эти сутинские меты...

На выставке Хайма Сутина

А дома плыли, дома плыли
по облакам музейной пыли,
поправ, раздвинув, берега
кондовых рам, текли и гнулись,
и в колыбели пьяных улиц
плескалась вечности река.

И вслед домам, срывая голос,
с холста тянулся гладиолус
крово-красною стрелой,
нацеливаясь в чьи-то мысли,
и в тощих рыб, что снуло висли
на блюде с кромкой голубой,

в портреты женщин и подростков,
сошедших с времени подмостков,
и хоровод кривых зеркал
мир обступал, и отражалась,
в них обнажаясь, боль. И жалость
давила с тяжестью свинца...

Холодном городу

Умножались годы, люди, луны,
друг у друга в окнах отражаясь,
сколов крыш касался тонкорунный,
облачный уют небесной шали.

Так хотелось верить — потеплеет,
но сиял молочно-белой кожей
намертво остывший город Клее,
некогда на город мой похожий.

Девочка Мунка, пубертат

Субтилен верх, но силуэт налит.
Невинности сургуч — и взгляд, и поза,
лишь нежной кожи свет-электролит
проводит тайну той метаморфозы,
которая должна произойти,
но чувственности трепетная птица
ещё в пути. Пока ещё в пути.
Торчат по-детски острые ключицы,
чем дальше смотришь, тем тревожней взгляд,
тем напряжённей сомкнуты колени,
приходит мысль в который раз подряд,
что тень первична. Из зловещей тени
незримой силой вытеснило в мир
испуганную девочку-подростка,
чья женственность — всего намёк, пунктир
в рождении портрета из наброска,
и только мотыльками бьётся страх
неведомой, но неизбежной доли
да скрытая мольба в её глазах,
да мир вокруг, настоящий на боли.

Свечницы

Нездешние... Ещё вчера о них,
забытых Богом, надрывалось небо.
Но ветер ветви выломал и стих,
как будто не был.

Вот и они, покладисто-тихи,
сквозь слёзы улыбаются при встрече
с той стороны порожистой реки,
несущей свечи.

Всё — ни о чем. Всё — лишь о пустоте,
бесследна поступь и не страшен омут —
забудутся и ходят по воде,
и не утонут.

Сергей Волков
(Россия, Москва)

Русский писатель, журналист, сценарист.

Автор трёх с лишним десятков книг для детей и взрослых общим тиражом свыше двух миллионов экземпляров, автор более тысячи статей в периодике. Автор сценариев сериала «Великая», художественного фильма «Непрощённый» и многих других. Член Союза журналистов и нескольких литературных союзов. Лауреат литературной премии «Бесобой» за вклад в мистическую литературу. Награждён медалью «Патриот России».

Ильич

(отрывок из нового романа)

— Земля — она разная. Не просто грунт, порода, четыре кубометра — и всё. Нет, молодые люди, всё гораздо сложнее. Земля — это плоть Земли, если можно так выразиться, простите за тавтологию. Кожа, мышцы, сухожилия, жилы всевозможные, вены. Кости, кровь, лимфа, внутренние органы — всё тут есть. Поэтому настоящий копарь — он вроде патологоанатома. Вскрывает, препарирует, извлекает... Да, ребятушки, да. И земля требует уважения, как покойник. Любовь к отеческим гробам — это наше всё. Потому, когда на копку идёшь, и инструмент в порядке должен быть, и голова, и мозги в ней. Ну, и работать нужно культурно, без надрыва. На два штыка втыкать — это не наш метод. «Лучше меньше, да лучше», — кто сказал? Не знаете? Эх, ребятушки, что ж вы такие... ничего-то вы не знаете, ничего не...

Челло глубоко затянулся, задержал в себе колючий сизый дым, блаженно закрыл глаза, но тут же заперхал, выталкивая из синюшного кольца губ мутные дымные кляксы. Курил он обычно дерьмовые сигареты без фильтра, но делал это так, как будто у него в дрожащих пальцах косяк с «рабочей» травой.

Челло — из олдových хипарей крутого питерского замеса, всю Европу стопом объехал. У него жёлтые глаза, а в ксивнике хранятся шесть человеческих зубов и высушенный человеческий же палец. Челло говорит, что это его. Зубы ему выбили немецкие полицейские в Нюрнберге — «мстили за Сталинград», а палец откусил сумасшедший приходяга в хипповском кампусе под Челябиной.

«Omnia mea mecum porto, — заканчивая рассказ о себе, неизменно смеётся пустым ртом Челло, машет четырёхпалой рукой и, завывая, плюётся словами: „Все своё ношу с собой: этажи в пружинных сетках, вечное отчаянье, ежедневное житье. Только тень в стране теней всё яснее и плотней, и сгущается над нею прежний иней новых дней”».

Челло он не потому, что «чел», ну, «человек», а потому что у него на шее под серой бородой татуировка «chelo». Челло говорит, что по-

испански это означает «белокурый». При этом оттенок вечно всклокоченных волос и бороды Челло вовсе не блондинистый. Он ближе всего ко цвету мартовского оттепельного снега.

Поднялся ветер. Зашелестели остатками листвы деревья за линией ЛЭП, потом к их шуму присоединилось басовитое гудение проводов. Распятые скелеты гигантских боевых человекоподобных роботов держали в обрубленных руках гирлянды изоляторов и потряхивали ими, как цыганки — монисто.

Серый вышел из будки, увидел друзей. Малой заметил его первым, улыбнулся.

— О, наш шеф, — сообщил он остальным. — Пахать будем.

Челло медленно и обстоятельно затушил сигарету чёрными пальцами, спрятал чинарик за отворот выцветшей джинсовой кепи.

— У забора, — сказал Серый, подойдя ближе. — Большая, два на два. К вечеру надо сделать. Афганец платит по пятахатке.

— У, круто! — восторженно воскликнул Малой, поднимаясь. На его серых штанах виднелись жирные пятна, похожие на камуфляжные — вчера Малой сел на недоеденный Серым хлеб, политый подсолнечным маслом, за что получил по толстой красной шее. — А чё за собака? Чья?

— Не знаю, — Серый пожал плечами. — Да и какая на хрен разница? Пошли.

— «Нет стариннее дворян, чем садовники, землекопы и могильщики; они продолжают ремесло Адама», — сказал Челло, медленно, в несколько приёмов, выпрямляя длинное туловище.

— А он был дворянин? — удивился Малой.

Челло довольно захихикал, затряс похожей на стекловату бородой и ответил непонятно:

— Он первый из всех ходил вооружённый.

Третий приятель Серого, Индус, монументально повернул голову и его тяжёлый взгляд упёрся в Челло. Несколько мгновений Индус размышлял, стоит ли, потом все же вступил в разговор.

— Ну-у... у него не было оружия, — прогудел он.

Челло откровенно обрадовался, едва не подпрыгнул. Начинаясь спектакль. Серый скривился. Челло вкрадчиво спросил у Индуса:

— «Да ты кто? Язычник, что ли? Как ты понимаешь Писание? В Писании сказано: „Адам копал“; как бы он копал, ничем для того не вооружась?»

Индус засопел. Он уже понял, что Челло опять его развёл со своими цитатами из никому не известных книг, но, как обычно, не понял, в чём прикол. В другой раз тяжёлый, словно бы покрытый коркой глины, кулак Индуса уже врезался бы в бороду Челло, но сегодня Индус маялся с тяжкого похмелья, и ему было банально лень «ставить этого чмыря на место».

— Козел! — бросил Индус.

Челло досадливо крикнул и тоскливо пробормотал, ловя «волну»:

— «Не ломай себе над этим мозги, дружок; потому что глупый осёл от колотушек скорей не пойдёт, а ежели тебе в другой раз зададут такой вопрос, скажи: „могильщик“; дома, которые он строит, простоят до судного дня. Вот что, сходи-ка к Иогену, принеси мне скляницу водки...»

— А в ладошки тебе не посерить? — мрачно поинтересовался Индус.
— Водки ему... В рог ща дам — и забалдеешь, чмо.

— Хорош, — остановил его Серый. Он не любил, когда Индус начинал «быковать». — Работать надо.

Серый работал на Ёриках не потому, что так надо или что он надеялся заработать тут много денег. Много заработать нельзя, это все знают, много можно только «сделать» или «хапнуть». Но как-то надо жить, чем-то заниматься. И потом — Клюква. Девушка Серого.

Девушка, Серого, которая живёт на «Двенашке» с сыном Флинта.

Девушка — это деньги. Много. В Средневожске, чтобы иметь девушку, нужно тысячу каждый день. Или две. А для такой, как Надюха-Клюква — и пяти будет мало. Правда, чтобы заработать пять тысяч в день, нужно выкопать десять таких могил, как предстоит сегодня.

А это невозможно...

* * *

Индус, самый здоровый из землекопов, выкидывал мокрую глину из могилы; Малой и Серый, отработав своё, сидели на сложенных крест-накрест лопатах и курили одну сигарету на двоих. Серый прятал сигарету в кулак, выпуская дым. Челло маячил в стороне, глядя в небо. Он называл это «пятиминуткой медитации».

— Всё, хорош, давай! — Малой протянул руку за сигаретой.

— Ещё две затяжки, — не поворачиваясь, уверенно сказал Серый.

Он затянулся, выпустил длинную струю желтоватого дыма, тут же пронзённую сотней мелких дождевых капель, и закашлялся. Малой покосился на бетонный обелиск с грубо выбитым на нём собачьим именем «Амур», поёжился.

— А у зверей привидения бывают?

Серый сплюнул, пожал плечами.

— Ну... наверное.

— Как поковылают из могил в полнолуние, да как зачнут кровь пить — у-у-у... — загудел над ухом Малого Челло.

Пятиминутка закончилась, и ему требовалось общение. Малой улыбнулся во все свои тридцать один, кивнул на Серого.

— У кого? У бати его?

Серый снова сплюнул.

— Он мне не батя. И крови у него нету, там один спирт!

Малой засмеялся.

— «Кентервильский призрак до смерти боялся привидений», — процитировал опять же одному ему известный источник Челло.

Индус воткнул лопату в дно могилы, сердито посмотрел на них.

— Э, уроды, вы запарили косить. Всё, я своё отпахал. Малой, дай руку!

Малой нехотя поднялся, подошёл к краю могилы, протянул Индусу руку, но тот не успел за неё схватиться. На дороге у забора остановился заляпанный дорожной грязью джип, чёрный и блестящий. Медленно, с тихим гудением, опустились тонированные стекла на передней и задней дверцах.

Серый судорожно сглотнул. В машине он увидел Светку Поляну, рыжую Ирку с Дзержинского, почему-то завернувшуюся в жёлтое махровое полотенце, Лёньку в вязаной шапочке и... и Клюкву.

Его Надю.

За рулём небрежно развалился сын Флинта Игорь, всему городу известный как Сын. Или Сынуля. Ровесник Серого.

Девки посмеивались, глотали джин-тоник из зелёных банок; Ирка курила коричневую сигаретку «Море», тонкую и длинную, всё время смеялась и кашляла. Дым она выпускала тонкой струйкой, похожей на мохеровую нитку.

— Привет, пацаны! — улыбаясь, сказал Поляна.

Малой вскочил, словно щенок, которого позвали гулять.

— Привет, девчонки! Айда с нами тусоваться.

Поляна захихикала.

— А у вас грязь лечебная? Мне кожу отбелить надо.

Малой уверенно кивнул.

— На самом деле лечебная. Иди сюда, я тебя отбелю. Всю!

Поляна отрицательно помотала гривастой головой.

— У меня туфли новые, не пройду.

Она на мгновение исчезла из окна джипа, и тут же оттуда появилась голая нога в красной туфле. Ирка за спиной Поляны фыркнула, едва не выронив сигарету, захохотала.

Серый смотрел на Клюкву, маячившую в соседнем окне. Она улыбнулась, что-то сказала Сынуле, тот снисходительно усмехнулся.

Поляна продолжала веселиться.

— Видал? Давай, я пойду к тебе... если куртку постелишь.

Малой тут же стушевался.

— Не, у меня куртка на самом деле новая...

Сынуля решил, что пора завязывать с этим «аншлагом». Он перегнулся через Клюкву и крикнул:

— Э, ёрики! Чтoб яма как у людей была, на два с половиной метра! Стёпа у нас мальчик крупный был, сто сэмэ в холке. Поняли-нет? Батёк сказал: «Лично проверю».

Серый тихо пробормотал:

— Да пошли вы оба... проверяльщики.

Он поднялся, рукавом стер с лица дождевую воду, сделал несколько шагов по жирной скользкой глине к забору и сказал, стараясь не смотреть в красное лоснящееся лицо Сынули, торчащее сбоку от Клюквы:

— Надя, можно тебя на два слова?

Клюква мельком, как-то очень быстро мазнула взглядом по лицу Серого, нарочито громко засмеялась.

— Не, сыро. Так говори. У меня от подруг секретов нет.

Серый почувствовал, как каменеет лицо, сжал кулаки.

— На ярмарку в воскресенье пойдёшь?

— Не-а, — всё так же глядя в сторону, покачала головой Клюква.

У неё был яркий макияж, длинные серьги-подвески в ушах, и они плясали, словно живые, в такт движениям головы.

— А чё? — проклиная себя за косноязычие и непонятную злость, которая только мешала, спросил Серый.

— Не чё, а что. Я днём не могу, занята.

— Чем? — Серый задал этот вопрос машинально и тут же проклял себя за него. Не надо было.

Не надо...

Клюква перестала смеяться, в упор посмотрела на Серого, прямо ему в глаза.

— В гостях буду. Видик смотреть. Новые кассеты привезли из Москвы. «Эммануэль». «Греческая смоковница». Тинто Брасс. Хочешь, дам?

Девки засмеялись. Серый не знал, кто такой Тинто Брасс, и стушевался, отвёл взгляд. Сынуля бесцеремонно перегнулся через Клюкву, прижав её к сиденью, и рявкнул:

— Заценишь. Заодно подроочишь перед сном.

Девки в джипе зашлись от хохота. Сынуля с довольным видом уселся на своё место, выжал педаль, и машина, разбрызгивая грязь, уехала вниз, в сторону трассы.

Дождь перестал моросить. Теперь он падал отвесно, холодный, мелкий, но частый, и ощущался кожей, как тактильные стробоскопические вспышки.

Малой проводил джип долгим взглядом.

— Чёткая тачка, — сказал он и посмотрел в сторону могилы. — А Стёпа зверь был. Сынуля его гулять пускал на коробке. Он тогда у Боряна с Карла Маркса полжопы откусил. Собака Баскервилей такая, блин. Жалко, помер. Говорят, чумка.

— Ага, от Боряна заразился. Руку-то дай, Баскервиль! — напомнил о себе Индус. — Всё уже, склеил Стёпа лапы, капец ему. Давай, вытягивай!

Малой снова протянул руку Индусу, но тут в его мокрой лохматой голове возникла новая мысль и он повернулся к Серому.

— Серый, а ты курить-то мне оставил?

Серый не ответил, глядя в хмарную даль за линией ЛЭП. Сигарету он давно докурил до фильтра, выкинул и забыл о ней.

Малой от досады дёрнул руку, Индус, почувствовав, что его ладонь выskalъзывает, перехватился повыше. Малой, потеряв устойчивость, тонко, по-заячьи, вскрикнул и полетел на Индуса.

Оба свалились в могилу, в раскисшую глину, и завозились там, глухо матерясь и вскрикивая.

Индус первым встал на ноги. Одним движением, теперь уже не боясь испачкаться, он выбросил своё сильное, длинное тело наверх, повернулся и с силой пнул поднявшегося на ноги Малого в лицо.

— Козёл, мля! Олимпийка новая была, мать вчера принесла!

Малой, молча зажав лицо, скорчился на дне могилы. Через его мокрые, грязные пальцы начала сочиться кровь, несколько капель упало прямо в глину.

— Угрёбок! — заорал Индус, распаяясь. — Убью, тварь!

Его останавливало только то, что убивать Малого нужно было в могиле, а лезть обратно в грязь Индусу не хотелось — он и так уханькался по самые гланды.

— Я не спецом! Э, не бей! Ты чё... — заканючил Малой, благоразумно вжимаясь в скользкую земляную стенку.

Индус с досады пнул лопаты, посмотрел на Серого.

— Серый, слышь? Всё, мля. Я ухожу, понял?

Серый отвёл взгляд от мглистого горизонта.

— Куда ты уходишь? А работать кто будет? Не, ну, а чё? Там ещё метр копать.

Индус махнул рукой.

— Меня не пашет!

— Афганец за полработы не заплатит, — это был последний аргумент Серого.

— Да мне пох, на, понял? — заорал Индус. — С тебя пятачка. Всё, я ушёл.

Обойдя кучу выброшенной из могилы земли и постоянно поskalъзываясь, Индус двинулся к воротам.

— Ну и вали! — крикнул ему в измазанную глиной спину Серый. — Олимпийку ему стало жалко... Маменькин сынок!

Индус резко развернулся и молча двинулся на Серого, растопырив руки.

— Не, ну всё, всё! Я это... не хотел... — дал заднюю Серый.

Индус также молча развернулся и вскоре скрылся за будкой Афганца.

— Sic transit gloria mundi, — негромко сказал Челло.

— Ты хоть завали, — окрысился на него Серый и повернулся к могиле. — Малой, ты чё там, жить остался?

Малой выпрямился. Теперь он торчал из могилы по грудь, мокрое лицо его было измазано глиной, из разбитой губы шла кровь.

— Зу-уб тут! Индус мне зуб выбил, сука... — простонал Малой. — Второй уже... — он наклонился. — Сейчас найду...

— На хрена тебе выбитый зуб? — пожал плечами Серый.

Малой, размазывая кровь и грязь по лицу, ответил не сразу:

— Вставлю-ю... Серый, ты курить оставил?

— Дороем — пачку дам, — крикнул Серый. — Комай давай!

— Да-а... Ладно, — Малой взял лопату Индуса, оглядел себя, всхлипнул. — Лучше бы я куртку Поляне постелил...

Он начал копать. Слишком засадив лопату в землю, навалился на неё всем весом и легко, как спичку, сломал черенок.

— Блин, всё!

— Вот ты и правда урод, — серьёзно сказал Серый, сунув руки в карманы.

И тут Малого прорвало.

— Сам ты урод! Заманал! Тебе надо — ты и комай!

Малой нелепо, в раскоряку, выбрался из могилы, весь обляпанный глиной.

— Голем, — сказал Челло. — Из глины мы вышли и в глину уйдём.

— Заткнись, — посоветовал ему Серый, поднимая лопату.

Малой подошёл к залитому дождём окну будки, заглянул внутрь. Телевизор у Афганца был включён на полную громкость. Шла передача «Это было, было, было...», и какая-то молодёжь бодро исполняла «Мой адрес Советский Союз». Малой толкнул форточку — музыка стала оглушительно громкой — и заорал, стараясь перекрыть телевизор.

— Афганец! Э, мы полмогилы откопали, заплати нам!

Афганец резко вскочил, бросился к окну, выставил красную морду так, что Малой отшатнулся в испуге.

— А ты видал «крокодил», который заходит на штурмовку? — осклившись, как пёс, закричал Афганец. — Он НУРами отрабатывает, а потом винтами дым от них начинает месить — шух-шух-шух! Красиво! Кайф!

Афганец захохотал, цепляясь за шкаф, чтобы не упасть. Малой попытался от окна, потом повернулся и побежал. Над кладбищем гремел «Мой адрес Советский Союз».

Челло подошёл к Серому, тронул его за рукав.

— Я свою работу сделал, — сказал Челло. — Прошу пARDону, но у меня в восемнадцать ноль-ноль вечернее randevу на бульваре Звёзд. Так что я откланиваюсь.

И Челло пошёл прочь от могилы.

— Ну и вали! Все валите! Дристуны, — Серый воткнул лопату и огляделся.

Дождь и не думал заканчиваться. Серый остался один.

Один на один с могилкой. Один на один с дождём.

* * *

Малой старше Серого на полгода и выше на четырнадцать сантиметров. И здоровее, у него кулак не меньше индусовского. Но все равно он — Малой. Так по жизни получилось. То ли папа с мамой не достарались, то ли от бабушек-дедушек гены перешли такие, но Малой как бы застрял в детстве. Не в том, где куличики лепят и сопли вытирать не умеют, и не в том, где зимой, в мороз, спорят, что лизнут качелину, а в том, где на стене дома девочки, которая нравится, пишут тайком: «Смирнова шлюха!»

Серый в глубине души жалел Малого, как младшего брата. И всегда заступался, если кто-то пытался его обидеть, а обижали часто. В школе, классах в седьмом-восьмом, дня не проходило, чтобы кто-то не разыгрывал его, не предлагал заведомо проигрышное пари, да просто не вешал на спину Малому лист бумаги с текстом типа: «У кого нет коня, все садитесь на меня или пните меня. Ишак».

Однажды Индус и ещё пара человек, Серый уже и не помнил, кто это был конкретно, на физкультуре в раздевалке предложили Малому сыграть в «найди яйцо». Хохма эта была старая, наверное, её использовали ещё в гимназиях Древней Греции, но Малой, конечно же, повёлся. Серый влез, попытался его отговорить, но в этом и была беда Малого — если он заинтересовывался чем-то, заводился, останавливать его было бесполезно.

Дальше всё произошло как по нотам: Индус отвернулся, кто-то из одноклассников подсказал Малому спрятать яйцо на голове под вязаной шапочкой — «он там ни в жись не найдёт» — остальные затаили дыхание в предвкушении хохмы.

Индус по команде: «Можно!» повернулся, для проформы сунулся Малому в карманы, в портфель — и с силой хлопнул его ладонью по голове. Яйцо с противным треском лопнуло, желток потёк из-под шапочки на лицо Малому. Серому тогда почему-то подумалось, что это похоже на мозги.

Все, естественно, заржали. Малой часто-часто заморгал и вдруг сильно ударил Индуса в лицо. По комплекции и габаритам они были тогда уже вровень, и Индус отлетел к шкафчикам, упал, но тут же вскочил и кинулся на Малого. Разнять их никто не успел, да и не пытался.

Толкового махача не получилось — опытный и злой Индус в три удара заставил Малого скрючиться на полу, и уже собрался добить ногами, но тут вмешался Серый. Отгрёб он тогда знатно, но и Индусу досталось прилично. А потом, после уроков, на хоккейной коробке за школой, когда Серый курил перед тем, как идти домой и прикидывал, как оправдываться перед матерью за синяки и разбитую губу, неожиданно появился Индус. У него под глазом тоже налился баклажанной синевой приличный фингал, а нос распух, как груша.

— Чё, курить есть? — как бы с вызовом крикнул Индус через борт коробки.

— Ну, есть, — как бы нехотя отозвался Серый.

Зажать сигарету даже для злейшего врага в Средневолжске в то время было страшное запаadlo.

И даже страшнее запаdла.

Индус перелез через забор, подошёл к ржавым хоккейным воротам, на которых расположился Серый, повесил свою сумку с надписью «Ottavan» рядом с сумкой Серого, взял протянутую пачку «Тушки». Так было положено по-пацански — давать всю пачку, мол, возьми, сколько надо.

Потому что настоящий пацан лишнего не возьмёт никогда.

Сунув сигарету в уголок рта, Индус чиркнул зажигалкой — раз, другой. Огня не было — то ли газ закончился, то ли кремень стёрся. Серый галантно предложил Индусу свою, но и она не зажглась.

И в этот момент над бортом коробки появилась голова Малого.

— Пацаны! — закричал он, улыбаясь толстыми, как олады, разбитыми губами. — У меня спички есть!

Так и сложилась, совершенно нечаянно, их дружба.

* * *

Серый постоял у края могилы, тоскливо посмотрел вниз, на сломанную Малым лопату. Потом взял свою, стёр рукой воду с черенка, спрыгнул вниз, выкинул обломки и начал копать, бормоча себе под нос:

— Если Флинт деньги Афганцу отдаст, то капец.

Некоторое время слышались лишь методичное шуршание лопаты и шелест дождя. Вязкая глина поддавалось плохо, Серый начал тяжело дышать через нос, но надолго его не хватило, и пришлось открыть рот. Он терпеть не мог так делать — на лыжах зимой или вот во время работы дышать открытым ртом, как рыба. Серому казалось, что так он похож на дебила, на дауна какого-то.

А ещё он устал. Усталость породила злость. Злость пробудила ненависть — к этой грёбаной глине, к этому грёбаному дождю, ко грёбанному Афганцу, ко грёбаному Флинту и его грёбаному Сынуле.

Ко грёбаной жизни, наконец.

А больше всего Серый ненавидел себя. За то, что он — вот такой. За то, что у него нет денег. И нет никакой возможности их достать. И не будет.

Никогда.

И поэтому Клюква... Надя... Наденька... Она...

Серый стиснул зубы, всадил лопату в землю и сперва тихо, а потом все громче и громче начал подпевать песне, доносящейся из будки.

— Торопится сердце, сердце волнуется... Почтовый... пакуется груз. Мой адрес... не дом и не улица. Мой адрес... Советский Союз!

Постепенно песня превратилась в какие-то отрывистые выкрики:

— Мой! Адрес! Не дом! И не улица! Мой! Адрес! Советский! Союз!

Комья глины вылетали из могилы и смачно чавкая, падали в лужи. Серый копал и копал. Песня закончилась, но он продолжал на каждом выдохе хрипеть а капелла:

— Мой! Адрес! Советский! Союз!

Ненависть, злость, вообще эмоции — всё постепенно ушло. Серый копал, как автомат, как робот. Остались только усталость — и ритм.

— Мой! — лопата входит в землю.

— Адрес! — нога упирается в тусклое железо, вгоняя штык лопаты поглубже.

— Советский! — тут слово длинное, поэтому Серый успевал навалиться на черенок, выковырять очередной ком глины, приподнять его на лопате и...

— Союз! — выкинуть из могилы.

И так раз за разом.

— Мой! — Серый с силой воткнул лопату, раздался резкий удар, металлический звон, дождь завис в воздухе, капли были, как осколки стекла; удар отозвался во всем теле, руки прошло разрядом тока, кисти мгновенно онемели.

— Уй! А-а-а... Чё за...? — жмурясь от боли, крикнул Серый и выронил лопату.

На мгновение захотелось заплакать, как в детстве — от внезапной обиды и невозможности врезать кому-то виноватому, которого не было.

...Вообще земля на Ёриках была хорошая. Мягкая, Челло называл её «простокваша». Ни крупных камней, ни корней деревьев, ни пластов гравия. Темно-коричневая глина, поверху переслоённая чернозёмом. Единственная проблема — тяжёлая даже в сухие недели, когда не идёт дождь. Одно дело кидать песочек, и совсем другое — поднимать на лопате кусок глины с ровными, почти геометрически правильными краями. Но если в руках есть сила, то копать такой грунт одно удовольствие. Индус, например, вообще не парился — работал, как экскаватор, в основном руками. «Я бицухи качаю», — пояснял он свой способ.

Челло, худой, тощий, жилистый, действовал иначе: на прямых руках-палках поднимал лопату с грунтом, и изгибаясь спиной, словно древняя катапульта, выбрасывал её из могилы.

А Малому было лень напрягать руки, лень придумывать какой-то свой метод, и он банально ковырял глину, делая лишние движения, чтобы разбить выкопанный кусок и выбросить его по частям. От этого Малой уставал быстрее, чем все остальные, и получал по ушам от Индуса — «за тупизм».

И не было для них, копарей, хуже ситуации, чем случайно попавшийся в грунте камень. Как правило, на могилу их попадалось парочка, не больше, но вот это вот ощущение резкой боли в руках, когда лопата, со всей дури всаженная в землю, внезапно останавливается, наткнувшись на кусок песчаника, неведь как оказавшийся в пласте глины — это напоминало именно детское ощущение несправедливой обиды, когда тебе во время футбольного матча «двор на двор», во время атаки, дали подножку.

Только дать по роже было некому — камню пофигу, он лежит себе и лежит. Камень родился в слое осадочных пород на дне древнего Уральского океана в геологическую эпоху под названием карбон, от которой на Земле остались только глубоко захороненные в земле пласты каменного угля, он пережил динозавров, мамонтов и древних людей с их дубинами и шкурами — что ему до какого-то могильщика Сергея Сергушёва? Да наплевать ему. Он ещё столько же и столько же переживёт — камень не умеет думать, любить, злиться. Он вообще ничего не умеет — в этом его сила.

— Сука, — сказал Серый камню.

Он его ещё не видел, но уже знал, как тот выглядит — влажный, облепленный чешуйками глины плоский обломок величиной с пару ладоней и толщиной в четыре или пять пальцев. Обычно все найденные на Ёриках камни напоминали куски пирога, неровно отрезанные пьяной хозяйкой для неособенное-то званых гостей.

Боль в руках постепенно утихла. Серый подобрал лопату, рукавом стер с лица дождевую воду. Сейчас он выкопает камень, выбросит его из могилы к забору, потом нужно будет снять слой на штык, подчистить дно подборкой — и всё, шабаш. Что означало это странное слово, Серый не знал, но про себя всегда именно так обозначал конец работы.

Шабаш — да и всё.

Поковыряв лопатой глину с полминуты, Серый матернулся, как взрослый мужик — безнадежно и с чувством. Камень оказался не просто большим — он был здоровенным. Куда бы Серый ни погрузил лопату — левее, правее, везде на глубине почти в штык она наткнулась на преграду. Только у самого края ямы глина была мягкой, и не раздавался противный, скрежещущий звук, сопровождаемый непонятным звоном.

Звон этот взбудоражил Серого, словно стакан водки. Обычно когда лопата ударяла в камень, звук был другой — глухой и как бы трескучий от того, что железо скалывало кусочки песчаника. Сейчас все происходило иначе — это был звук металла о металл.

Подкопав край непонятного камня, Серый выяснил, что он полукруглый, большой. Воткнув лопату, Серый полез за сигаретами и заметил, что у него дрожат руки.

— Это не камень, — осмелился произнести он то, что понял намного раньше, и закурил, пряча сигарету от дождя в кулаке.

А если не камень, то что? Судя по полукруглому краю и металлическому звону — крышка. Люка, например. Или бочки.

Или... сундука?

Память тут же выдала ряд знакомых с детства названий: «Золотой жук», «Остров сокровищ», «Сердца трёх», «Копи царя Соломона», «Приключения Тома Сойера», «Бенита»...

— А чё, — вслух продолжил рассуждать Серый, глубоко затягиваясь и сплёвывая прямо на дно могилы. — Ну, могли же тут какие-нибудь разбойники... или монголы... купцы там всякие... или белогвардейцы.

Он осёкся, вдруг сообразив, что это нелепо — какие, на хрен, белогвардейцы, когда тут, на месте садового товарищества, ещё двадцать лет назад был просто склон степного холма. Ни дорог, ни построек. Хотя — а почему бы и нет? Самое место для клада — вдали от чужих глаз, от людей.

— Ага, — опять вслух произнёс Серый и выкинул окурок. — И вот он тут лежал, меня дожидался.

Нет, в клад он не верил. Скорее всего, когда проходчики в шестидесятые тянули линию ЛЭП, они оставили в земле какую-то здоровую железяку — ёмкость для воды или ещё что-нибудь подобное. В любом случае надо было очистить поверхность «люка» и посмотреть, что это.

Серый положил лопату сверху поперёк могилы, оперся о черенок, выбрался, едва не поскользнувшись, и сходил за подборкой — совковой лопаткой с короткой ручкой, специально обрезанной так, чтобы удобно было орудовать в могиле.

Спустившись, он начал аккуратно, слой за слоем, убирать глину с «люка». Край подборки то и дело задевал за металл, и вскоре Серый понял — «люк» имеет какие-то выпуклости и вогнутости, он не плоский. И вообще, скорее всего он — никакой не люк, уже безо всяких кавычек.

Вообще не люк.

Ещё через минут двадцать Серый, чавкая сапогами по раскисшей глине — под ногами к этому моменту уже была приличная лужа — отошёл к дальнему краю и обзрел дело рук своих.

На дне могилы, занимая почти её половину, отчётливо виднелся вытянутый полукруг с асимметричными углублениями внутри. Металл был коричневым, бугристым — типичный такой ржавый чугун. Ну, или обычное железо.

Если это была крышка или дверца, ведущая куда-то, то с такой дикой формой её явно сработали не люди. И вновь память не подвела — вытолкнула из школьных глубин название книжки про пацанов, обнаруживших на каникулах погребённый под слоем песка и земли инопланетный звездолёт.

— «Чёрный свет», — пробормотал Серый, и ему стало смешно.

Какой звездолёт? Какие пришельцы? В Средневожске в 1992 году с другой планеты есть только один человек — учитель истории из девятой школы Пал Ваныч Евсеев, невысокий, с умным, но нервным лицом, дядька, который написал в местную газету, бывшую «Заветы Ильича», а теперь «Биржевые вести Поволжья», стишок:

Над странкою дуют ветры

Да звенят стаканы.

Раньше шли мы в инженеры,

Нынче — в наркоманы.

Ещё Евсеев предлагал организовать в Средневожске настоящую коммуны, как в Париже в 1870 году. И вообще заявил на митинге «Демократической платформы» у памятника Кирову в прошлом году, что

Перестройка — преступление перед советским народом. За это его даже немного помяли тётки со швейной фабрики. Они были злыми — им уже полгода не платили зарплату.

— Ну и хрене ли мне с этим делать? — тоскливо спросил Серый неизвестно у кого.

Можно было, конечно, набросать на металлический полукруг земли и оставить все, как есть. Завтра Флинт и Сынуля постоят у края могилы, «центровые» опустят в неё гроб — или в чём там они собираются хоронить своего пса? — на дно, и никто ничего не заметит. Да, до назначенной глубины не хватает сантиметров тридцать, как раз штык лопаты, но кто будет измерять?

— Или будут, — сказал Серый, а в глубине души был уверен — обязательно будут. Флинт — въедливая гнида, он не спустит просто так. Обязательно померяют.

Значит что? Значит, нужно либо корячиться, выкапывая этот долбаный «люк», который не люк. Либо рыть новую могилу.

— Да блин! — в сердцах бросил Серый и саданул подборкой по металлическому полукругу.

Лопата скрежетнула по металлу и на нём появилась длинная царапина, блеснувшая в сырой хляби раскопа, словно искорка над ночным костром.

Серый сделал шаг вперёд и присел на корточки, примостив рядом подборку. Царапина никуда не делась, она бесстыдно и призывно сверкала на краю «люка», красновато-жёлтая, глубокая и чёткая.

— Цветмет, — сказал Серый и задохнулся на мгновение от нахлынувших чувств, где было всё сразу — и радость, и страх, и ощущение праздника, того самого КАМАЗа с пряниками, который наконец-то перевернулся на их улице.

«Люк» оказался не чугунным и не железным. Он был медным. Ну, или латунным. А скорее всего, судя по красноватому оттенку царапины, бронзовым. Это были деньги, и судя по размерам «люка» — деньги приличные. Серый выпрямился так резко, что у него на мгновение потемнело в глазах, схватил лопату и, воровато оглядевшись, — дождь, Ёрики, будка Афганца, ни души — принялся копать.

* * *

День перевалил за половину. Дождь утих, и небо над головой Серого стало похоже на грязный снег, такой бывает в марте — оттепельный, напитанный влагой, тяжёлый, вязкий, как выброшенная под дождь старая перина.

Поднялся ветер, тоже омерзительный — сырой и промозглый, но воздушные массы над Средневожском сразу пришли в движение, сделалось как-то яснее, стало легче дышать и думать. Промокшая насквозь куртка Серого начала подсыхать, а мысли приобрели упорядоченное движение и пошли по фарватеру, как баржи на Волге.

Серый очень нуждался в этом порядке — в голове его последние час-полтора царил жуткий сумбур. А всё из-за «люка».

Он на самом деле оказался не люком и не крышкой. Когда Серый основательно поработал подборкой и просто руками, а потом выбрался из могилы и посмотрел сверху на дело рук своих, он увидел... ну, в общем-то ухо.

Здоровенное бронзовое ухо, с мочкой, со всеми этими козелками и противокозелками, завитком и его ножкой, противозавитком и прочими изгибами и вывертами.

— Ни хрена себе, — как в детстве, изумился Серый, и даже постоял какое-то время с открытым ртом.

Он ничего не понимал.

Откуда — ухо? Что это? Зачем? Нет, не зачем — почему? Нет, не почему...

Серый вдруг почувствовал острое желание поделиться своим открытием с другими. Рассказать, показать. Афганцу, Челло, Индусу, да даже Малому. И когда все всё узнают, встать вот так толпой над могилой, которая теперь скорее яма или как там археологи называют — раскоп? Во, встать над раскопом и обстоятельно, не спеша, обсудить — чё почём, хоккей с мячом, откуда эта хреновина взялась в земле и что она тут обозначает своим присутствием.

Хотелось сопричастности и ясности. Гласности и... и вообще. Признания. «Вот ты молодец какой, такую хрень нашёл!»

Хотя Серый и так, без гласности, понимал, что — ниже и правее уха — должна быть голова. Точнее, она там есть — он обкопал ухо по краю и потыкал лопатой под ним — звенит, есть контакт. И получалось, что если ухо примерно полтора метра в длину и метр в ширину, то голова в диаметре... метра четыре!

Здоровенная, короче, голова. Как флинтовский джип «Ниссан-патруль», на котором Сынуля с девками приезжал. Здоровенная — и вся из меди. Или из бронзы. Серый на мгновение задумался — сколько это будет денег? Цены на цветмет он знал, знал и то, что бронзу на Приёмке берут дороже всего. Но понять, сколько килограмм... да какие там килограммы, сколько тонн бронзы в обнаруженной голове, Серый не мог. Мозги зашкаливали. Ясно было только, что много.

Очень.

«Коттедж, наверное, можно построить, — подумал Серый. — С гаражом. И этой... лужайкой. Шашлыки жарить чтобы иностранные...»

Сейчас все в Средневожжске, да и во всей стране, хотели построить коттедж. Чтобы как в Америке. Но с шашлыками. В Америке шашлыков нет. Там барбекю. Обжигают мясо на огне и жрут с кровью. Челло рассказывал, что обычай употреблять мясо с кровью пришёл в Штаты из Европы, а там появился потому, что раньше дров не хватало — все леса принадлежали королям и всяким герцогам.

Серый на мгновение представил себе Средние века, промозглый, сырой денёк где-нибудь в Бургундии, и себя, французского крестьянина, у которого нет дров пожарить мясо на обед. Он оглянулся и посмотрел на кучу старых

досок, сваленных у будки Афганца. На них можно было жарить мясо неделю. Не, скорее две недели. «Дураки они, эти французы, — подумал Серый и усмехнулся. — Дрова можно найти. А на крайняк всегда можно у соседа от забора пару досок оторвать».

Тут он понял, что уже довольно давно стоит просто так и ничего не делает. А дел на самом деле у него дофигища, потому что, во-первых, нужно закопать ухо. Ну, не закопать, а присыпать землёй, чтобы не видно было. Во-вторых, срочно копать новую могилу для Степы, причём настолько срочно, чтобы успеть до ночи. В третьих, раскоп с ухом нужно замаскировать... Теми же досками или... Серый снова оглянулся и нашарил взглядом шершавые, пупырчатые листы шифера, сложенные возле досок, там, где стояла ржавая ёмкость для полива давно уже не существующих грядок. Доски были слишком короткими и с гвоздями, а вот шифер, пусть и колотый, подходил в самый раз.

Снова пошёл дождь. Он стал для Серого как сигнал к действию. Скоро проснётся Афганец, и нужно сделать всё до этого счастливого мгновения, иначе... Серый представил, что будет, когда Афганец узнает, что на участке лежит несколько тонн бронзы — и рот наполнился горечью, а в глазах потемнело.

Сорвавшись с места, он бросился к раскопу и торопливо забросал ухо мокрой глиной. Спрыгнул вниз, тщательно утрамбовал глину сапогами, вылез, и воровато пригибаясь, на полусогнутых ногах, побежал к будке за шифером.

После того, как над перекрытой листами шифера ямой возник глинистый холмик, Серый, даже не останавливаясь на перекур, взялся за рытье новой могилы. Он больше не думал об усталости, о справедливости, не прислушивался к себе... Впервые в жизни он делал что-то не потому, что это нужно кому-то, не потому, что так положено, и даже не потому, что его об этом кто-то попросил.

Нет, Серый работал на себя.

Это было очень необычное чувство, новое, незнакомое, непривычное — оказывается, прикольно не только бухать, или, как сейчас стали говорить, «отдыхать» с друзьями, не только зажиматься с тёлками по скамейкам после танцев в парке, не только получать деньги за работу, заказанную чужим дядей.

Прикольно и вот так — пахать, чтобы потом получить много денег в одно рыло. Сам на сам. Это было... сладко — ощущать себя начальником. Шефом. Боссом.

Главным.

«Ларёк открою, — думал Серый, кидая лопату за лопатой. — На вокзале. Или в центре, где площадь. Там всегда народ толчётся, даже ночью. Афганца — на хрен, алкаш конченный. Малого тоже, он мудрой. Индуса экспедитором можно, товар возить. Челло торговать посадить... Не, Челло тоже на хрен. В ларёк надо тётку сажать, старую, лет сорок чтобы, с семьёй, с детьми. Такие не свалят, если чё. Тётя Наташа, Кирдышкина матуха, в самый раз

будет. И всё, аля-улю, бизнес пойдёт. А когда эти... дивиденды насыплются, можно второй ларёк, на „Пятнашке”. Или на Южном. А лучше два. Машину куплю... Джип жрёт много, простую тачку, „девяносто девяную” возьму. Вишнёвую, тонированную. Видик куплю и телик большой, „Панасоник”. К Клюкве приеду утром, посигналю. Она такая в окно выглядывает — я стою с цветами возле тачки. Привет, мол, поехали кататься. И всё... А дом в Буржуйском посёлке построю, на „Двенашке”... Поженимся...»

Тут разогнавшиеся было в галоп мысли Серого как-то притормозили свой стремительный бег — ему стало скучно думать дальше. Там всё было понятно — спиногрызы, шёлковые занавески, велюровый диван и вдалеке серебряная свадьба. Просто жизнь, нормальная, богатая и правильная. На Кипр ещё можно съездить. Или в Турцию. Там, оказывается, круто, по телику показывали.

© Художник Андрей Карапетян

Алёна Асенчик
(Гомель, Беларусь)

Поэт, филолог, преподаватель кафедры русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины.

Победитель международного конкурса «Кубок мира по русской поэзии-2015», лауреат литературной премии имени Кирилла Туровского. Автор поэтического сборника «Здесь всюду небо» (2016).

Когда наступает время

Причащённые осени...

Никаких претензий, Господи, что Ты, что Ты!
Ну, надежды разве что да фантазии.
Садись, не побрезгуй: у меня тут хлебушек, водка, шпроты.
И картошка. Правда, сырая. На балконе, в тазике.
Да не пью я, Господи, бог с Тобою!
(ой потешно вышло, словно ты сам на сам, Господи)...
Я вот стопочку, под хлебушек — и закрою!
И не стану ныть: у тебя и так проблем с нами воз, поди!
Ох и сложные мы: всё у тебя что-то просим, просим.
Ты нам — нате, держите, мол, — яркие листья, небо эмалевое!..
Ты, поди, всё лето придумывал эту осень —
А мы опять у тебя лето вымаливаем...

А Бог знает, что кому-то нужны его вечера, расплывчато-акварелевые,
кому-то дороги утра, пряные, терпкие, словно чай анисовый.
И лишь порой, отчаявшись, Он в свой мир холодами выстреливает,
и к ногам причащённых снисходит, снисходит листьями...

Когда наступает время

Когда наступало время тоски и вечера,
он, за день своё положенное избегав,
утюжил рубашки, бережно вешал на плечики;
все белые-белые, белей твоего снега.
Ходил, любовался. Мурлыкал под нос мелодии.
Следил, чтобы всё в порядке — любая малость:
ему так казалось, что он не один. И, вроде бы,
рубашкам тоже так нравилось и казалось.
Вздыхал, что его чудеса зарастают былями,
что люди свои проблемы решают «сами»...
Рубашки, впуская людей, шелестели крыльями.
Хранили, спасали...

Улиточка

Мне поведал старик-бедолага,
Как тропа превращается в путь.

В. Д.

Время на кухне событий заварит кашу,
плотную: ложку воткнёшь — и застынет ложка...
Прячься, улиточка, в домик: снаружи страшно.
Ты ведь не веришь, что всё это понарошку?
Выкрикнешь: «Чур меня!» — и сокрыта чуром!
Домик всегда с тобой, как вторая кожа.
Правда, реальность грозит обернуться чудом,
если ты домик покинешь и уничтожишь...
Ложку, другую, третью... Почуешь, кто ты,
если отдашь за это свои полцарства!
Знаешь ли ты, как путями становятся тропы?
Просто учись терять — и тогда воздастся.

Четвёртый Рим

Грустный город спит, распластав дороги и провода,
ни пароль от грусти, ни её секрет никому не выдав...
Помести этот город, однажды и навсегда,
в зеркало заднего вида.

Зачерпни — на дорожку — немного его реки;
в ней вода мертва, но она от бед, говорили, лечит.
Зачерпни — и выпей. Не пакуй походные рюкзаки:
будут свободны плечи...

Сохрани в себе эти спящие улочки и дома,
что черны под слоями ночи, словно обувь под гуталином.
Сохрани, чтобы вспомнить, когда загрустишь сама:
клин вышибают клином.

И когда в душе ярой жизнью заблагоухает сад,
и любой сюжет станет важным, неповторимым,
ты увидишь, что тихий город, всеми другими над,
выжил Четвёртым Римом.

Не навсегда

Она верит:

Летать — это очень просто, главное — окрылиться.

Какое дело пространству, что ты не птица?

Время вон тоже не птица, а летит, летит же!

Марк небесный свод тушует немного ниже:

всё безопасней в тенётах его качаться...

— Марк, а ты мог бы нарисовать счастье,

дерзкое, бесшабашное!?

Над замыслом покумекав,

мог бы, говорит Марк, и рисует летящего человека.

Она смеётся:

Держи меня за руку, как за нитку воздушный шарик!

Здесь всюду небо, и ветер шершавый шарит,

а солнце к закату стынет и будто вянет...

И мы парим — над розовыми церквями,

зелёными кронами, домиками, скрипачами!

Она вздыхает:

Марк, а ты мог бы нарисовать отчаяние,

лёгкое, как воздух, пронзительное, как булыжник — в реку?

Мог бы, говорит Марк, и рисует

летящего

человека...

Она плачет:

Марк, но ведь летать — это счастье, да?!!!

Да, говорит Марк. Если не навсегда...

Что осталось на трубе...

Осень как осень: холодно, разноцветно, ветрено и т.д.

Горе как горе: жгуче и однотонно (черно, как сажа).

А и Б по ночам в обнимку сидят на своей трубе,

а днём их почти не видно: подыгрывают пейзажу.

Я ночью слышу, как они хихикают, шепчутся,

считают звёзды и фонари.

А чего сидят — ведь известно, что А упало, а Б

пропало?!

Ты подходишь ко мне, кричащей во сне и

вздрагивающей, И

сочиняешь тепло любви, камина и одеяла...

Наталья Черных
(Россия, Москва)

Родилась в Москве, имеет высшее музыкальное образование. Президент Ассоциации деятелей культуры «Открытый АРТ-ДИАЛОГ». Теле- и радио-ведущая, продюсер, поэт, певица — лауреат и обладатель Гран-при многих международных фестивалей. Автор восьми книг стихов и прозы. Член Союза писателей Москвы, член-корреспондент Европейской академии Искусств и Литературы.

«Горная старуха»

«У вас есть дети? — Радуйтесь!»
Старуха улыбалась беззубым ртом. Слова проникали прямо в сердце и сразу становились понятны. Я же не знаю греческого... Откуда это знакомое тепло?

По дороге на Ливийское море заехали мы в горную критскую деревню к маме греческих друзей. Их отец, муж мамы, умер год назад, и теперь каждую неделю друзья навещают бабушку и вместе — обязательно вместе! — зажигают лампадку на могиле отца.

Это «вместе» чувствовалось с момента вхождения в материнский дом. Отец перед уходом долго болел, и, чтобы легче старику было доживать свои дни, сыновья построили новый дом — с горячей водой и гаражом.

В старом доме, где старики прожили вместе пятьдесят девять лет, теперь бабушка живёт одна, и наотрез отказывается переходить в новый — удобный и приспособленный. Она по-прежнему живёт с мужем. Он — везде... В постели на его подушке — фотография. По всему дому — его портреты с зажжёнными лампадками.

«Я сильная, потому, что с гор!» — старуха, глядя мне в глаза, как человеку, который принёс хоть временное, но облегчение, всё время говорила...

«Нет, жизнь на земле началась не в Греции, а на Крите!» — она говорила с достоинством.

«Ещё точнее — жизнь началась в этой деревне, где мы с тобой сидим за столом! Знаешь, сколько золота здесь было? Всё скупали за гроши или просто забирали итальянцы!

Ах, какие были люди — мои мать с отцом! А братья и тётки! А муж!»

Её разговор был о прошлом. О том времени, где был жив её любимый — отец двух её сыновей, хозяин и мужчина.

«Знаешь, когда уходит хозяин, дом разрушается, и сад перестаёт плодоносить».

По критским законам людей хоронят в мраморных гробницах — в горах мало земли. Сверху тело замуровывают плитой, и следующее захоронение разрешено не ранее, чем через пять лет.

«Я бы сейчас ушла ко Христу, но лечь должна рядом с мужем. Поэтому надо пять лет ждать», — бабушка размазала слёзы и встала.

«Поехали к отцу!»

Теперь есть вечные лампадки. Они зажигаются от солнышка и горят всегда.

Старая женщина гладила могильную плиту и что-то говорила мужу.

— Что она говорит?

— Рассказывает ему, какую хорошую компанию Бог сегодня привёл.

«Ты же любил компанию и поговорить любил! Я не умею...»

В своём саду она только смела упавшие по осени листья и села.

«Ничего не хочу...»

На земле валялись сливы, большие инжирины и гранаты.

«Вечером старший сын придёт подоить овец. Внуки сок покупают в супермаркете, а в своём саду апельсины пропадают».

«Мано, Мано! — с детской улыбкой, с другой стороны улицы спешила женщина. Она протягивала к нам руки и плакала.

— Кто это?

— Тётя. Сестра отца.

Кадр из «Амаркорда» Феллини.

Это семья. Большая и навсегда крепкая. И после смерти — это семья.

Тётя угощала огромным сладким виноградом удивительного лунного цвета.

Сладким, как детство...

— Тётя, хватит!

— Так Бог же дал!

Бог дал! Он дал сполна. Дал эту трудную, яркую и очень счастливую жизнь. Он допустил нас познакомиться с этими горными женщинами, которые всегда — такова традиция критской деревни — переживают мужчин.

Чтобы оплакать. Чтобы продолжить жизнь и кормить по воскресеньям вкусным обедом своих пятидесятилетних детей. Чтобы зажигать лампадки, которые и так горят.

И собрались мы сегодня в этой горной критской деревне, чтобы вспомнить простые вещи. Истину. Любовь. Бесконечность жизни.

Бабушка обняла меня на дорогу. Как сильная, мудрая женщина, которая хочет поделиться тем, чего я пока не знаю. Она плакала, улыбалась и говорила часто-часто. Я же не знаю греческого...

Да, вот эти слова, они сразу попадают в сердце:

«У вас есть дети? Радуйтесь...»

Юрий Макусинский (Россия, Санкт-Петербург)

Юрий Анатольевич Макусинский — поэт, режиссёр, сценарист, фотограф. Автор и исполнитель песен для кино.

Православный (РПЦ). Русский украинец. Женат, трое детей.

Родился 8 мая 1958 года в городе Умань Черкасской области УССР. До 24 лет жил на Украине, в Сибири, на Алтае, в Вязьме, в Москве, потом в Крыму, далее — в Подмосковье, в Донецке, в Туле и снова в Москве и в Крыму.

Трудился в строительных конторах, служил почтальоном и охранником дачи МИД, работал грузчиком и кочегаром, занимаясь параллельно любительским кинематографом и литературными опытами. Много времени посвящал искусству и технологии фотографирования. В 1983 году переехал в Ленинград. Закончил Ленинградский институт культуры по специальности «Руководитель самодеятельной киностудии и фотоклуба». С 1988 по 2001 состоял в штате киностудии «Ленфильм» в различных должностях: режиссёр группы видеохроники, оператор, ведущий инженер цеха звукозаписи, начальник видеоцентра (ТВЦ). С 2013 года и по сей день состоит в должности старшего научного сотрудника в НИИТИАГ (научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства).

Автор четырёх книг стихов «Петербургский венок», 1992; «Сочинения», 1999; «Записки горожанина», 2012; «Имена года», 2018.

Ленинградские
НОТЫ

Забывтая нота

И чтобы нам ни пели про мосты,
 которые разводят в Ленинграде,
 когда ты с юностью пока еще на ты,
 а старость где-то там, сидит в засаде,
 они прекрасны — эти ночи — ради
 единственной и радужной мечты.

Мечты влюбиться сразу и навек,
 пока Дворцовый не свели — успею,
 таксист молчит, он тоже человек,
 ты нежно обняла меня за шею,
 а я вот целоваться не умею,
 не размыкая рук и губ, и век

не поднимая, чтобы не спугнуть
 мгновение, звенящее, как нота
 неуловимая, текущее как ртуть,
 которую под ноги бросил кто-то.
 И нет у нас всю ночь иной заботы,
 кроме желания любить и не заснуть.

Трамвай веселый обновляет путь —
 мосты свели и все пути открыты,
 плетется утро в город как-нибудь
 и будний день творит свои молитвы,
 журчит народ по берегам гранитным.
 Все как всегда. Мгновенье не вернуть.

15.08.2018

Старый альбом

Остыли улицы от нервной суеты,
в апрельской мгле мосты свиданий мокнут,
и Медный Всадник скачет одиноко,
до боли скрючив грозные персты.

И шелестят альбомные листы,
из пожелтевших фото бьются током
родные взгляды — нежно и жестоко:
твои мужчины «все-таки скоты».

Ты смотришь в зеркало из серой пустоты
никчемной спальни. Дождь стучится в окна.
На подоконнике ломаются и сохнут
в хрустальной вазе горькие цветы.

В ночи распутывая памяти волокна
забытый аромат вдыхаешь ты.

06.04.—05.05.2017

Снова осень

Вот и осень подкралась бесшумно, как старость.
 От пропетого лета следов не осталось,
 только медленно падает лист пятипалый
 и Арсений Тарковский читает устало
 золотые стихи. В сердце — тихая жалость,
 что тепла не хватило мне самую малость.

Не успел поваляться под солнцем на пляже,
 покутить не успел вечерами, и даже
 не сумел рассказать загорелой девчонке
 о любви стариковской — материи тонкой.
 Серый дождь монотонною краскою мажет
 по веселым, но быстро забытым пейзажам.

Я не то чтобы злюсь, прелый воздух вдыхая,
 просто было так близко от мая — до рая,
 но меня отвлекла от блаженства забота
 о насущной еде, и до пота работа.
 Снова осень в окне, как всегда золотая,
 а на кухне хлопочет девчонка — седая.

06.09.2018

Встреча в метро

Час пик. Метро. Безумная толпа и витражи.
 Девушка с этюдником в замшевых ботинках.
 Ты мне про забытые сюжеты расскажи —
 про любовь и молодость на твоих картинках.

Вспомни взгляды робкие без унылой лжи,
 на губах обветренных хрупкие снежинки,
 «Беломор», стихи, портвейн, Матисса коллажи
 и растерянную ночь под шорох грампластинки.

От книг, давно прочитанных, гнутся стеллажи,
 в полумгле библиотек шелестят пылинки,
 как снимки пожелтевшие листаю миражи,
 вспоминая твое имя. Кажется — Иринка.

Встречу неслучайную мне снова предскажи,
 девушка с этюдником в замшевых ботинках.

28.05.2017

Старый альбом

Живет в альбоме древних фотографий —
 забытый, милый, черно-белый рай:
 друзья и родичи, часы на телеграфе,
 бюст Ленина и старенький трамвай.

Там затерялись — радостный младенец,
 безусый юноша и элегантный муж.
 Прошедший век сверкает через глянец
 и не стесняется барачков или луж.

Старик у зеркала оценивает китель
 чужой, с наградами — у друга одолжил.
 Друг — инвалид, но тоже победитель,
 и тоже сед, и тоже полон сил.

Прекрасна мать, сидящая у лампы
 с потертым томиком в руках. И по стене
 над ней разбросаны открытки и эстампы
 и фотографии погибших на войне.

У школы каждый год цветут пионы,
 ромашки нежные и всякий прочий цвет,
 вдоль клумбы этой шествуют пижоны
 в клешах и батниках, но часто без штиблет.

На девушку в привычной мини-юбке
 с улыбкой денди смотрит хулиган,
 он что-то курит в самодельной трубке
 и что-то пьет — в руке его стакан.

У проходной кирпичного завода
 стоят Еременко и Мих. Коновальчук,
 они еще не знают, что в природе
 циклично все, включая свет и звук.

Поселок грустный городского типа —
 с вокзалом, клубом (сталинский ампир),
 с пожарной вышкой, с допотопной липой
 у дома нашего. Вот мой забытый мир.

Эпоха милая, зачем тебе стесняться
 любви и бедности? Все было. И теперь
 мне словно снова стукнуло шестнадцать
 и я родную открываю дверь,

и вижу девочку в застиранной матроске,
 глаза ее, влюбленные — чуть свет,
 и выплюнув небрежно папироску,
 я ей стихи читаю — как поэт.

11.07.2018

Композиция

Сегодня тоже день вполне обычный —
ноябрьский. Таких немало дней
в копилке года — городской и личной.
Бывало радостней, бывало и скучней.

Но не бывало так, чтоб голос зычный
моей поэзии не разогнал теней
осенней мороси болезненной — привычной,
чтобы погас и растворился в ней.

Скрипит гортань шершавая. Кирпичный
крошится звук строений и камней.
Скользит по проводам смычком скрипичным
пустой трамвай меж городских огней.

Я слышу музыку в тумане хаотичном
и день становится понятней и ясней.
05.11.2017

Этюд

Мой грустный город, ты не всем по нраву,
когда свистит октябрь по проспектам
и влажно дышит полдень беспросветный,
в Неву дворцы сливая, как в канаву.

Мой мудрый город, ты имеешь право
до боли быть беззвучным и бесцветным,
гасить огни и растворять предметы
в туманах снов — налево и направо.

Не слышно чаек и ворон картавых,
исчезли дворники — недобрая примета,
площадка детская давно уже бездетна,
трепещет осень на ветвях корявых.

Осенний город дремлет величаво —
на лето не досталось нам билетов.
06.09.2016

Диссиденты

Читают Бродского на кухне диссиденты:
 седые барды, кочегары и доценты.
 Портвейн пьют и лапают девиц.
 Их тянет в Токио, Париж и Сакраменто,
 или хотя бы в Краков — дань моменту,
 в беспечный рай неоновых зарниц.

На полке Ленина краснеет многотомник,
 настроен их транзисторный приемник
 всю ночь на город Лондон, БиБиСи.
 В углу у дворника стоит железный ломик,
 он сам едва избавился от ломок,
 вернулся вновь домой — в систему Си.

Я помню запах слов живых и хрупких,
 тебя — красивую, в красивой мини-юбке,
 поэта Парщикова, странное кино
 Тарковского. Мозги мои, как губка,
 впитали все, но не было поступка,
 чтобы сказать: я с вами заодно.

Мне ладно то, что был я рядом с вами,
 когда пусть редкими, но плотными рядами
 мы шли к пивбару в джинсах и без слов.
 Любили нас пленительные дамы,
 особенно Еременко — с усами,
 и этот мир прекрасен был и нов.

12.08.2018

Бездельник

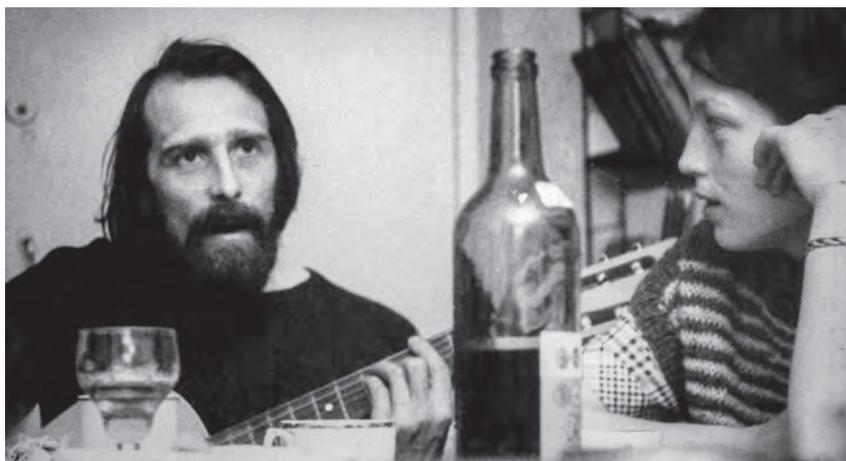
На закате в Купчино, после рюмки водки,
у окна сижу хмельной и смеюсь от горя:
среди яблонь стареньких юные красотики
то визжат пронзительно, то о чем-то спорят.

То слезой сентябрьской дождь стучит в окошко,
то последний солнца луч клены красит красным.
На диване спит давно беспробудно кошка,
я налью себе еще, словно жизнь прекрасна.

Мне совсем не хочется размышлять о жизни,
до которой я дошел, докатился даже.
Чтобы не была душа грустной и капризной,
я налью себе еще и, конечно, вмажу.

Вот и вся моя любовь: кошка, рюмка, девы,
дождь и солнечный закат, золотые клены.
Проживу еще денек у окна без дела,
просижу еще сто лет, в родину влюбленный.

17.09.2018

Отшельник

Я постигаю мир, не выходя из хижины,
всякая втуне мысль поймана и стреножена.
Сжата душа, как газ, и под давлением сжигена,
топит она в псалмах истины непреложные.

Ты не найдешь меня, девочка моя рыжая,
ни в городском саду между пивными рожками,
ни на краю земли, где к небесам над крышами
ангелы до весны намертво приморожены.

Только как никогда стали с тобою ближе мы
именно потому, что, не касаясь кожей,
каждый в своем раю любим чужого ближнего —
я, например, люблю выдуманную прохожую.

Может случиться так — скоро тебя увижу я:
вечером ты войдешь в маленькую прихожую.

23.12.2017

Ленинградские частушки

Ленинградская квартира.
Тусклый свет. Февраль. Тоска.
На столе — остатки сыра,
огурец и три куска
колбасы вареной, водка,
звон гитары, бабий смех —
сизый вечер, как селедка
обволакивает всех.

За столом — Марина Влади,
под столом — Дворин Андрей,
за плечом моим в досаде
кто-то требует: «Налей!»
Все привычно, даже скучно —
ленинградский томный хмель,
разговор — душе созвучный...
И февральская метель.

05.02.1990

Все фото автора

НЕСКУЧНО О СЕРЬЁЗНОМ

© Художник Андрей Карапетян

Татьяна Горичева
(Россия — Франция)

Татьяна Михайловна Горичева — православный философ, публицист, миссионер. Родилась в 1947 году в Ленинграде. В советские годы была соредактором самиздатовского журнала «37». В 1980 году была выслана из СССР. В течение восьми лет, до возвращения в Россию, жила в Германии и Франции. Училась в Католическом институте св. Георгия (Франкфурт-на-Майне, ФРГ), в Свято-Сергиевском православном богословском институте в Париже. Регулярно выступает в России и в западных странах с лекциями о Православии. Основатель фонда защиты животных. Член редколлегии петербургского альманаха «Русский мир».

Природа нуждается в святых

(отрывки из неопубликованного дневника)

24 сентября. Париж

Понять, объяснить, значит — оправдать. Поэтому нельзя говорить о страдании невинных. (С.Франк).

Русский философ пишет об особой нравственности, деликатности и апофатичности в разговоре о предельно Простом. Сегодня можно смело сказать: сугубо невинны и просты — звери, они не предали Бога и продолжают не предавать Его.

Боль нельзя описать, особенно боль животного. И поэт Марина Цветаева, говоря о предельном страдании, находит точную богословско-софиологическую формулу: «Я не более, чем животное, кем-то раненное в живот».

Жизнь в запредельном страдании животного (живого) мяса. Ибо мы живём в эпоху Святого Духа, Жизни Подателя. Не в смысле 3-го Завета Серебряного века, а в апокалиптической перспективе исчезновения (истребления человеком) всего живого и органического. Только жизнь притягательна, таинственна, не лжива. Современные философы — Вальтер Беньямин, Э.Левинас, Г.Конциянич мучились и мучаются от того, что «страдание плоти» не сообщаемо. Вернее, оно «сообщается» только в модусе такого же мясного, конкретного страдания.

Но есть чудо искусства, умеющее дать голос мучимой твари. Вспомним художника Ф.Бэкона и его распятое животное, вспомним Андрея Платонова («Мусорный ветер», «Джан»), В.Шаламова. Эти художники могут «снести боль жизни», выражая, а, следовательно, и неображая её.

Глубочайший Ницше сумел сказать нечто важное: «Природа так же нуждается в святых, у которых отсутствует собственное „Я“, и чья мученическая жизнь более не воспринимается как индивидуальная, но как глубочайшее чувство равенства, сострадания и единства со всем живущим» («Несвоевременные размышления»).

И святость выражает страдание, преображая его.

**

10 сентября 2017, Париж

Только что из церкви. Впервые просидела всю мессу в ближайшей (два шага от меня) церкви святой Женевьевы (В карьерах). Сил не было ехать к православным.

И чудесно: жизнь изменилась, я вышла в другой мир. И опять полюбила католическую мессу. Священник — живой и с аурой, откуда-то из Африки. Проповедь была на тему: не быть в долгу никогда и ни в чём, кроме взаимной любви. И сразу же в голове возникла мысль: «Вот оно, оправдание безмерности! С безмерностью любви был согласен даже Фома Аквинский, который, следуя за Аристотелем, говорил, что во всякой добродетели нужно соблюдать меру. Кроме любви!»

Часто думаю о рассуждении Миши Эпштейна, проповедующего «слабую веру», называющего любую безмерность и любой максимализм пошлостью. (Ох, Миша, Миша!)

И у Ольги Седаковой всё чаще встречаю призывы к «хорошему тону», к воспитанности и умеренности. Она считает безмерность по крайней мере «неприличной», а Пушкина уравновешенным. В восхвалении пушкинского «мускула», как это делает не Цветаева (она-то во всём не знала меры), а спокойная Седакова — отрицаются не только страсть, иступленность, но и опасный хаос, безумие юродства и героизма. Отрицается и сама религиозность (религиозным нельзя быть на 99 процентов).

И не надо думать, что только у русских безграничные «карамазовские» страсти составляют основу бытия. Без бесстрашной, таинственной трансгрессии не было бы ни мировой культуры, ни самой Жизни.

Без отрицания «закона тождества» ($A=A$), нет человечности, реальности, нет творчества и радости.

Лишь клинамен (случайность, тайна, отклонение, восторг) превращает послушных здравому смыслу пти-буржуа в тех, о ком сказал Мандельштам: «Я каждому тайно завидую, я в каждого тайно влюблён».

«Wer das Tiefste gedacht, liebt das Lebendigste» — Гельдерлин.

**

13 сентября, 2017

Сидели в ресторанчике «У Джона» с Машей Мамлеевой. На короткое время моя тоска по России была заполнена встречей с Машей. С почти безумным видом мы говорили о тайнах мудрых зверей — Маша в юности дружила с волком, — об умерших Головине и Мамлееве. Маша стала расхваливать Никиту Михалкова. Но я остановила её одним замечанием: «Он же — охотник». Теперь уж никак и никогда Маша не вспомнит о «Бесогоне».

Говорили о России. В России каждый пойман хорой. Она не театральна (как у Платона). Она пронизана молниями и токами судьбы, и как трудно «вылезать» из русской хоры, когда оказываешься на суровом, рационально мыслящем Западе. В России судьба и ведёт, и устрашает. Но основное: она дает пребывание, бытие, экзистенцию. Как верно пишет С.Дугин, в России

не находятся, в ней бывают. Так, Обломов воплощает собой это слияние бытий и «бытов», по Хайдеггеру — онто- и онтилогий.

Когда судьба «выравнивается», Бог дарит праздник: «Dann feiern das Brautfest Menschen und Götter; es feiern die Lebenden all. Und ausgeglichen ist eine Weile das Schicksal» (Тогда празднуют свадьбу люди и боги, празднуют все живущие. И на время выравнена судьба).

**

17 октября. Париж.

С Павле были у Пантонов. Павле повеселил (и расстроил) рассказом о белградских «патриотах», которые думали, что они «обманули Запад». «В лице Мишеля Пантона».

Как сербские и наши патриоты топят себя в своих неуклюжих мифах о Западе. Мишель недавно ездил в Белград с правительственной делегацией от Совета Европы. Так вот, наши «славянофилы» всю убеждали крепкого католика и врага извращений, что «в Сербии педерасты свободны, их полностью признали». Они «хвастались», что стали европейцами, ибо были уверены, что вся Европа (тем более крупные ее политики) — прибежище для извращенцев и гедонистов.

Им лень было погуглить и узнать, что Мишель Пантон всю жизнь сражается за таинство брака, что всевозможные извращенцы не единожды хотели убить его, не говоря уже о насмешках по ТВ и в прессе. Они могли бы прочесть, что Пантон — один из организаторов Манифа, миллионного марша в защиту брака... А как он защищает Россию в споре со всеми русофобами Европы!

Мишель — герой. Без внешнего самолюбования, герой по-христиански (хоть многие противопоставляют геройство и подвижничество, в Мишеле эти два качества навсегда слиты).

Да и в России наши «патриоты» успели сильно не понравиться любящим русского Бога немцам, испанцам, англичанам. Глупость, незнание, подхалимаж, попытка перехитрить хитрых и обобрать богатых — вот что частенько встречают мои западные друзья, посещая пленённую Россию.

Теперь от СЕ Мишель летит в Таллин. Не хочет там ни эстонских националистов, ни официозной лжи («они более американцы, чем американцы в США», — говорит он). Он просит адреса «нормальных» людей. Подумать надо.

Бросилось в глаза, что оба они — и Мишель, и Флоранс — уж как-то постарели. Впервые пожалела их. Ведь мы дружим уже сорок лет. Было всё — и Россия, и паломничества, и монастыри, и встречи с христианами всего мира. Было почти что хулиганство. Но Мишель всегда был непостижимо серьёзным, верным. Скольких русских он принял, помог, освободил...

За столом — как всегда — первый вопрос о России. Я рассказала о злополучном фильме «Матильда», о том, что нынче православных отделяют от интеллигенции и причисляют к ИГИЛу.

Подтвердила, что большинство людей за «крымнаш» и за Путина. Об Украине мало что могла рассказать.

Рассказала о мордовском монастыре, где непокорённый отец Алексей. Он и монахини «усыновили» множество детишек. Теперь эти девушки помогают, стали послушницами. Но новых сирот берут осторожно — лютует ювенальная юстиция. Отца Алексея обвиняли не раз в педофилии.

Тут разговор оживился. С нами был и отец Даниэль, приехал, несмотря на страшные боли в спине.

На Западе эти атаки на церковь уже давно занимают первые страницы газет. В педофилии обвиняют всех, терзают церковь. Даже мною (и многими) уважаемый и столь ценимый Лионский кардинал обвинён в чём-то подобном.

Потом говорили о Клоделе и том, что в Москве хотят открыть его центр (к большой радости Мишеля).

Уехали раньше, чем обычно. Все, кроме Павле, быстро устали. Мы почувствовали: благодать общения от Бога. Спасибо и за короткие её минуты.

**

29 марта, Париж

Редкие встречи с родными, старыми-престарыми друзьями: из Италии приехали отец Владимир Зелинский и матушка Наталья.

Долгий и драгоценный вечер в китайском ресторанчике. Говорили обо всём. О Мопассане, например. О том, как он, умирая, заразил всех. (И как Кира Сапгир восхищалась этим).

Говорили и о Мишеле Фуко: заболев СПИДОМ, он перед смертью тоже пытался заразить как можно больше «партнеров». А ведь они были не на стороне зла. Они заявляли, что были по ту сторону добра и зла, нежности и жестокости. Но почему-то бытие «по ту сторону» всегда кончается победой зла, демонстративной жестокостью.

Вспомнили старых друзей — Женю Пазухина, который так хотел на Запад, но, не зная ни одного языка, прозябает сейчас в Баден-Бадене в нелепом одиночестве.

Спросила у отца Владимира благосовения играть игуменью в фильме Кости Л-ого. Он сказал: «Благословляю». Я стала возражать. Я вообще не могу играть, а уж такие серьёзные, религиозные роли... Даже надеть монашеское облачение — это немислимое кощунство. Но отец Владимир настаивал: «Если бы он предложил тебе сыграть Божью Матерь, я бы не благословил. А так... можно вполне».

Уже совсем к ночи отец Владимир — помолодевший и восторженный — читал Блока: «Я пригвождён к трактирной стойке...» А потом прочли (уже все хором) стихи о России. И печалились: нас оставалось только трое...

**

13 апреля, Париж

Завтра будет весенняя травля тараканов. Я, конечно, не пушу в комнату убийц в костюмах чернобыльских ликвидаторов. В лифте, на дверях развешаны объявления — с 14-ти все должны открыть двери и участвовать в убийстве. На парочке объявлений я написала: Нет! Тараканы — живые существа! Пусть хоть кто-то задумается.

Ибо: «Когда я думаю, я не ем мяса» — Мишель Онфрэ.

Меня же опять занесут в особый список, и в случае выживания хоть одного таракана, привлекут к ответственности.

**

7 сентября 2016, Париж.

Разговор по телефону с Сашей Чехом. Русские — пассивные и поэтому считаются (украинцами и пр.) рабами.

Но это не рабство. Русский человек (для меня вечный пример — мой папа) кроток от глубины. Он не хочет тратить силы и жизнь на внешнее. В мире сем внешние структуры всегда основаны на лжи, властолюбии, деструкции. Русский предпочтёт молчание, беззащитность. Нам (Саше и мне) в фильме «Дерсу Узала» очень нравится образ погружённого в себя китайца. Его нельзя «трогать». «Не тревожь сна мира» (китайская поговорка).

В России мы живём в кайросе, в щели бытия, где соединяются вечность и миг. Вспоминаются мысли Владимира Карпеца, «В наших летописях»: «Искони сотвори Бог небо и землю».

ИСКОНИ! Т.е. Бог продолжает творить. Первая диверсия внутри христианства — «искони» сменилось «вначале». Мир держится на литургических закрепках. Эти скрепы исчезли из западного, суетного бытия. И время стало линейным. Как мне прожить эти западные недели и месяцы?

**

20 апреля, Париж

Вчера смотрела «Пусть говорят» с Малаховым.

Показывали толстого священника «в свободном полете». Из официальной церкви его «ушли», но он в облачении, крест на груди, и что-то там делает. Этот священник избил тщедушного бизнесмена. Драка из-за парковки. Бизнесмен сказал: «Собак, женщин, батушек я не бью».

И вот и Малахов и весь зал хором твердили: «Батюшка, покайтесь! Ведь сейчас Великий Пост!» А батюшка выкручивался, обличал, обещал «похоронить Малахова за забором церкви».

Меня радостно поразило, что так страстно обсуждают священника и банальную ситуацию. Не было ни равнодушных, ни атеистов. Все уговаривали и даже богословствовали. Пусть всё это нелепо смотрится (чего ещё ждать от ТВ?), но где ещё найдёшь такую страну, где по телевизору говорят только о покаянии?

**

29 апреля, Париж

Иуда предатель. Потому что он серебролюбец. Если апокрифы иногда и «оправдывают» Иуду, то православная традиция однозначно считает, что главный Иудин грех — это серебролюбие. Виждь, имений рачителю...

Зизюлас считает жадность наихудшим из грехов, ибо она обрывает все связи с людьми и с космосом. Даже прелюбодееяние лучше жадности. А жадность не кончается. Она растёт сама по себе. И неважно, что уже не на что тратить. Деньги должны расти (если они копятя, а не раздаются).

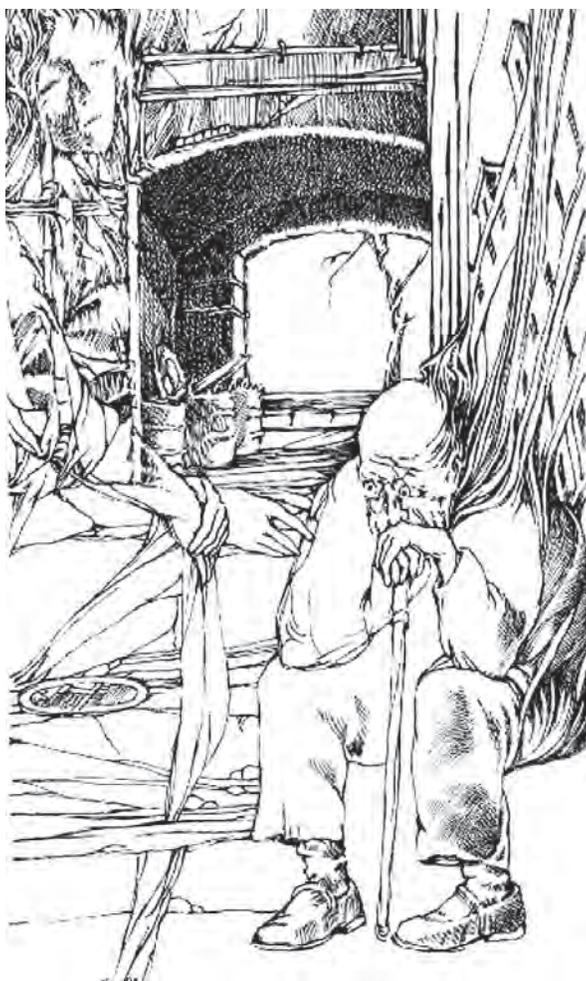
Вот и мои заботы: переписать деньги, квартиру на самых нуждающихся, успеть до смерти. Сегодня это животные. Мы, люди, в неоплатном долгу перед ними.

Читаю Б.Ф.Поршнева: «Люди — единственный вид, который практикует взаимное умерщвление». И далее: единственный вид, способный к абсурду. Человеческая логика — это способ дезабсурдизации.

Чтобы прийти к святости (это уже не Поршнева), нужно «опустить свой ум во ад» (св.Силуан).

Святость восстанавливает райскую целостность бытия.

Только жертва, полное со-страдание через онтологическую муку и смерть (схождение во ад) соединяет небо и землю, созидает целое жизни. Христос (Агнец Божий) навсегда отменил животные жертвы. Он освободил от клятвы (лжи), распятие соединило всех страдающих с Богом.

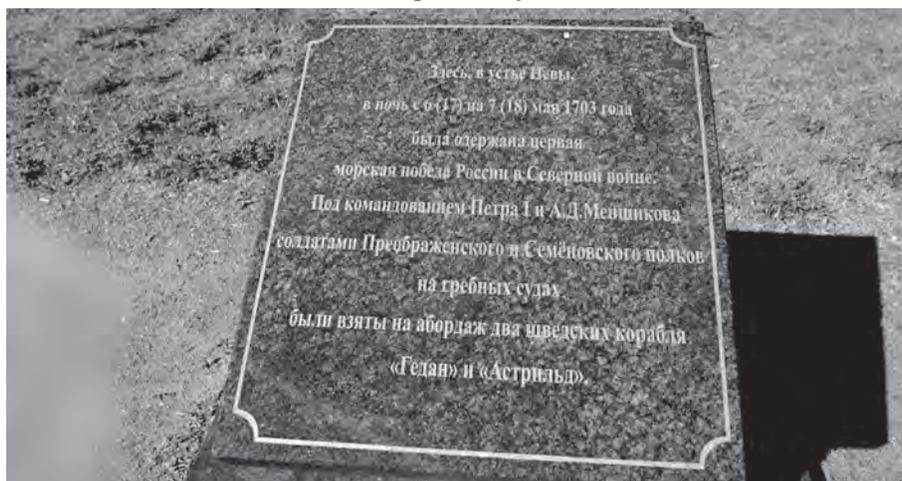
© Художник Андрей Карпетян

Андрей Балабуха
(Россия, Санкт-Петербург)

Родился 10 апреля 1947 года в Ленинграде. Прозаик, эссеист, поэт, критик, переводчик, составитель отдельных сборников и книжных серий, литературный и научный редактор. Автор двадцати четырёх книг — семи сборников стихов, а в прозе относящихся к жанрам фантастики, научно-художественной литературы и литературной критики. Много занимался переводом фантастики (преимущественно с английского). 35 лет ведёт свою литературную студию и свыше 10 лет — творческую мастерскую на курсах «Литератор».

Маленькая сага о двух медальях, или Самоуничижение паче гордости

Как-то раз, идучи через Екатерингофский парк (тот, что в советское время именовался с 1933 года Парком имени Первого мая, а с 1948-го — Парком имени тридцатилетия ВЛКСМ), я случайно вышел на берег речки Екатерингофки. Речкой её, конечно, назвать трудно — и формально ведь именуется протокой — вытекает из Невы и, пробежав четыре с половиной километра, впадает в Невскую губу. Даже до воспетой в блистательном «Месс-Менд» Мариэттой Шагинян «бурной Мойки» ей далеко. Считается судоходной, но ни единой заваливающей шаланды я на здешней глади сроду не видывал. Зато ароматы, от воды исходящие, бьют наповал — писателю, вознамерившемуся сотворить роман о Древнем Риме, стоит заглянуть сюда, дабы представить, как благоухала некогда Клоака Максима... Но, простите, отвлекся. И тут, на берегу, я наткнулся на... даже не знаю, как назвать: мемориальную доску? скромный памятник? памятный знак? Впрочем, судите сами.

У меня вскипел возмущенный разум. Твердо ведь помню, что первой морской победой русского флота было Гангутское сражение 27 июля 1714 года у мыса Гангут (финский Ханко). Но оказывается, все врут календари. Оказывается, не на Балтике, а на этой сточной канаве! Я тщетно пытался представить, как ведут здесь артиллерийскую дуэль гордые фрегаты (начитался ведь и фильмов насмотрелся!), как, стремясь перехватить ветер, совершают лувинг-маневры... Ну ладно, пусть не фрегаты — хоть галеры, так ведь и эти тридцатиметровые сороконожки будут вёслами по берегам скрести... Что-то тут не так!

Но оказалось — всё так. Однако — по порядку.

Сражение, известное как бой в устье Невы, действительно состоялось в ночь с 6-го на 7 мая 1703 года. Правда, место, отмеченное на Екатерингофке памятным знаком, имеет к тому отношению сугубо косвенное. Так ведь оно же и не суть важно: символ — он и есть символ; там, не там — какая разница? Дело же обстояло так.

Первого мая 1703 года в ходе Северной войны капитулировала шведская крепость Ниеншанц и русские войска захватили процветающий город Ниен. Однако в Швеции об этом ещё не знали (сотовых-то телефонов не было), и отрядили на выручку своей осажденной твердыне эскадру из девяти кораблей под командованием адмирала Нумерса. Второго мая, опоздав всего на день-два, она появилось подле неевского устья, где и была замечена передовым постом, выставленным по приказу Петра I на острове Витсасаари, нынешнем Гутуевском. Не выяснив предварительно оперативной обстановки, шведы в Неву войти не рискнули и 6 мая выслали на разведку два судёнышка — десятипушечный бот «Гедан» (то бишь «Щука») под командованием обер-лейтенанта Иоганна Вильгельмса и восьмипушечную шняву «Астрильд» («Звезда»), которой командовал капитан Карл фон Верден. На ночь шведы встали на якорь где-то у берега Васильевского острова. Тем временем Петр I собрал из солдат Преображенского и Семеновского полков две шлюпочных абордажных команды. Первая, под его собственноручным командованием, была сформирована как раз на Екатерингофке (в те времена она бесхитростно назвалась Чёрной речкой) — и кто знает, не на том ли самом месте, где установлен нынче памятный знак, государь размахисто шагнул в шлюпку? Вторая — под руководством «полудержавного властелина» Александра Даниловича Меншикова — собралась на Безымянном ерике (нынешняя Фонтанка). Под утро обе группы вышли в Неву. Петровская поднялась вверх по течению, отрезая шведам путь к отступлению, меншиковская спустилась, и в итоге «Астрильд» и «Гедан» оказались окружены флотилией из тридцати шлюпок.

Когда русские были ещё только на подходе, шведы попытались обстрелять их, но без особого успеха — пушки были малокалиберные, прицельность огня, мягко скажем, невелика; одно дело в высокий корабельный борт попасть, и совсем другое поразить шлюпку. Иные утверждают,

будто шведская эскадра в поддержку своих разведчиков открыла ураганный огонь, но это чистый вымысел: пушек, способных из Маркизовой лужи добросить ядро до середины Васильевского острова, в те времена попросту не существовало. Да они и видеть-то не могли, что там происходит.

Так или иначе, абордаж удался — оба судёнышка были захвачены. Правда, недешёвой ценой обошлось: русские потеряли убитыми и ранеными семьдесят пять человек, в том числе семь офицеров); шведы — около шестидесяти (тут данные сильно разнятся) убитыми, а около полутора десятков попали в плен.

И тут наступил апофеоз.

Тридцатого мая царь отпраздновал свою первую «морскую» победу троекратным залпом из пушек и ружей. Но еще до того, 10 мая, в походной церкви военный совет наградил самого государя и Меншикова орденами Святого Андрея Первозванного, каковые вручал первый кавалер этого ордена генерал-адмирал Головин.

Впрочем, впервые в российской практике, наградами оказались не обойдены и все уцелевшие участники эпохального сражения. Офицеры — специально отчеканенными золотыми медалями с цепями, а солдаты — серебряными без цепей. На одной стороне каждой был помещён барельефный портрет Петра I, а на другой — фрагмент боя и надпись: «Небываемое бывает. 1703».

В последующие царствования эта памятная медаль дважды перечеканивалась, причём всякий раз государев лик становился все старше, суровее и монументальнее.

И небываемое бывает? Разумеется. Вот только что же «небываемого» в этой истории? Абордаж — тактический приём, используемый ещё со времён античности, первое письменное упоминание о нём относится к Пуническим войнам, когда командующий римским флотом Гай Дуилий брал на абордаж карфагенские корабли. Правда, тогда сходились трире-

ма триремой. Новация заключалась в том, чтобы обратить собственный недостаток в достоинство: в отличие от карфагенян римляне никогда не были искусными моряками, зато на суше равных им солдат мир не знал; превратив палубы намертво притянутых друг к другу кораблей в поле сражения, они получали неоспоримое преимущество. Абордаж со шлюпок родился намного позже и был излюбленной тактикой пиратов XVI—XVII веков. Так что флибустьеры Карибского моря взглянули бы на деяние Петра Великого весьма снисходительно. Последний, впрочем, никогда не отличался заниженной самооценкой и ложной скромностью.

Кстати, о небываемом. Тут мне вспоминается другая история, случившаяся за сто пятнадцать лет до боя в устье Невы. Тогда шла Англо-испанская война, и вот его католическое величество Филипп II вознамерился одержать полную и окончательную победу. Два года по его повелению формировалась Непобедимая (или Великая и славнейшая) армада — могучий флот, которому надлежало, разгромив англичан на море, высадить армию вторжения и навести порядок в их еретической стране. Не было забыто и воинство духовное — на палубах кораблей собралось без малого две сотни священнослужителей всех рангов.

Чтобы вы могли представить мощь этого флота, бегло опишу его. Всего 130 вымпелов: 22 огромных, тяжеловооружённых испанских галеона — неповоротливые, но на диво живучие плавучие крепости, обладающие огромной огневой мощью, этакие линкоры XVI века; неаполитанские галеасы, португальские галеры, более легкие и быстроходные корабли для разведки и связи; наконец, множество вооружённых транспортов со всеми необходимыми съестными и огневыми припасами. В совокупности они несли 2 430 пушек и личный состав из 30 500 человек — 18 973 солдата, 8 050 матросов, 2 088 рабов-гребцов, 1 389 офицеров, священников и врачей.

Англия, тогда ещё не претендовавшая (или только в мечтах) на титул владычицы морей, могла противопоставить этой силе лишь флот числом вымпелов хотя не уступающий, но зато уступающий по мощи. У них было лишь тридцать четыре современных военных корабля, правда, более маневренных и оснащенных пушками, превосходящими дальностью испанские, а в придачу к ним сто шестьдесят три тихоходных вооружённых торговых судна и тридцать легких судов — шлюпов и им подобных. Так что соотношение сил всяко было не в пользу защитников Альбиона.

Впрочем, кое в чём всё-таки им повезло. Во-первых, с командующим армадой. Им должен был стать самый выдающийся испанский адмирал Альваро де Базан, первый маркиз Санта-Крус. Но после его скоропостижной кончины король возложил эти обязанности на Алонсо Переса де Гусмана, герцога Медина-Сидония. Хотя этот последний и был умелым организатором, но искущённость в мореходном деле, увы, не отли-

чался. Во-вторых, союзникам англичан стала погода. Едва 29 мая 1588 года армада вышла из лиссабонской гавани, как шторм загнал её в порт Ла-Корунья, расположенный на северо-западе Испании, где срочно пришлось ремонтировать корабли и пополнять запасы провизии. И так — на всём протяжении пути этого флота.

Но так или иначе, а испанская армада потерпела не просто поражение — это был полный разгром. Сравните сами: англичане потеряли от шести до восьми тысяч человек убитыми, четыреста ранеными, а из кораблей — лишь восемь брандеров; испанцы же — более двадцати тысяч человек убитыми, восемьсот ранеными, триста девяносто семь пленными — потери в людях достигали трёх четвертей численности экипажей, был потоплен пятьдесят один корабль, а пятнадцать захвачено.

К родным берегам вернулось лишь около шестидесяти кораблей; Тысячи человек утонули, многие скончались от ран и болезней уже по пути домой. Но даже для тех, кто всё-таки смог вернуться, испытания не закончились: уже встав на якорь в испанском порту, некоторые экипажи буквально умирали от голода. В порту Ларедо один корабль сел на мель, поскольку выжившим не хватало сил спустить паруса и бросить якорь

Но какое отношение, спросите вы, имеет все это к петровскому триумфу?

А такое, что по случаю разгрома Непобедимой армады английская королева Елизавета I тоже повелела отчеканить медали. Только надпись на них была нимало не похожа на ту, что сочинил российский государь: «Дунул Господь, и они рассеялись».

По мне, так самоуничужение английской королевы куда достойнее гордыни русского царя.

Виктор Леонидов
(Россия, Москва)

Виктор Леонидов — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. Автор-составитель 6 книг поэтов русской эмиграции и более 800 статей в газетах, журналах, научных сборниках, справочниках, в основном также посвящённых наследию зарубежья.

Автор-исполнитель песен, выступал в более чем 20 странах. Его баллады звучали в ряде фильмов, в том числе в телесериале «Никита Михалков. Русские без России».

Возвращение Петра Ганского

Поляк Ганский, с глубокими скорбными глазами и запекшимися губами, куривший неустанно, глубоко затягиваясь и поминутно поджигая и без того горящую папиросу дрожащей рукой...¹

«Ганский Пётр Павлович — среднего роста, блондин, худощавый, нервный. Он очень талантлив. Ганский не разбрасывается. Специальность его — парижская женщина во всех случаях её пёстрой жизни. Строгость рисунка он вынес из мастерской Жерома (он был его учеником некоторое время). Зимой и осенью живёт в Париже, лето проводит в имении отца под Одессой, принимает участие в выставках ТЮРХ (Товарищества южнорусских художников — В.Л.)»²

Первая цитата из великого, почти автобиографического романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева», где он описывает свои юношеские встречи в Харькове. Вторая принадлежит перу известного в начале века публициста Николая Брешко-Брешковского, когда он описывал свои впечатления от очередной художественной выставки в Одессе и впечатление, которое на него произвели работы и личность живописца Петра Павловича Ганского.

Шла ли речь у Бунина о том самом художнике Ганском? Ведь он описывал музыканта: «Я любил бывать у Ганского. Он был прекрасный музыкант, иногда играл для нас по целым вечерам... И странно было видеть и самого Ганского — человека столь крайнего в своей революционности — хотя он реже и сдержанней проявлял её — сидящим за пианино, с губами уже до черноты спёкшимися от той всё разгорающейся, напряжённой страсти... Мне всё думалось, что непременно сойдёт когда-нибудь Ганский с ума и тогда, в своей узкой камере с решёткой в окне, со своими горящими губами, с экстатическим взором и серым халатом, будет уже жить и без музыки в подобном же бессмысленно-радостном, обманчиво-возвышенном мире»³.

¹ Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. — М., 1989. — С. 202.

² Одесский листок. — 1903. 26 июля.

³ Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. — М., 1989. — С. 209.

А вот что свидетельствовала Вера Николаевна Бунина, жена Ивана Алексеевича. Это опубликовано в знаменитых «Устами Бунинных», записанных с её слов... Она вспоминает встречи в Одессе: «Вчера вечером пили чай у Недзельских. У них был художник Ганский, первый русский импрессионист»¹. Более того, может быть, именно с участием Бунина связано освобождение Петра Ганского из ЧК. Вот ещё одно свидетельство Веры Николаевны: «Но чаще всего удаётся освободить за деньги. Освобождение художника Ганского стоило семьдесят тысяч рублей. «Арестован он был как крупный землевладелец... Сидел на Маразалиевской и писал портреты своих тюремщиков»².

Всё это вспомнилось, когда в марте 2018-го я как представитель Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына присутствовал на открытии выставки произведений Петра Павловича Ганского в Краеведческом музее старинного купеческого города Елец. Главным гостем церемонии был неутомимый подвижник, владелец коллекции Ганского, житель Таллинна, бывший военврач Сергей Николаевич Гавриков. А потом мы сидели с ним и замечательными елецкими музейщиками в старинном доме-музее Бунина. Ведь именно в Ельце будущий Нобелевский лауреат учился в гимназии, которую так и не закончил.

«Бывают странные сближения...» Пушкин умел воплотить в законченную форму любую смутную мысль. Так, в центре России, спустя много лет после смерти, снова переплелись судьбы великого русского прозаика и блистательного, ныне, к сожалению, почти забытого русского импрессиониста.

Для меня вся эта история началась в 2015 году, когда в наш сверкающий Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына обратились таллинцы Сергей Гавриков и его жена Елена Каллонен, наследница собрания Ганского, и предложили организовать выставку. Директор Дома Виктор Александрович Москвин и зав. библиотекой Татьяна Александровна Королькова, взявшая на себя всю нелегкую ношу по организации выставки в Доме, а затем и других экспозиций, сразу поддержали эту идею. Именно тогда я, как и другие сотрудники Дома, впервые увидел поразительные украинские пейзажи и виды Франции, осенённые каким-то совершенно особенным светом. Потому что Пётр Павлович Ганский (1867—1942) был действительно огромным явлением в русском искусстве.

Сын крупного Херсонского помещика, он учился в Елисаветградском реальном училище, был вольнослушателем Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге, а затем в его жизнь полноправно вошёл Париж. Также он учился там в Школе изящных искусств у Жана-Луи-

¹ Устами Бунинных. Т. 1. Ч. 2. 22 июня/5 июля 1918 г.

² Там же, 28 июля/10 августа 1919 г.

Жерома. Но всегда его волновала духовная составляющая человеческого бытия. Именно это обусловило занятия в Сорбонне и диплом магистра философии.

И всё же, судя по свидетельствам его знавших, мало что предвещало дальнейшую судьбу мастера, ставшего после всех испытаний революции и гражданской войны католическим прелатом и одним из организаторов «Пакта Мира» Н.К. Рериха. Его племянница вспоминала: «Очень неожиданным для нас — мы тогда жили в Ревеле — явилось известие о том, что дядя Петя перешёл в католичество и стал монахом иезуитского ордена. Мама всегда говорила о своём брате как о человеке, который вёл светский образ жизни. Он был холост и не обременен никакими заботами, доход шёл с имения. В кабинете нашего отца, куда мама отправляла неугодные ей вещи, висел портрет довольно оголённой дамы, освещённой как бы светом от камина. Особенно сияли её рыжие волосы. Почему этот, шокирующий маму портрет, дядя Петя подарил маме — непонятно»¹. Здесь, кстати, точно отмечена важнейшая особенность творчества мастера — на его картинах свет идёт откуда-то из-за пределов изображаемого...

Итак, с 1890 по 1913 художник жил между Одессой и Парижем, проводя почти полгода то в Российской империи, то во Франции. В Одессе он стал одним из учредителей знаменитого Товарищества южнорусских художников. Именно на выставках этого объединения расцвёл его могучий дар импрессиониста. Спустя почти век, в 2003 году, в Одессе вышел сборник «Ганский Пётр Павлович (1867-1942). Жизнь и творчество», составленный главным хранителем Одесского художественного музея Л.А. Ереминой, где был приведён целый ряд восторженных отзывов о картинах Ганского, представленных на различных экспозициях Товарищества.

«Ганский выставил множество этюдов, говорящих о том, что такое импрессионизм. Этюды ясно отличаются от произвольной старой школы, в высшей степени поэтичны и привлекают своими нежными фиолетовыми тонами»².

«Ганский — яркий выразитель импрессионистического направления. От его ярких цветов — жёлтых, красных и фиолетовых — рябит в глазах. Тем не менее получается впечатление свежести и талантливости»³.

Конечно, Парижская школа и круговорот художественной жизни в столице Франции, царство импрессионизма и влюблённости в свет мон-мартрских мастеров во многом сформировали Ганского как художника. Недаром он с успехом выставлялся на берегах Сены в салоне «Общества французских художников» и в салоне Независимых.

¹ Воспоминания о художнике Татьяны Борисовны Золотовой // Ганский Пётр Павлович. 1867—1942. — Одесса, 2003, С.9

² Одесский листок-1895 — 12 марта.

³ Южное обозрение-1899 — 2-4 ноября.

Этапом для него стала персональная выставка в Киеве. Много позже в русском эмигрантском еженедельнике «Иллюстрированная Россия» появилась заметка о пятидесятилетнем юбилее Ганского, где говорилось: «В своё время картины Ганского пользовались в России большим успехом. Выставка его картин в Киеве, в 1893 году, когда художник решительно стал на сторону импрессионизма, вызвала в печати и в художественных кругах большую полемику»¹.

Жизнь Ганского, как и миллионов его современников, которым не повезло родиться в другую эпоху, надвое разломала война. Сначала Первая мировая, потом шашбаш 1917 года, который так мощно выписал Бунин в своих «Окаянных днях». Ганский, как пишет известный искусствовед Галина Балашова, приехал в этом страшном году в Одессу, чтобы отбирать картины для выставки «Независимых художников». Он пережил разгром любимого имения, затем был арест, о котором вспоминала Вера Николаевна Бунина².

А дальше в его жизнь опять вошла Франция, и уже навсегда... Художник из Одессы добрался до Салоники, а потом наконец оказался в столь знакомой ему столице мира. Во Франции уже жила его сестра Софья с дочкой Кирой и мужем Владимиром Быстрицким, ещё до революции служившим авиационным агентом Русской военной миссии в Париже.

Итак, началась новая жизнь. Ганский работал в своей парижской мастерской на улице Виктора Гюго, 67. Но в нём уже произошли необратимые изменения. Всё пережитое не могло пройти просто так³.

Как уже говорилось, Пётр Павлович стал священником. От православных корней он отходит в 1922 году, принимает католичество, затем постригается в монахи. Однако жизнь его была далека от затворничества.

Ганский выступал с лекциями в Обществе русско-французской православной дружбы, участвовал в собраниях православного Религиозно-нравственного кружка под руководством о. Николая Сахарова. Много писал в журнал «Etudes» и жертвовал свои картины на благотворительные цели. В Лионе, где он жил в 1925—1927, Пётр Павлович учится на теологическом факультете. Ещё на следующий год Рубикон перейдён окончательно — мастер принимает сан и становится священником Ордена иезуитов византийского обряда.

Однако мягкость и умиротворённая свежесть его картин непостижимым образом сочеталась в этом удивительном человеке с яростной и очень деятельной натурой. Он продолжал много работать. Пётр Павлович самое активное участие принимал в благотворительных акциях, жертвуя картины для лотерей, которые организовывали русские органи-

¹ Юбилей П.П. Ганского // Иллюстрированная Россия — 1937. № 12.

² Балашова Г. Связь времен... Художник Пётр Ганский. — Таллин-№ 3-4 — 2014 — С.85.

³ Ганские. — Таллин. 2017 — С.7

зации в Париже. «...В парижских салонах картины его имели успех, награждались медалями и почётными отзывами. В своих женских портретах Ганский обнаруживал редкое мастерство и такой же редкий вкус. И теперь, надев чёрную сутану, отец Пётр в тиши скромной кельи своей в иезуитском общежитии на улице Гренель продолжает писать картины. Вырученный за них гонорар идёт целиком на поддержку неимущих русских. Ганский очень популярен. К нему идут не только за денежной поддержкой, но и за советом, за моральным утешением», — писал уже упоминавшийся Н.Н. Брешко-Брешковский в своём репортаже «Парижские огни»¹.

Мы уже говорили о его неуёмной энергии. Ганский стал более чем активным участником подготовки «Пакта мира» Николая Рериха. Этот документ предполагал охрану культурных ценностей даже во время войны. Он был одобрен Лигой наций и подписан главами западных держав, а уже после Второй мировой, в 1954-м стал основой Заключительного акта Международной конференции в Гааге. К работе этой Пётр Павлович имел самое непосредственное отношение. Правда, до 1954 года он не дожил, но был одной из главных фигур, распространявших идеи Рериха среди католических прелатов и представлявших великого мыслителя среди руководства Ватикана².

Мастер завершил свой путь в монастыре Ле Дора под Парижем 27 ноября 1942 года. После него остался большой архив, в том числе и манускрипт большого фантастического романа «Красная звезда» на французском языке.

Казалось, память о нём будет навсегда потеряна, но дальнейшие события вернули и историю жизни художника, и его изумительные, солнечные картины.

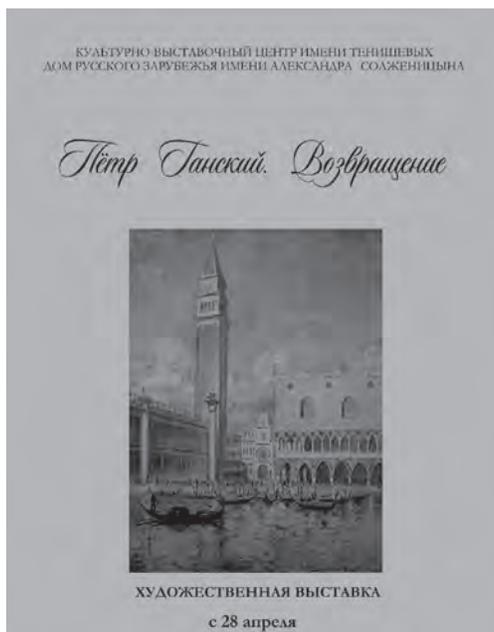
Итак, картины Ганского почти полвека, всеми забытые, хранились в Париже у сестры Ганского Софьи Быстрицкой и её дочери Киры. После того, как они ушли из жизни, племянницы Софьи Павловны, вышеупомянутой сестры Ганского, Татьяна Борисовна Золотова и Елена Борисовна Позднякова, жившие в Таллине, вывезли наследие художника в столицу Эстонии.

Надо отдать должное этим удивительным женщинам — они ничего не стали распродавать. А в 1993-м просто с улицы пришли в Одесский музей. Познакомившись с сотрудниками, подарили целую коллекцию работ. Результатом этого стала одесская выставка художника и выход книги «Ганский Пётр Павлович. 1987—1942. Жизнь и творчество».

После смерти Татьяны Борисовны и Елены Борисовны оставшаяся значительная часть наследия Ганского осталась у дочери Поздняковой

¹ Брешковский Н.Н. Парижские огни. — Матадор-1934. №24. 10 июня.

² Н.К.Рерих. Знамя мира. — М.: 1999. С.246, 250, 251

Афиша к выставке работ П. Ганского, проходившей в 2016 г. в Смоленске.

Пётр Павлович Ганский.
Автопортрет

Елены Каллонен и её мужа, военврача Сергея Николаевича Гаврикова. Он, как пишет Тамара Балашова, «...стал вглядываться в рисунки, пожелтевшую акварель, гуашные наброски на обрывках бумаги, этюды на картинках, зарисовки углем и пастелью, сделанные некогда её (Елены Борисовны Поздняковой) именитым дядей, одесским художником Петром Ганским»¹. Гавриков ездил во Францию, искал работы своего родственника, постепенно тщательно атрибутировал работы, привёл все в выставочное состояние. И, ни много ни мало, провел выставку Ганского в галерее Парламента Эстонии (Райкикогу)

А затем пришёл час возвращения в Россию. Благодаря энергии главного редактора журнала «Таллин» Нелли Абашевой-Мельц и зам. директора Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына Татьяны Корольковой в Москву привезли картины Ганского. И с огромным успехом прошли выставки в Доме русского зарубежья, в Санкт-Петербурге, в Смоленске, Липецке, Ельце. Возвращение Ганского продолжается.

¹ Балашова Г. Указ.соч. — С.183.

Светлана Сигида
(Россия, Москва)

Светлана Юрьевна Сигида закончила Московскую консерваторию в 1969 году и уже с 1970-го постоянно работает там же. Профессор кафедры Истории зарубежной музыки, доктор искусствоведения.

«Приезжайте к нам учиться!»

(К юбилею иностранного факультета Московской консерватории)

Московская консерватория была основана в 1866 году Николаем Григорьевичем Рубинштейном (1835–1881) — выдающимся музыкально-общественным деятелем и яркой артистической личностью, который был известен в мире как величайший дирижёр и блестящий пианист виртуоз. Его исполнительское искусство вызывало восхищение многих европейских композиторов XIX века.

Вслед за своим старшим братом Антоном, организовавшим отделение Русского музыкального общества и консерваторию в Петербурге, Н.Г.Рубинштейн, последовав его примеру, стал руководителем Русского музыкального общества в Москве, где, окружив себя единомышленниками и сподвижниками-энтузиастами русской культуры, быстро достиг успехов в воспитании молодых отечественных музыкантов.

Наряду с успехами в области музыкальной педагогики, Московская консерватория преуспевала и в просветительской деятельности. Уже в первые годы обширной музыкальной деятельности Н.Г.Рубинштейн получил заслуженное признание от выдающихся композиторов и музыкантов исполнителей. Во время посещения России в марте 1863 года с концертами в Москве и Петербурге Р.Вагнер отметил, что главным музыкальным авторитетом Москвы является Н.Г.Рубинштейн, посвятивший свою жизнь созданию профессионального музыкального образования в России. Предварительные репетиции концертов с оркестром, хором и солистами Р.Вагнера проводили К.К.Альбрехт и Н.Д.Кашкин.

Во второй половине XIX века демократические круги российской интеллигенции были охвачены мыслью создания в России музыкально-образовательных учреждений для подготовки профессиональных отечественных музыкантов. Размышления Н.Г.Рубинштейна о будущем привели его к главной цели жизни — посвятить себя музыкальному образованию и музыкальному просвещению. В период создания Московской консерватории Россия всё ещё испытывала нехватку отечественных музыкальных кадров, в связи с чем для преподавания нередко приглашались европейские артисты.

Многие лучшие европейские музыканты почитали за честь выступать в концертах Московского отделения Русского музыкального общества. В начале 1850-х годов в симфонических концертах под управлением Н.Г.Рубинштейна выступили выдающиеся пианисты: немецкая пианист-

ка Клара Шуман (1819–1896), австрийский пианист Антон Доор (1833–1919), польский пианист Юзеф Венявский (1837–1912), скрипачи — чех Фердинанд Лауб (1832–1875), поляк Генрик Венявский (1835–1880), норвежец Уле Булль (1810–1880), солисты итальянской оперы, среди которых были немецкие и французские певцы, и другие.

Важно вспомнить, что созданию Московской консерватории в 1866 году предшествовал открытый РМО в 1860 году элементарный Музыкальный класс, где обучение велось в доступной форме. Занятия в этом классе проводил Н.Г.Рубинштейн в своей квартире на Садовой улице.

Именно в этом Музыкальном классе и сформировался круг педагогов — единомышленников Н.Г.Рубинштейна, и на основе их опыта формировались педагогические традиции будущей консерватории. Занятия по теории музыки вел Эдуард Леонтьевич Лангер (1835–1905) — российский музыкант немецкого происхождения, он также преподавал фортепиано и орган. Занятия по хоровому пению проводил В.Л.Форкагти. Открывшийся позднее класс сольного пения вели А.Р.Осберг и для женских голосов — Б.О.Вальзек. С 1863 года расширился круг занятий по другим специальностям. Так, по скрипке занятия проводил К.А.Кламрот, по виолончели Ф.К.Эзер. Интересно, что для занятий по фортепиано были созданы женский класс под руководством Н.Д.Кашкина, а мужской под руководством Э.Л.Лангера. Сам Н.Г.Рубинштейн вел фортепиано и гармонию для старших классов, а занятия проходили в его новой квартире в Мясном переулке. Многие из преподавателей Музыкальных классов РМО потом работали в Московской консерватории.

Представим единомышленников и соратников Н.Г.Рубинштейна по работе не только в педагогических, но и организационных делах в Музыкальных классах и РМО, но позднее и в консерватории. Среди них Рубинштейн выделяет Э. Л. Лангера, который энергично помогал Рубинштейну в разного рода организационных делах. Лангер был хорошо известен в Москве как один из первых пропагандистов Шумана в России, знаток музыки Р. Вагнера. В педагогической деятельности он проводил занятия по фортепиано и элементарной теории музыки. Своим лучшим учеником Лангер называл С.И.Танеева.

Ещё одним (важным) единомышленником Н.Рубинштейна был Николай Дмитриевич Кашкин (1839–1920), профессор консерватории по классам обязательного фортепиано и элементарной теории музыки. Кашкина называли летописцем московской музыкальной жизни. Он пользовался авторитетом среди всех консерваторцев и покорял своей последовательной просветительской деятельностью.

Помощником Н.Г.Рубинштейна был Карл Карлович Альбрехт (1836–1893), замечательный музыкант, виолончелист оркестра Большого театра, он увлечённо служил и в музыкальных классах РМО, и затем в консерватории. Он был предан концертному делу и выполнял разные функции в РМО и консерватории — руководил бесплатным классом хорового пения при РМО, преподавал виолончель, обязательный курс теории музыки, был инспектором и выполнял функции директора (1883–1885).

Н.Г.Рубинштейн как глава Московского отделения РМО полностью посвятил себя одной из главных задач — просветительству. Он выступал в концертах РМО и как дирижёр, и как пианист.

Одним из выдающихся событий московской музыкальной жизни были концерты Р.Вагнера в марте 1863 года, в которых сам композитор дирижировал оркестровыми фрагментами из своих опер «Лоэнгрин», «Тангейзер», «Валькирия», «Зигфрид» и Пятой симфонией Бетховена.

В честь Вагнера московское отделение РМО организовало торжественный обед, на котором его приветствовали русские музыканты и деятели культуры. Одним из приветствовавших Вагнера был В.Ф.Одоевский, который посвятил Вагнеру (позже) несколько статей. После московских гастролей Вагнер выступил в Петербурге, и уже оттуда послал Рубинштейну «письмо благодарности за проявленные к нему дружеские чувства и усердие, с которым оркестр исполнил его музыку». Далее Вагнер писал, что «с особой радостью снова будет приветствовать Москву и тамошних друзей».

В последующие годы стал расширяться состав музыкальных классов РМО по специальностям. Так были открыты занятия по специальностям флейта (Ф.Ф.Бюхнер) и труба (Ф.Б.Рихтер). К тому же возросло и общее число учащихся — с 25 до 258. Музыкальные классы при РМО пользовались большой популярностью. Таким образом, огромная и активная работа по формированию педагогических и исполнительских традиций и составлению учебных программ (по фортепиано, пению, элементарной теории музыки и обязательного фортепиано для студентов всех специальностей) происходила непосредственно перед созданием и открытием Московской консерватории в 1866 году.

День открытия Московской консерватории стал большим торжественным событием в России, на котором выступили с приветственными словами директора РМО, профессора и преподаватели нового музыкального вуза. Н.Г.Рубинштейн отметил в своём слове, что главная задача консерватории — подготовить для страны русских преподавателей музыки, возвысить значение русской музыки и русских артистов. Н.Г.Рубинштейн выразил большую надежду на то, что Московская консерватория обязательно достигнет блестящих успехов, которыми будет гордиться вся Россия. На торжественном открытии выступил и П.И.Чайковский, только что закончивший Петербургскую консерваторию, он отметил огромное значение профессионального образования и пожелал больших успехов и пророчески предрёк блестящие успехи русскому музыкальному искусству.

На открытии также выступил один из первых директоров РМО Владимир Фёдорович Одоевский (1804–1869) — композитор, писатель, музыкальный учёный и общественный деятель — со словом в защиту русской музыкальной культуры, в дальнейшем он часто присутствовал на экзаменах и писал статьи о выступлениях музыкантов. Затем слово взял Ф.Лауб, отметив, что музыкальный язык доступен и понятен для всех артистов мира, и пожелал больших успехов Московской консерватории.

На концерте в честь открытия Московской консерватории П.Чайковский исполнил наизусть увертюру из оперы М.И.Глинки «Руслан и Людмила» в (переложении для фортепиано). Фортепианное трио В-dur (op. 97, 1811) Бетховена прозвучало в исполнении Ю.Венявского (фп.), Ф.Лауба (скр.) и Б.Космана (влч.), виолончельную сонату Бетховена исполнили Н.Рубинштейн и Б.Косман.

Для преподавания в консерватории Н. Рубинштейн пригласил самых известных московских и петербургских музыкантов-виртуозов и педагогов. Однако в то время отечественных музыкантов-профессионалов было недостаточно. В связи с этим директор консерватории Рубинштейн заключил контракты с известными зарубежными музыкантами, многих из них он слушал, выезжая за рубеж, и был хорошо знаком со многими из них. К тому же он прислушивался и к рекомендации Ф.Листа. Среди приглашённых в консерваторию зарубежных музыкантов были пианисты Ю.И.Венявский, А.К.Доор (ученик К.Черни), К.Клиндворт, скрипачи Ф.Лауб, И.Гржимали, виолончелисты Б.Косман, В.Фитценгаген, певцы Б.Вальзек, Р.Осберг, Дж.Гальвани, арфистка И.И.Папендик-Эйхенвальд. На духовых и ударных инструментах преподавали музыканты Большого театра: флейта — Ф.Ф.Бюхнер, гобой — Э.К.Медер, кларнет — В.К.Гут, К.Ф.Циммерман, фагот — Г.К.Эдер, валторна — М.Б.Бартольд, Б.И.Роте, валторна — Ф.Б.Рихтер, литавры — А.Кегель. Таким образом, в конце XIX и начале XX веков в Московской консерватории преподавала большая группа зарубежных исполнителей, которые вписали замечательную страницу совместной работы русских и зарубежных музыкантов.

Выдающимся профессором консерватории по классу теории музыки и свободного сочинения был П.И.Чайковский (в 1866–1878 годах).

Важно отметить, что с первых дней существования консерватории огромное внимание уделялось музыкально-теоретическим предметам, обязательным для студентов всех специальностей. Этот факт вырос в устойчивую традицию преподавания теоретического курса дисциплин, который преподавали Чайковский, Кашкин, Альбрехт, Лангер, Ларош и Губерт.

Напомним, что Чайковский был энтузиастом в составлении различных программ для обучения. Это были программа по курсу гармонии, ряд инструкций, методических работ и переводов теоретических трудов иностранных музыкантов. К примеру, Чайковский перевёл с французского «Руководство к инструментровке» Ф.О.Геварта. Также он перевёл с немецкого «Жизненные правила и советы молодым музыкантам» Р.Шумана, «Музыкальный катехизис» И.Лобе. А уже в 1872 году П.Чайковский опубликовал первый в России учебник по гармонии — «Руководство к практическому изучению гармонии» (который вскоре перевели на немецкий и английский языки). Чайковский способствовал популяризации произведений молодых композиторов и поддерживал молодые дарования в своих статьях для московской газеты «Русские ведомости», в 1868–1876 годах он был музыкальным рецензентом этой газеты. Среди своего класса П.Чайковский называл любимым учеником С.И.Танеева,

который впоследствии преподавал в МГК теорию музыки, композицию и фортепиано в 1878–1905 годы и был её директором в 1885–1889 годах.

На рубеже XIX–XX веков Московская консерватория демонстрирует блистательные результаты. Прежде всего, была создана и утвердилась московская композиторская школа (С.И.Танеев, С.В.Рахманинов, А.Н.Скрябин, Н.К.Метнер), получившая мировое признание. Значительными были успехи и мощный расцвет в области сначала фортепианного, а вслед за тем и скрипичного, и виолончельного исполнительства.

С 1918 года в научных классах консерватории была изменена программа обучения и введены новые предметы, которые ранее преподавались только в университетах — эстетика, история культуры, история всеобщей литературы, история русской литературы и русской народной словесности, история театра, история пластических искусств, история эстетических учений, история бытовых древностей Западной Европы и России.

С 1918 года Совет консерватории принял важное решение о методическом разделении музыкального обучения на три звена — детская школа-семилетка, среднее и высшее звено музыкального образования и его унификации для страны. Положение о высшем музыкальном образовании подготовил Б.Л.Яворский. В 1921–1922 годы была проведена реформа музыкального образования. Обучение в консерватории велось по четырём отделам: творческому, научно-теоретическому, исполнительскому и инструментально-педагогическому. Исполнительский отдел включал в себя фортепианный, оркестровый и вокальный подотделы, с 1923 года к ним добавился и хоровой.

В 1920-е годы возобновляет свою деятельность этнографическое отделение под руководством крупнейшего музыкального фольклориста К.В.Квитки (1880–1953); был создан отдел аспирантуры для совершенствования композиторов, музыковедов и педагогов, а для исполнителей — школа высшего художественного мастерства. В 1920–1930-е годы студенты МГК принимали участие в оперных спектаклях консерватории и в концертах, исполняя кантатно-ораториальные произведения. Руководителем этой программы был певец, преподаватель сольного пения Назарий Григорьевич Райский (1876–1958), среди учеников которого — Сергей Яковлевич Лемешев, Гуго Ионатанович Тиц, Вера Михайловна Фирсова, Павел Михайлович Понтрягин и другие.

После Октябрьской революции замечательные традиции московской композиторской и исполнительских школ получили дальнейшее развитие, несмотря на сложности общественно-политической жизни. Некоторые выпускники МГК принимали участие в Гражданской войне, выступая в составе разных коллективов.

В годы Гражданской войны педагогический состав не был стабильным. В трудных условиях хозяйственной жизни консерватории наблюдался отток отдельных преподавателей по разным причинам. Но были приглашены и новые крупные исполнители, композиторы и музыкальные учёные. Среди них — композиторы Н.Я.Мяковский, Р.М.Глиэр, М.Ф.Гнесин, А.Н.Александров и другие; теоретики — Г.Э.Конюс,

Н.Я.Брюсова, Н.А.Гарбузов, С.В.Евсеев; историки — М.В.Иванов-Борецкий, Ю.Д.Энгель; фольклористы А.Д.Кастальский; пианисты — Ф.М.Блуменфельд, С.Е.Фейнберг, Г.Г.Нейгауз, Е.А.Бекман-Щербина; скрипачи — Л.М.Цейтлин, А.И.Ямпольский, А.Я.Могилевский; виолончелисты А.А.Брандуков, С.М.Козолупов; дирижер симфонического оркестра — К.К.Сараджев; тромбонист В.М.Блажевич и другие.

После Октябрьской революции идёт становление советской системы музыкального образования. Зарубежные музыканты знакомятся с опытом музыкальной школы Советской России. Расширяются культурные связи Московской консерватории с музыкальным миром. Этому способствовали успешные выступления российских музыкантов на международных конкурсах. В 1927 году впервые на международном конкурсе им. Ф.Шопена приняли участие советские музыканты. Лауреатом первой премии этого конкурса стал Лев Николаевич Оборин (1907–1974), будущий профессор МГК, воспитавший многих замечательных пианистов.

Великая Отечественная война для МГК стала временем тяжёлых испытаний. Многие музыканты консерватории выступали в составе концертных бригад как в тылу, так и на фронтах. Среди них — С.Рихтер, М.Юдина, Э.Гилельс, Д.Ойстрах, квартет им. Бетховена и многие другие. Двести человек ушли из консерваторского коллектива в Народное ополчение и шестьдесят восемь из них отдали свои жизни за Родину.

В послевоенные годы администрация консерватории сумела обеспечить непрерывность учебного и творческого процесса. К этому времени выросли новые педагогические и творческие силы, сформировались новые творческие коллективы, получившие большую известность. Это время блистательных побед музыкантов консерватории на международных конкурсах.

Из поколения в поколение педагоги Московской консерватории передавали студентам благородные традиции её первых профессоров — П.И.Чайковского, Н.Г.Рубинштейна, С.И.Танеева, а также и выдающихся музыкантов-исполнителей — К.Н.Игумнова, Г.Г.Нейгауза, А.Б.Гольденвейзера, С.Я.Фейнберга.

Учиться в Московской консерватории — это самая заветная мечта всех молодых музыкантов не только нашей страны, но и представителей зарубежных стран. Московская консерватория стала крупнейшим образовательным центром, где оттачивают своё высочайшее музыкальное мастерство музыканты многих стран мира, представители многих народов. Также Московская консерватория является центром научной музыкальной мысли и научно-методических исследований по вопросам воспитания исполнителей, композиторов, педагогов и музыкально-общественных деятелей.

В обучении как российских, так и зарубежных студентов принимали активное участие не только педагоги по специальности, но также и по другим музыкально-теоретическим, историческим, философским и эстетическим предметам и дисциплинам в соответствии с учебным планом. Но для обучения зарубежных студентов разрабатывались специальные программы, и эти планы постоянно модернизируются.

После Великой Отечественной войны отдельные представители зарубежных стран обучались в Московской консерватории, но более планомерно обучение иностранных студентов начинается в 70-х годах XX века. Конечно, мы можем вспомнить и отдельные примеры обучавшихся и стажировавшихся зарубежных музыкантов в МГК и в 1960-е годы.

Мне хотелось бы поделиться своими личными воспоминаниями о зарубежных студентах и стажерах в годы моей учебы в Московской консерватории. Мне посчастливилось поступить в 1964 году и закончить Московскую консерваторию в составе сотого выпуска в 1969-м. Сразу после окончания МГК я работаю в разных подразделениях консерватории (сначала в Научно-музыкальной библиотеке им. С.И.Танеева, затем в отделе международных связей МГК и затем преподавателем, доцентом и профессором кафедры истории зарубежной музыки). Ещё в годы учёбы я помогала зарубежным студентам по гармонии и другим теоретическим дисциплинам, используя знание английского языка. В связи с этим лично знала многих зарубежных студентов и стажёров.

Педагогическую деятельность я начала на кафедре истории зарубежной музыки, и уже в 1972–1973 годах преподавала двухгодичный курс истории зарубежной музыки для иностранных студентов, имея небольшой опыт преподавания истории зарубежной музыки российским студентам духового отделения оркестрового факультета и вокального факультета.

Но прежде чем говорить о работе со студентами иностранного факультета, мне хотелось бы вспомнить опыт общения с зарубежными студентами в годы моей учебы в МГК в 1964–1969. Так, я хорошо помню среди зарубежных студентов пианиста из Бразилии Артура Морейра Лима, который был учеником Р.Керера в 1963–1968 годы. В архиве Московской консерватории сохранились документы о его поступлении, с интересной пометкой — принять без предоставления места проживания в общежитии и стипендии, но также и без оплаты за обучение. Артур Морейра Лима уже в тот период был концертирующим пианистом, познакомился на гастролях с Р. Керером и вот на таких необычных условиях прошел пятилетний курс обучения в МГК.

Среди других иностранных стажёров я помню композитора Рафаэля Элисондо из Мексики, который стажировался у К. Баташова в 1966–1967 годах.

В архиве консерватории я нашла информацию о стажировке американского пианиста Нила Ларраби, который был последним учеником С.Г.Нейгауза.

Я познакомилась с Н.Ларраби позже, во время моей работы в международном отделе МГК, и у нас было организовано несколько проектов с университетом Коннектикута, в котором работал Нил Ларраби. Он выступал с различными концертными программами в Москве, Петербурге и других городах России.

Ещё одним интересным стажёром из США был пианист и музыковед Мэлкам Браун, который по гранту фонда программе IREX в 1969-1970 годах стажировался у Б.М.Ярустовского по советской музыке и творче-

ству Прокофьева. В дальнейшем он активно разрабатывал тему творчества Прокофьева в американском музыковедении, переводил труды Асафьева и часто выступал на конференциях в России. Я познакомилась с ним в 1982 году, так как помогала зарубежным стажёрам организовать их научную работу, посещение архивов Москвы и Петербурга. Далее мы продолжали творческие контакты с профессором М.Брауном и университетом штата Индиана. В результате был осуществлён грандиозный проект — обмен оперными спектаклями между оперой университета штата Индианы (г. Блумингтон) и Московской консерваторией.

В 1988 году состоялась обменная программа двух учебных музыкальных заведений СССР и США. В программе была опера «Плач Клитемнестры» Джона Итона (1937–2016, в четвертитоновой технике) и опера «Франческа да Римини» С. Рахманинова. Обе оперы были исполнены в Большом зале Московской консерватории и в музыкальном театре университета Индиана г. Блумингтоне.

Вместе со мной на одном курсе училась виолончелистка Элизабет Вилсон (Великобритания), ученица М.Ростроповича в 1965–1970 годах. Лиза постоянно выступала с советскими студентами и музыкальными коллективами. В дальнейшем Лиза постоянно исполняла русскую музыку старинных и современных российских композиторов как у себя в Англии, так и за рубежом, часто выступая и в России.

В Московской консерватории учился аргентинский пианист и композитор Мигель Анхель Шебба, ученик В.А.Натансона по фортепиано и А.Хачатуряна по композиции.

Во время его учёбы я не была знакома с ним, но встретила с ним в Аргентине в университете г. Сан-Хуан, где преподавала историко-теоретические дисциплины в течение летнего семестра 1998 года. На одном из концертов в концертном зале университета г. Сан-Хуан я услышала исполнение симфонии Мигеля Анхеля Шеббы и была очень удивлена тем, что в ней прозвучал коллаж темы гимна Советского Союза. Я спросила у друзей, почему он знает тему гимна СССР, и они ответили, что он учился в Московской консерватории, жил в России и говорит по-русски. Именно на этом концерте я и познакомилась с ним. Это была очень интересная встреча, и мы с ним многое вспоминали из жизни консерватории. Несколько лет спустя Шебба приезжал в Московскую консерваторию и выступил в концерте памяти В.А.Натансона. Дочь В.А.Натансона, Елена Владимировна, была очень рада встрече с бывшим учеником её отца.

Вот таковы мои личные воспоминания о встречах с зарубежными студентами и стажёрами в МГК, когда ещё не было официального факультета иностранных студентов. Для меня это был великолепный опыт общения с представителями других стран и знакомства с культурами тех стран, которые представляли эти посланцы.

Планомерное и систематическое обучение иностранных студентов начинается в 70-х годах XX века. Фактически я начала работать с группами иностранных студентов в период становления иностранного факультета

МГК, когда уже собирались иностранные студенты по разным специальностям в отдельную группу по всем предметам. В обучении зарубежных музыкантов принимали участие профессора по всем исполнительским специальностям, а также по музыкально-теоретическим предметам, что было основной традицией Московской консерватории с первых лет её существования.

Но самое главное, сначала зарубежным студентам предстояло освоить русский язык, на котором велось всё обучение в МГК. Поэтому на первом этапе, часто на подготовительном курсе, в интенсивной форме преподавался русский язык и специальность, и уже с первого курса все дисциплины изучались на русском языке. Важную роль в обучении зарубежных студентов играли преподаватели русского языка. Кафедра русского языка разработала специальные методики преподавания русского языка для иностранцев, и часто студенты из других вузов приходят учить русский язык в консерваторию.

Педагоги русского языка всегда были в контакте с преподавателями исторических и теоретических дисциплин. Они с удовольствием готовили для иностранцев тексты, связанные с тематикой курсов истории музыки, истории России и других предметов. Конечно, изучение русского языка зависело от многих факторов. Но в основном студенты иностранного факультета хорошо осваивали русский язык, используя и опыт общения с русскими студентами в общежитии. Преимущественно, большинство иностранных студентов хорошо говорили и читали по-русски. Некоторые зарубежные студенты после окончания МГК сохраняют знание русского языка, пишут открытки и письма и говорят на нём с друзьями и педагогами из России, а некоторые ещё и могут выполнять функции переводчиков.

Так, мои зарубежные студенты-пианисты Хамса Аль Вади (Сирия — Иран) и Карлос Хурис (Эквадор), отлично овладели русским языком и после окончания консерваторского пятилетнего курса обучения и аспирантуры уехали работать в Финляндию. Там они часто работали как переводчики наших известных музыкантов И.Безродного, Дм.Башкирова и других.

* * *

Моя педагогическая карьера началась в 1970-е годы на кафедре истории зарубежной музыки Московской государственной консерватории. Сначала я работала со студентами подготовительного отделения, но уже с 1973 года мне предложили работать с группой студентов иностранного факультета. С 1973 года мне уже предложили преподавать историю зарубежной музыки студентам иностранцам. Это был мой первый опыт преподавания иностранцам. Первые группы студентов-иностранцев, с которыми я работала в 1973-1978 годах, были сформированы из студентов европейских социалистических стран (ГДР, ВНР, ЧССР, СФРЮ) а также из Сирии, стран Латинской Америки и Азии.

Важно отметить, что кроме проблем в музыкально-образовательном процессе, были и необычные задачи воспитательные и чисто психологические, и даже социально-бытовые, о которых студенты рассказывали своим педагогам. Студентам-иностранцам 1 курса было по 17–18 лет (а иногда и меньше), и они жили и учились вдали от дома и семьи, по которым они очень скучали.

По рассказам моих студентов Хамсы Аль Вади (Сирия), Мелинды Шольц (ВНР), Карлоса Хуриса (Эквадор) и других, им было очень одиноко быть вдали от дома и семьи в праздник Рождества. Многие педагоги, в том числе и я, приглашали их в день праздников в гости, и они были очень довольны тем, что смогли побывать в Рождество вместе с группой в семьях педагогов.

В работе с иностранными студентами мы вместе с преподавателями разных кафедр и особенно кафедры русского языка, сотрудников иностранного деканата организовывали экскурсии и путешествовали вместе с ними по историческим местам России, были на тематических экскурсиях по Москве, посещали богатейшие художественные музеи Москвы — Музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина, Третьяковскую галерею и другие памятники культуры.

Здесь мне хотелось бы вспомнить в мою бытность студенткой первого курса консерватории великолепные экскурсии по Москве и Подмоскovie, которые проводила каждую субботу профессор историко-теоретического факультета Московской консерватории Инна Алексеевна Барсова. А по пятницам вечером проводились увлекательные лекции профессора Юрия Александровича Фортунатова по истории оркестровых стилей. Мы хотели передать нашу традицию иностранным студентам. Большинству из них эти традиции пришлись по душе, и они надолго сохранили любовь к нашей культуре к традициям консерваторцев.

Я до сего времени помню каждого студента моей первой группы иностранцев, которая проходила обучение в МГК в 1973–1978 годах.

Постепенно группы иностранных студентов увеличивались. Географическая палитра стран обучающихся иностранных студентов также расширялась.

В последней трети XX века на обучении было много студентов из дружественных стран социалистического лагеря.

В Московскую консерваторию приезжало много музыкантов разных специальностей из Латинской Америки, но больше всего было хоровых дирижеров. В странах Латинской Америки пользуется очень большой популярностью хоровое исполнительство.

Студенты иностранного факультета МГК участвовали во всевозможных экскурсиях по городам Золотого кольца, посещали там музеи, также удавалось организовать поездки и в другие города России. Большую помощь в организации экскурсий и походов в музеи постоянно оказывала И.Б.Фёдорова, которая долгое время работала в иностранном деканате,

хорошо знала студентов, внимательно относилась к их проблемам и задачам в период их пребывания в Советском Союзе и позднее в России. Некоторые из студентов поддерживали контакты с преподавателями консерватории, деканатом и приезжали на семинары и/или выступления в концертах.

Необычной была история поступления и учёбы в МГК скрипачки, студентки из Франции Татьяны Афанасьевой (класс проф. М.С.Глезаровой). Татьяна родилась в семье русских эмигрантов во Франции. Приехав учиться в МГК, она не говорила по-русски. На уроках по теоретическим предметам и истории зарубежной музыки она немного стыдилась того, что не знает русского языка. Осваивать материалы по истории музыки ей помогал профессор нашей кафедры Г.В.Крауклис, свободно владевший несколькими иностранными языками, в том числе и французским. Постепенно Татьяна хорошо выучила русский язык и с огромной любовью знакомилась с культурой родины ее родителей, а мы помогали ей в этом. После окончания МГК Татьяна, как и некоторые другие иностранные студенты, приезжала в Россию и посещала МГК, слушала концерты, встречалась с преподавателями и друзьями. Важно отметить, что большинство студентов, обучавшихся в МГК, с гордостью продолжают традиции русской исполнительской культуры (школы) в своих странах. Они благоговейно относились ко всем преподавателям, и особенно по специальности, и продолжали общаться с ними. Некоторые из иностранных выпускников участвовали в международных конкурсах и были удостоены лауреатских наград и призов. Конечно, многие из них участвовали в концертах Московской консерватории и юбилейных фестивалях.

С 1990-х годов произошли изменения в обучении иностранных студентов. В Советском Союзе многие студенты учились на безвозмездной основе. После 1990 года студенты должны были оплачивать свое обучение в МГК.

Изменилась и структура организации групп иностранных учащихся. Группы стали формироваться по принципу специальностей студентов. Были группы пианистов, струнников, композиторов и т.д.

Но также были и группы студентов разных специальностей. Так, в 1995–1996 учебном году у меня была группа студентов-иностранцев — пианистов 2-го курса из 12 человек (2 — из Вьетнама, 3 — из Южной Кореи и 7 — из Греции, Финляндии, Латинской Америки, Франции). Но несмотря на то, что по специальности все были пианистами, подготовка студентов была различной. В целом, успехи студентов были хорошими. Девять студентов имели отлично, и трое — удовлетворительно.

Иностранные студенты также занимались и в ассистентуре, стажирясь по разным исполнительским специальностям. Эти стажировки давали возможность совершенствовать исполнительское мастерство музыкантов. В консерватории имеется и небольшая группа иностранцев, защитивших кандидатские диссертации на русском языке.

**Филипп Фиссен
(Россия, Санкт-Петербург)**

Дизайнер одежды, продюсер Monte-Carlo Fashion Forum (Монако), организатор конкурса молодых дизайнеров в области джинсовой модной одежды Jeansation (Монако), коллумнист журнала «DC magazine»

Родился в Ленинграде в 1968 году. Будучи студентом ЛГИ им. Плеханова, организовал кооператив «Эксперимент» в 1987 году, став одним из первых участников фэшн-индустрии в нашей стране. В 90-е учился и работал в Европе и Африке. Позднее открыл собственную студию, участник Санкт-Петербургской Международной Недели Моды «Дефиле на Неве». Художник по костюмам для кино и театральных постановок. Более 10 лет является автором в городских изданиях, освещающих моду. В 2009 году основал в Петербурге сеть модных комиссионных бутиков «Селебрити». В настоящее время — организатор Итальянской школы кино и телевидения в Санкт-Петербурге Cinemaestro.

Ой, май вэй!

(текст, преисполненный снобизма, апломба, самообмана и прочих атрибутов светского городского персонажа эпохи нефтяного благополучия с саморазоблачениями, разнузданным синтаксисом и пожеланиями «доброго дня»)

Трудно противиться судьбе. Древние греки, ещё молодыми и бодрыми заслужившие себе экспертный статус тем, что все свои наблюдения облекали в художественную форму, в которой отливали элементы нашей цивилизации, переходя ко всё более сложному ордеру, применили первый НЛП — когда сюжет их драмы, изобилующий героями, богами и второстепенными персонажами, заходил в тупик, они включали из всех радиоточек хор Судьбы, который мигом умирал волю всех участников и заставлял их вместе со зрителями покориться неизбежному Фатуму.

Так же поступил и я, приняв на себя возложенное судьбой — стал обозревателем моды и дизайна в «глянце» 2000-х. Не буду вспоминать, как судьба поступила в конце концов с самим «глянцем». Отмечу только, что «глянец» слишком сильно перегнулся через перила, осматривая Провал и вглядываясь в бездну, не пережив тот момент, когда уставшая от эха и окурков бездна взглянула-таки в ответ. Короче, шёл я простой и понятной дорогой дизайнера по широкому простору эпохи дефицита и повстречал Судьбу. Она бывает особенно убедительна, когда ты сворачиваешь в тёмную подворотню непрофильной деятельности, а там она. Да, закурить найдётся.

Навыки обозревателя пришлось формировать спешно, отвечая на запросы времени. Перво-наперво, нужно избрать верный тон. Posh accent, обязательный для всех «кокни», входящих в высшее общество: специально про-

работанные движения челюстью, оставляющие прочие лицевые мышцы монументально неподвижными. Голос от этого становится проникновенно низким и немного smoky, речь малость невнятной, располагающей собеседника чувствовать себя глуховатым и ничтожным. Такой акцент ставят себе простолюдины, получившие Орден Британской империи: Бекхэм и Джагер, Кевин Спейси и Спайс Гёлз... У нас же им в совершенстве овладели актрисы телесериалов, опасаящиеся нападения мимических морщин и мнемонических считалок, в которые они превращают такой манерой любовно написанные для них старательными сценаристами-многостаночниками лирические диалоги бывших доярок, обративших свои внутренние сокровища в «золотой миллиард».

Немало поломав природную живость, этим умением я овладел. И принялся с восторгом громить и вытаптывать всходы отечественного дизайна на нашей скудной почве. Ростки, однако, пробивались и пробивались, давая мне множество поводов зубоскалить и занимать всё больше места в специализированной печати. Впрочем, до самых вершин я не дошел — в «большую четвёрку» меня не пригласили, но пишущему пасквили даже вольготнее находиться в тени Большого брата с офисами в Нью-Йорке и Париже — можно позволять себе выкрики с места, которые не получают увесистого ответа с сиятельных высот. В конце концов, отличие колумниста от журналиста состоит в том, что журналист пишет о явлениях и событиях, а колумнист — только о себе, используя искривления окружающего мира лишь для того, чтобы оттенить собственное величие. Профессионализмом в этом деле становится умение не ограничиваться вялым заявлением «бра мне не нра», но и выявить предполагаемые изъяны «бры» и обойти стороной объективные достоинства. «Бра» или любой рассматриваемый объект, таким образом, становится не самодостаточным, а как бы взвешивается на весах тщеславия автора. Тщеславие, разумеется, перевешивает.

Всё было бы довольно гладко, если бы не приходилось время от времени лицом к лицу встречаться с обозреваемыми. Посещения света для критика действительности обязательны, а в этой действительности силы могут иметь совсем другой расклад, чем на развороте журнала. Однако Судьба была на моей стороне — я умело балансировал на грани остроты своего слова.

Возвращаясь к амфитеатрам и Мойрам: стал я замечать, что, откликнувшись на зов судьбы, увлекшись критикой чужого творчества, стал я отдаляться от своего, кое кормило меня щедро, и очень прилично одевало окружающих. Но на счастье, по законам жанра, возник вдруг за моим плечом помощник — некий Сосий — так в греческой драме именовался двойник героя, более удачливый и насмешливый, который оберегал героя от поспешных и ошибочных поступков. Он — мой личный критик — возможно, и останавливал моё колющее перо в миллиметре от того, чтобы стать порочащим, возвращая меня к человекообразному состоянию. Ещё немного, и из блистательного колумниста и обозревателя я мог бы обратиться в презренного блогера, исчисляющего собственную ценность калькуляцией подписчиков и «лайков».

Здесь непременно нужно сделать ремарку и немедленно пресечь любую жалкую попытку блогера — этого разнорабочего информационных фабрик — приблизиться к высокому положению колумниста. Не стоит даже сравнивать примитивный эксгибиционизм замарашки-блогера, пусть и миллионника, со вдохновенной эгоцентрической космогонией колумниста, вольготно расположенной на изумительном блеске бумаги, оснащённой дизайнерским «лэйаутом» и сопровождаемой гулкой суетой корректоров и метранпажей. Разве может блогер так блистательно выдавать собственную неуживчивость за несовершенство мира, который, наконец, обретает свою естественную функцию — окружать фигуру колумниста? Никакие репосты не могут сравниться с чарующими всхлипываниями секретарши главреда и других бессмысленных девиц — бойких и раскрасневшихся стажёрок, изнемогающих от попыток всунуть авторский текст как в тему номера, так и в объём печатного издания. Блогер лишь вползает в происходящее, непрошенный, бочком, надеясь найти себе позицию. Колумнист же прямо с ложа, на котором он царственно возлегает в удобно устроенном отпечатке собственной значимости, возводит личные проблемы на центральное место в системе актуальных вопросов современности. Его, по сути, не интересует движение планет — только собственные ощущения. И именно они служат вердиктом, вынесенным дискретности мироздания.

Этого кафкианского превращения я счастливо избежал. Устоял на краю искушения, а в художники не вернулся — обратного хода мне не открылось.

К чему весь этот многословный и разоблачительный пафос?

Когда я слышу, что художника обидеть может каждый, я пытаюсь справедливо заметить, что далеко не каждый — всё-таки надо иметь к этому тот дар-проклятие, вечный зуд, который перерабатывает тонны пассивной агрессии в кусачий рой строчек.

И второе, что кажется мне моим личным открытием, хотя, скорее всего, таковым не является: художника не может обидеть никто. Потому что тот, кто решился на самостоятельное художественное высказывание, идёт по пути наименьшего сопротивления, слушает только свой внутренний голос и руководствуется только своим представлением о правоте, а стилям и направлениям стремятся соответствовать только эпигоны. Таким образом, художник — творец — взмывает над равниной, где проживают те, кто на этот шаг не способен, будь он даже дьявольски саблезуб и хтонически язвителен.

Так в лабиринтах, по которым провели меня то ли слепая Судьба, то ли прозорливое Провидение, окончательно затерялся безудержный глянецевый критик, а на свет вышел...

(Далее следуют чванливые самовосхваления, которые при первом знакомстве с читателем я продолжу невидимыми чернилами.)

Коллекции Филиппа Фиссена

Нескучно о серьёзном. Филипп Фиссен

нескучно о серьёзном. Филипп Фиссен

Нескучно о серьёзном. Филипп Фиссен

нескучно о серьёзном. Филипп Фиссен

Евдокия Позднякова
(Россия, Москва)

Журналист, исследователь, культуролог, художник.

Записки древлехранителя

Разворачивание бумажек: разговор с вещами; монахиня Анатолия, Августина и Софья Шахонская.

Пинцетик, скальпель, тарелка с дистиллированной водой. Скрученная трубочка, расклейся! На иконную доску набита облезлая зелёная фольга, никто не знает, откуда эта доска и что под фольгой. Под фольгу подложены скрученные бумажки: всё это похоже на слоёный пирог и на доисторический клад впридачу. Клей разбухает в воде, бумажки разворачиваются и звучат разными голосами в несколько партий одновременно.

Первая пожелтелая бумажка разворачивается легко, как газета. Это и есть оторванная часть газетного листа в четыре полосы. Что может быть лучше газеты! Газета — это цифры, газета — это даты:

«3063. И въ 5-хъ. Вдовы Коллежскаго Ассесора Маріи Григорьевны, дочерей ея Ольги и Екатерины и сына Михаила Петровичей Демонтовичей и вообще всех до кого дело относится, что Главное Выкупное Учреждение, при С.-Петербуржской Сохранной Казне, по рассмотреніи предоставленной ему выкупной сделки поименованныхъ помещиковъ, съ временно-обязанными крестьянами Остерского уезда, селенія Смолина, всего в числе 23 душъ, означенную сделку признало правильною и причитающуюся крестьянамъ подъ выкупаемую землю ссуду 721 руб. 37 коп., разрешило срокомъ с 1 Ноября 1863 г. Изъ числа этой суммы удержано долга Черниговскому Приказу Общественнаго Призрения 721 р. 37 к.

От Воронежскаго Губернскаго по крестьянскимъ деламъ Присутствія объявляется:

3064. Во 1-х. Что между женою Надворнаго Советника Надеждою Федосеевой Могилянскою и временно-обязаннымъ Г. Могилянскою крестьянами хутора Григорьевки Богучарскаго уезда, состоялась сделка о выкупе этими крестьянами поземельнаго надела.»

Мало интересного: купли-продажи земли, в разных губерниях, множество каких-то крестьян приобрело землю, и теперь эти сделки заверены и объявлены. А что тогда у нас происходило... а вот что: в 1861 году было отменено крепостное право, и все эти крестьяне бросились покупать землю. Теперь ясно, что развернут кусок не простой газеты, а эпохальной газетищи времён Императора Александра II.

Вторая скрученная бумажка. Через несколько развернутых трубочек и подушечек из бумаги без текстов, выпадает лист тонкой бумаги, разлинованный водяными знаками. Это страничка письма, написанного элегантно

почерком: прописные буквы раза в 3-4 выше строчных, буква «д» совершает воздушный завиток, буква «к» свешивает свой фонарик, а каждая последняя буква каждого слова вспархивает вверх.

«...лице Матушки Кириinei настоящего Ангела Небеснаго. Глядя на нихъ невольню перенесся мыслью въ давно прошедшее время, где такъ часто случалось встречать Великихъ подвижниковъ и трудниковъ и поблагодарить Бога что Онъ привелъ видетъ, и въ жизни пожить, с такими людьми, а не однихъ книгахъ только читать.

Вотъ Ваша истина чистая и безъ прикрасъ объ нашей жизни. Теперь позвольте Васъ поблагодарить за то, что Вы пишете что такъ жалеете, спаси Васъ Господи за доброе слово, но мы такъ мало у васъ пожили и кажется ничего не заслужили и того, чтобы насъ пожалеть. Пустые были люди и ни на что не годныя.

Извините меня что такъ расписалась и сама не заметила какъ такъ много нацарапала. Серафима Вамъ свидетельствуетъ свое почтение. Ежели не побоитесь то не оставьте насъ своими письмами всегда очень рада читать о Васъ известия, только я куда-то засовала адресъ который Вы мне дали и не могла найти, хотелось давно Вамъ написать и вотъ и причина моего молчанія.

*Прося Вашихъ Святыхъ молитвъ
Остаюсь много-грешная
Инокія Августина».*

Хорошим и мирным веет от этого письма. Давайте подумаем об Августине... В святцах такого женского имени нету, может ли быть, что это католическое имя? А может инокинь называли именами святых мужчин, как например Сергия или Иоанна? И правильно ли прочиталось «Кириinea», бывают ли такие имена?

Третий листок — полинялый счёт. Чем он хорош? Фиолетовыми пятнами от чернильной бумаги, которая подкладывалась под него, где-то в природе обитает его копировальный брат-близнец.

В левомверху картуше написано: ЗАВЕДЕНИЕ ОЛОВЯННЫХЪ КАПСЕЛЕЙ И ТОНКАГО ОЛОВА. В симметричном справа картуше — место локации: НА НЕМЕЦКОМ РЫНКЕ блись Гаврикова переулка въ д. Куп. Арженикова В МОСКВЕ.

По центру счёта наверху написано, каждая буква в виньеточных завитках: СЧЕТЪ. Кому выставлен этот счёт — написано от руки: Господину Шыстоперову, и стоит год: 1865. А от кого — напечатано: отъ Ивана Филиппова ЗОЛОТАРЕВА, за проданный и отпущенный Вамъ товаръ. А что куплено не понятно, слово похоже на две буквы «ли» с четверкой: ли4, зато сумма совпадает. Итак, 23 августа 1865 года, в Москве на Немецком Рынке, в заведении, торгующем оловом, господин Шыстоперов у Ивана Филипповича Золотарёва, получил лич Белой №1 по 5 руб. количество 200 на сумму 10 руб., лич Белой № 2 по 3 руб. 50 коп. количество

200 на сумму 7 руб., и лич Разной по 5 руб. количество 100 на сумму 5 руб., Итого 22 руб.

Что такое капсулы и личи? Одно ясно, в Москве шла торговля, а датировка украшения иконной доски уточняется 1865-м годом.

Четвёртым листком развернулся совершенно пустой лист, свернутый пополам и в четыре продольно, и затем закрученный, с рукописной надписью коричневыми чернилами в правом нижнем уголке в две строки:

*«Гаврилу Михайлову
Господину Круглову».*

Вряд ли это дворянин, если б это был дворянин, то отчество бы не было похоже на фамилию, он был бы тогда Гаврилой Михайловичем Кругловымъ.

Пятая бумажка кривой диагональю состыковалась с шестой, и предстали чернильными трудами правописания старинного школьника в разлинованном карандашом развороте тетрадки:

*«Пространняя и богатая об=
ласти России, лежащая за Ураль=
скими горами, известны подъ
общимъ именемъ Сибири,
или Азіатской...
Математика.*

Хорошо 2 (нрзб.)».

*«... на, и бросиль ее вверхъ, курт...
комъ прорубиль оную на воз...
духе. — Бойся Бога по...
...уважай началь...
Служ... верою и правдою.*

Довольно хорошо 4 (нрзб.)».

*« Отъ ученыхъ трудовъ
люди не стареются .
Богъ...*

Очень... 18 (нрзб.)».

*«Великій Петръ оставиль по себъ на...
мятники неизгладимые в сердцахъ благо...
дарныхъ Россиянъ.*

*Городъ Санктпетербургъ, основанъ
в 1703 ... Петромъ Великимъ, ле...
... впаденіи реки Невы
въ Финский заливъ, составляющий...*

Есть (нрзб.)».

Только о хорошемъ. Ученические буквы пребольшие, комментарии учителя мелким почерком подписаны внизу. Ножницами выхваченные куски не позволяют прочесть всех стараний, потом недостающие куски находятся: кружки под панагией, а прямоугольник под Евангелием.

Седьмое послание размокает в воде и не хочет расклеиваться. Хороший, старинный клей сливает имя адресата с другой стороной страницы. Тетрадный разворот письма собирается из фрагментов:

«Почтеннейшая и многоуважаемая матушка Анатолия. Поздравляю васъ, мою родную, с новымъ годомъ и прошедшимъ праздникомъ. Желая Вамъ всехъ благъ отъ Господа и здоровья, простите меня, я все такъ давно не писала и не благодарила васъ за память объ насъ. Деньги ваши руб. получила.

Но в самое горькое для меня время, в октябре, в конце оного, я похоронила двухъ сестеръ Серафиму и Варвару, которые в две недели обе умерли въ сильную грозу.

Должна была ездить <...> и такъ же простудилась и занемогла той же болезнью, т. е. горячкою, и так была слаба, что не могла пера взять в руки, а въ декабре было у насъ освящение 22-го теплой церкви и владыко самъ освящалъ, и хлопотъ было много.

А 28-го сего месяца и меня грешную постригли, и только что вышли изъ церкви въ Ч... (нрзб.) какъ севодни получили ваше письмо и потому спешу к вамъ писать что темъ успокоить васъ.

А я думала что вы знаете что мое назначено пострижение потому что писала к матушке Антонию в начале декабря, просила ее себе благословения, но такъ не (нрзб.) что не получили (нрзб.) прощенья и благословения. И теперъ прошу Вас, матушка Анатолия, помолитесь обо мне грешной и всехъ матушкахъ.

Прошу помолиться обо мне в вашихъ святыхъ молитвахъ, Господь поможетъ мне нести все тяжести монашеского жития и претерпеть скорбь и тесноту, Господь меня сподобилъ принять ангельскій образъ, недостойной чего я совсемъ. Не ожидала, но наши матушки давно сего желали с приезде моего, но не (нрзб.) самъ владыко мне предложилъ и благословилъ. Видно такъ <...> угодно исправить <...>. Отъ меня м. Михаиле и А... и матушкам, что меня любят, помолиться обо мне. Остаюсь, преданная Вамъ

Грешная монахиня Мелитина.

У матушки Антонию прошу благословения и святыхъ молитв и матушки Инокентии (нрзб.)».

«Михаилу Николаевичу прошу передать мое почтение и всему Его семейству».

Почерк не такой изысканный, как в другом письме, беглый, писалось второпях, почти нет знаков препинания. Твёрдые знаки на концах слов превращены в росчерки, буква «е» пишется как «я»; «и» выглядит как «а», предлоги сливаются со словами, а слово «севодни» ласкает глаз как кремень.

Конверта в сокровищнице нет, поэтому нет адресов, очевидно, что переписка ведётся между двух женских монастырей. Матушки Анатолия, Антония и Инокентия обитают там, где украшают фольгой иконы, а в

другом неизвестном монастыре живет Мелитина с сёстрами. И монахи-ни именуются мужскими именами.

Восьмой, девятый и десятый листочки, в разной степени сохранности — развернутые бумажки чайных упаковок. Вот они размочены, раскручены, расклеены и просушены-проглажены. Две одинаковые обложечки четвертьфунтового чаю:

«ЧЕТВЕРТЬ ФУНТА ЧАЮ.

ПОЛУТОРНЫЙ ФАМИЛЬНЫЙ.

ЦЕНА 35 КОПЕЕКЪ.

ТОРГОВАГО ДОМА ВАСИЛИЯ ПЕРЛОВА

С СЫНОВЬЯМИ:

Семеномъ и Сергеемъ

ВЪ МОСКВЕ».

«ПРОДАЖА В МОСКВЕ:

Оптовый амбаръ, в стар. Гостин. дворе, на Варварке, № 74.

МАГАЗИНЫ:

Въ 1-й Мещанской, близъ Сухаревой башни, в соб. доме.

На Варварке, противъ Гостиного двора, в д. Спиридонова.

На Солянке, въ зданіи обществ. Соляного двора.

На Немецком рынке, въ доме Афанасьева.

На Таганском рынке, въ доме Кукина.

У старых Триумфальных воротъ, въ доме Хомякова.

На Калужском рынке, въ доме Вознесенского.

На Арбате, въ д. Лазарика, при гастрономическом мак. Мора.

У Никитских ворот , в доме Бубновыхъ.

У Петровскихъ воротъ, в д. Петровскаго монастыря.

На Смоленском рынке, въ доме Лепешкина.

На Кузнецком мосту, въ д. Комарова, при магазине Мора.»

«ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЕ

На Садовой, противъ Гостиного двора, въ д. Ильина.

На Владімирской, бл. Невскаго Проспекта, въ д. Лихачева.

На Офицерской улице, близъ Вознесенскаго проспекта,

въ доме № 6 Фребеліуса, при маг. Перелли.

Въ ХАРЬКОВЕ: На Николаевской площ., въ д. Германа.

Въ ЯРМАРКАХЪ: ВЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ, МАКАРЬЕВСКОЙ,

въ большой овощной линии, № 28 и 29.

Въ РОСТОВСКОЙ, въ овощной линии, № 7, 8, 9 и 10.

Крещенской, и Успенск., Покровск. и Троицк. въ Харькове.

Ильинской в Полтаве, Крестовоздвиженс. въ Королевце,

Масленичной в Ромнахъ».

Упаковка полуфунтового в два раза больше четвертьфунтового, виньетки побольше, и сорт, и цена другие:

«ПОЛФУНТА ЧАЮ.

ПОЛУТОРНЫЙ КРАСНЕНЬКИЙ ЛУЧШИЙ.

ЦЕНА 90 КОП. СЕР .
 ТОРГОВАГО ДОМА ВАСИЛИЯ ПЕРЛОВА
 С СЫНОВЬЯМИ:

Семеномъ и Сергеемъ
 ВЪ МОСКВЕ», торговля там же.

Чай красненький, а бумажки белые, как если бы их на принтере печатали.

Карандашная, второпях, надпись одиннадцатого листка возвращает нас в монастырь, в упор говорит о матушке Анатолии, и сомневаться не надо о том, кто украсила фольгой иконную доску:

«Почтенная матушка Анатолия!

Прошу Васъ, будьте так добры потрудиться, закажите мне башмаки или полсапожки, не вы сами, ужъ благословите послать 1 руб. сер<ебромъ> если не достанет пришлю посли».

Двенадцатая скрученная бумажка при развороте оказывается письмом хорошей сохранности:

«21 октября 1868 года.

Любезная матушка Анатолия.

Желаю Вамъ добраго здоровья и душевнаго спасения. Прошу Васъ въ день Ангела дочери моей Александры Григорьевны отслужить молебень Мученице Александре и Преподобной Дорофее 6 ноября . Она посылаетъ деньги и проситъ Васъ передать 25 руб. матушке игуменье на трапезу, 5 руб. Вамъ самимъ, 3 руб. матушке Зосиме, 3 руб. матушке Любви, 3 руб. раздайте беднымъ, 3 руб. на молебень, свечи и на части о здоровіи Николая, Александры, и младенца Димитрия.

И ещё когда представиться случай, отслужите молебень о ея здравіи в скиту на который она еще посылаетъ 1 руб.

В надежде, что Вы все исполните по моей просьбе, прошу Ваших святых молитв. А. Елисеева».

Почерк и манера изложения выдают характер решительный и деятельный, ясный, а к матушкам неизвестного монастыря Анатолии, Антонии и Иннокентии, добавляются матушки Зосима и Любовь.

Тринадцатая скруточка: на согнутой вверху надвое бумаге написаны две записочки к одному адресату:

«Почтеннейший Николай Николаевичъ!

Поздравляю Васъ съ именинами (нрзб.) прошу Васъ Милостивый Государь отъ меня поздравить матушку Анатолею со днемъ ея Ангела и пожелать ей быть здоровой, съ совершеннымъ уважениемъ имею честь оставаться покорнымъ слугою

А. Ларионовъ».

Другая, другим почерком:

«Почтеннейший Николай Николаевичъ!

Поконейше прошу Васъ передать (нрзб.) матушке Анатолии (нрзб.), чемъ много всехъ насъ обяжете. Душевно желаемъ вамъ и все-

му семейству вашему благодати Всевышняго, с душевнымъ уваженіемъ всегда пребуду к вамъ готовая къ услугамъ Ек. Ларионова».

Узнаем ли мы когда-нибудь, кто эти Ларионовы?

Четырнадцатый листок с квадратным вырезом, отчего он похож на букву «Г» — разлинованная на три столбца страница школьной тетради по математике. Число задач-Содержание задач-Решения.

«10. Изобразить кратное отношение между 4 <целыми и> $7/8$ и $7/18$. $418=32+3=35:8 \times 16=560$.

$$8 \times 16 = 126 \times 3 \times b = 36 \times 16 \times b = 128 \times 560 : 36 = 10 : 1 = 10.$$

11. Ртуть тяжелее воды <в> 13,584, а железо <в> 7,8 раза. Определить отношение весовъ сравнительно ртути и железа в целыхъ числахъ. $13,584 : 4,300 = 366 : 325 = 1$ <целая и> $241/395$.

12. Найти разницу...

$$13. 8 \text{ <целая и> } 9/15 : 0,75 = \dots$$

14. Определить...

$$15. X : 5 \text{ <целых и> } 1/8 = \dots$$

16. Неизвестное <число> относится точно такъ 213 куб как 1 золотник относится к пуду. Найти неизвестное число. $90 \times 60 = 3840 \times X - 213 = 1 - 3840 \times 214 : 3840 = 214/3840 = 41/1280$ ».

Бумага твердая, плотная, не рыхла и не сгнила, тетрадь разлинована делово, ученик с таким навыком нигде не пропадет.

Пятнадцатый лист представляет собой сердцевину закруточки, на которую был наварчен полфунта чаю и ещё один разрезанный листок. Итак:

«М. С. О. Н. Г. I. X. С. Б. Н. П. Н. Аминь .

Достопочтеннейшая Матушка Анатолия!

Очень и очень удивило насъ Ваше письмо! Что это за новость Вы намъ пишете объ насъ? Мы съ Серафимой до сихъ поръ никакъ не можемъ придумать, кто бы могъ на насъ такъ славно наврать. Намъ не только здесь трудно приходится жить, — но мы не знаемъ какъ Бога благодарить за Его къ намъ милосердіе, не стоимъ мы такой жизни, а заслужить за любовь Матушки Игуменьи и Матушки Казначей никогда не съ умеемъ. Одинъ Господь воздастъ имъ за насъ, как в здешней жизни, такъ и в будущей жизни, намъ остается только за нихъ Богу молиться.

Вотъ годъ какъ мы перешли в здешнюю Обитель и не только какого обидного слова отъ нихъ не слышали, даже косога взгляда не видали.

На счетъ же того, что оставили гробъ Мамаши, то что же делать? — Не так живи какъ хочется, а так живи, какъ Богъ велить. — Да и при томъ въ последний день ея жизни, она и сама намъ сказала, что ежели намъ будетъ трудно жить въ Сретенскомъ монастыре, то чтобы мы не останавливались бы на этой мысли, что она тутъ похоронена, что она насъ нисколько не связываетъ тутъ постоянно жить, что ведь на кладбище же лежат покойники и одни. — А папашу ничто не обязыва-

еть то, что жить в Кашине, ныне, завтра он всегда воленъ куда ему захочется ехать и жить где ему заблагоразсудится, значить и въ этомъ мы не погрешимъ передъ Богомъ. Менять же монастырь нам и в голову не приходило, ведь мы не сороки такъ никакъ и место на место, и Богъ накажетъ, что не будемъ ценить Его къ намъ милосердие.

Во время всего нашего пребывания у Васъ мы ничего не сумели заслужить, какъ разве только одного презрения со стороны М. Игуменьи, которое она старалась распространить и въ сестрахъ Монастырскихъ в отношении насъ, что ясно выразилось в последней нашей поездке в Кашин, когда она запретила даже къ намъ подходить какъ будто къ какимъ преступницамъ, и это длилось публично на весь городъ, тогда какъ съ нашей стороны оскорбительного ничего не было сделано противъ нее, — то согласитесь, что такие поступки не поступки Игуменьи, которая своимъ должна служить примеромъ и быть какъ светильникъ для всехъ, — но этому поступку трудно найти названия. — Где же обеты данные при постриге? — Съ чемъ предстанетъ предъ Господомъ в страшный тотъ день когда все сердца откроются, когда все будутъ равныя, чтобы тогда не услышать и намъ страшный Тотъ гласъ что не все глаголящие Господи, Господи войдутъ въ Царствіе Небесное, но только творящія волю Отца Небесного, а Онъ заповедовалъ намъ любить и враговъ, благословлять ихъ и молиться за нихъ. Христось съ ней и Вашей матушкой, слава Богу, что Господь ея избавилъ такихъ людей, къ которымъ даже подойти страшно, чтобы не заразиться отъ нихъ какъ отъ чумы, — слава Богу, что и насъ привелъ въ эту мирную Обитель, где мы въ лице нашей добрейшей Матушки Игуменьи нашли другую родную мать, которую Онъ отъ насъ взялъ, и также въ лице Матушки Казначей настоящаго Ангела Небеснаго. Глядя на нихъ невольно перенесся мыслью въ давно прошедшее время, где такъ часто случалось встречать Великихъ подвижниковъ и труженниковъ и поблагодарить Бога что Онъ привелъ видеть, и въ жизни пожить, с такими людьми, а не однихъ книгахъ только читать.

Вотъ Вамъ истина чистая и безъ прикрасъ объ нашей жизни. Теперь позвольте Васъ поблагодарить за то, что Вы пишете что насъ жалеете, спаси Васъ Господи за доброе слово, но мы такъ мало у васъ пожили и кажется ничего не заслужили и того, чтобы насъ пожалели. Пустые были люди и ни на что не годныя.

Извините меня что такъ расписалась и сама не заметила какъ такъ много нацарапала. Серафима Вамъ свидетельствуетъ свое почтение. Ежели не побоитесь то не оставьте насъ своими письмами мы всегда очень рады читать о Васъ известия, только я куда-то засовала адрес который Вы мне дали и не могла найти, хотелось давно Вамъ написать но вотъ и причина моего молчанія.

Проя Вашихъ Святыхъ молитвъ
Остаюсь много-грешная
Инокія Августина».

Если бы это читал Фрейд, он, несомненно бы, заметил, что в письме решается вопрос личных границ, и решается блестяще. И задумался бы: кто, кто эта Августина? почему она безбоязненно проходит за ворота того, что не может терпеть? и идёт туда, что считает для себя пригодным? и остается верным тому, что не разрушает её?

Из письма видно, что Августина была в некоем Сретенском монастыре, скорее всего вместе со своей сестрой, когда их мать умерла, игуменья того монастыря невзлюбила их, и они перешли в другой монастырь, название которого будет упомянуто в последнем письме. Есть ещё одно письмо мелким почерком Августины, это шестнадцатый лист.

«М. С. О. Н. Г. I. X. С. Б. Н. П. Н. Аминь.

Многоуважаемая матушка Анатолия, право не знаю съ чего уже и начать, кругомъ противъ Васъ виновата за мое долгое молчаніе, но не подумайте, что бы это было отъ моего забвенія, — нетъ, но мне Вамъ хотелось написать уже более основательно, то есть, когда уже хорошенько всмотрюсь въ новую нашу жизнь, и потому такъ долго ничего не писала. Теперь позвольте Васъ поздравить съ наступившемъ Великимъ Постомъ, который желаю Вамъ провести въ душевномъ спокойствіи и радостно встретить Святой Праздникъ. Посылаю Вамъ давно обещанную карточку, долго очень собиралась поехать въ городъ сниматься, и теперь только оне готовы. Какую перемену во мне найдете.

Про себя Вамъ скажу, что остается только благодарить Всевышнего Творца за Его къ намъ грешнымъ милости. Намъ здесь такъ хороши, какъ точно въ раю, доброта матушки Игуменьи также и Матушки Казначей и внимание ихъ къ намъ выше всехъ словъ, оне доходятъ до последней бездельцы, и какъ истинныя и родныя матери. Что мы очень и очень чувствуемъ. Тутъ я както занемогла, простудилась, такъ оне обе ко мне пришли меня проведовать, а Матушка Казначей такъ даже сама мне лекарства составляла. Ну право сотой доли ихъ вниманія и любви не стоишь.

Сестры же монастырскіе, глядя на прекрасные примеры Начальницы также въ свою очередь необыкновенно ласковы и предупредительны. Спаси всехъ Господи.

Келіи теперь у насъ пребольшия, занимаешь одинаковое помещение как и Матушка, церковь тут же, так что простыя дни только надо пройти теплый коридор и прямо на хоры, и это для меня большая находка, такъ какъ я долго почти не умею ходить.

Однако довольно, я думаю Васъ совсемъ утомила своимъ длиннымъ письмомъ.

Серафима Вамъ низко кланяется и поздравляет также съ постомъ, и обе просимъ Вашихъ Святыхъ молитвъ и не совсемъ изглаживать изъ Вашей памяти и Рыбинскихъ жительницъ .

Августина много-грешная».

Незначай и постепенно, история элегантной и сильной духом Августины увлекает. Что же было дальше? Осталось только одно письмо, ещё более интересное, чем прежде, лист семнадцатый и последний:

«М. С. О. Н. Г. I. X. С. Б. Н. П. Н.
 Христось посреде насъ
 Многоуважаемая и достопочтеннейшая
 Матушка Анатолия!

Пользуясь верной оказіей, посылаю Вамъ съ сестрой Августиной образокъ нашего Храма Софии Премудрости Божией и отъ души желаемъ Вамъ всего лучшаго в здешнемъ и будущемъ Свете, мы очень часто съ ней вспоминаемъ Васъ и очень-бы желали ежели бы Вы намъ написали хоть несколько строкъ о себе какъ Вы теперъ поживаете и какъ Ваше здоровіе. Мы Вамъ не писали потому что верно Вамъ Александра Дмитриевна лучше всякаго письма рассказала о насъ какъ мы поживаемъ.

По милости Божией и верно за ваши Св. Молитвы Господь утешаетъ насъ.

Намъ теперъ такъ хорошо, что и высказать не умеемъ. матушка Изуменья и Мать Казначей такъ добры до насъ и внимательны, Спаси ихъ Господи, что иногда даже совестно что мы имъ еще ничего не заслужили за ихъ ласки и разположеніе.

Церковь у насъ очень близко изъ нашей келлы, толь теплымъ коридоромъ пройти, и мне очень хорошо и вообще все порядки мне здесь очень нравятся. Время проводимъ мы между службами или въ рукоделии, или въ чтеніи, или въ гуляніи, в хорошую погоду матушка непре=менно для здоровія приказываетъ проха=живаться. Глядя на Вашу карточку часто думаю что Вы верно совсемъ забыли насъ грешныхъ, никогда не напишете о себе. Прощайте моя добрая Матушка Анатолия, целую Васъ очень и очень крепко и прося Вашихъ Св. Молитв остаюсь

Любящая Вас Всей душой
 грешная

Софья Шахонская.

Августина Вамъ кланяется и проситъ не оставитъ во Св. Молитвахъ Вашихъ, сама Вамъ не пишетъ оттого что теперъ ей некогда, очень занята. Пожалуста передайте поклоны Достопочтеннейшему Батюшке отцу Петру, не знает-ли онъ где Папаша и здоровъ-ли, мы изъ Москвы ни одного письма не получили отъ него, и это очень насъ беспокоитъ, не случилось ли чего. Адресъ Вамъ нашъ известенъ — Въ Рыбинскъ Ярослав. Губер. во Софійский Девичий Монастырь Августине или Софіи Федоровне Шахонской, на которую угодно все равно».

В письмахъ Августины кланяется Серафима. В письмахъ Софьи кланяется Августина. Форма выражения мыслей и почерки Софьи и Августины сходны, может у нихъ были одни и те же учителя? Можно предположить, что Софья и Серафима может быть одним и тем же лицом, получив другое имя в иночестве.

Можно предположить, что они обе: Августина и Софья/Серафима ушли из Сретенского женского («Девичьего») монастыря, находящегося в Кашине, в Софійский Девичий монастырь в Рыбинске. Их мать похо-

ронена в Сретенском монастыре, скорее всего в Кашине. Их отец был в г. Кашине в Тверской области, потом уехал в Москву.

Их адресат, матушка Анатолия, находится в это время в третьем месте, это не Сретенский монастырь. Если бы это был Сретенский монастырь, то Августине не понадобился бы записанный адрес, она бы его помнила наизусть, хотя, с другой стороны, так как Августина иронизирует о своей и Серафимы «зачумленности» для сестер, матушка Анатолия вполне могла находиться в Сретенском монастыре в Кашине.

Кроме того, очень важно, что в листке № 12-ть упоминается о Дорофее: «отслужить молебенъ Мученице Александре и Преподобной Дорофее 6 ноября». В Сретенском монастыре города Кашина была местнотчимая старица Дорофея, на могиле которой совершались исцеления. Если матушку Анатолию просят заказать молебен преподобной Дорофее, имени которой нет в святцах, то наиболее вероятно, что речь идёт о местнотчимой святой Дорофее из Сретенского монастыря; соответственно, можно предположить, что матушка Анатолия находилась в том же Сретенском монастыре города Кашина.

Если обратиться к письму Мелитины, то она называет имена матушек, которые жили в монастыре с Анатолией. Мелитина дважды говорит о просьбе благословения от матушки Антонии, и это благословение (или не благословение) не просто формула речи, а имеет вес; сама Мелитина передает не благословение, а почтение. Можно предположить, что игуменьей монастыря, где жила Анатолия была матушка Антония.

По сведениям, требующим проверки, генеалогического сайта geni.com, можно установить личность Софьи: княжна Софья Федоровна Шахонская, в монашестве Серафима, родилась 24 февраля 1847 года, умерла 11 февраля 1878 года в возрасте 30 лет.

Отец Софьи — князь Федор Алексеевич Шахонской, мать — княгиня Софья Петровна Шахонская. Другие дети князя Фёдора Алексеевича и Софьи Петровны: князь Алексей Фёдорович Шахонской (27 мая 1839 г. — 2 ноября 1894 г.), княжна Варвара Федоровна Шахонская (р. 14 марта 1840 г. — ?), князь Петр Фёдорович Шахонский (30 мая 1843 г. — 18 марта 1846 г.); княжна Екатерина Фёдоровна Шахонская.

По сведениям генеалогического сайта basa.vgdru.com, князь из рода Рюриковичей, Алексей Фёдорович Шахонской р. 27 мая 1839 г. — ум. в 1875 г. Был женат на Елизавете Дмитриевне Кожинной, на нём пресекается род Шехонских (Шахонских). Родители: Фёдор Алексеевич Шехонский, мать — Софья Петровна. Владельцы усадьбы Рылово, Рыловская вол<ость>, Калязинский уезд). Сёстры Алексея Федоровича: Екатерина (род. 2 мая 1838 г.), Варвара (род. 14 марта 1840 г.), Софья (род. 24 февраля 1847 г.).

Так или иначе, об авторе последнего письма Софье Федоровне Шахонской, можно что сказать, это княжна, дочь князя Фёдора Алексеевича Шахонского, владельца усадьбы Рылово близ Калязина; Калязин нахо-

дится примерно в 20-ти километрах от Кашина. Имя княжны Софьи в монашестве — Серафима. Софья с сестрой были в Сретенском монастыре в Кашине, а затем, после смерти матери, в Софийском Девичьем монастыре в Рыбинске. Представляется наиболее вероятным, что Софья стала монахиней не в Кашине, а позже, в Рыбинске.

Об авторе двух других писем, подписанных инокиней Августиной, или Августиной. Мы можем высказать версию, что инокиня Августина — это сестра княжны Софьи Фёдоровны, возможно, что она стала инокиней раньше, чем сестра, в Сретенском монастыре, так как в одном письме Августина упоминается наряду с Софьей, это может указывать на временной зазор.

Довольно сложно сказать, кто из сестёр Софьи, Екатерина или Варвара, были вместе с ней в монастыре. Если судить по датам рождения, то ближе по возрасту к Софье находится Варвара. С Екатериной же у Софьи разница в восемь лет, это большая разница, при которой можно не иметь общих интересов.

Если принять во внимание ту версию, при которой Августина это Варвара, становится очевидным печальный смысл письма монахини Мелитины: «Но в самое горькое для меня время, в октябре, в конце оно, я похоронила двух сестер Серафиму и Варвару, которые в две недели обе умерли въ сильную грозу... и такъ же простудилась и занемогла той же болезнью, т. е. горячкою, и так была слаба, что не могла пера взять в руки». Скорее всего, Мелитина знала сестёр до их пострига в монашество, если свободно называет их монашеским и немонашеским именами. Тем не менее, это только одна из версий, так как в письме говорится об октябре, а не о феврале, так что это речь могла идти о других монахинях того же, или неизвестного, уже третьего, монастыря.

Есть ещё одна версия, без которой картина не была бы полной, что письма были не отправлены и сохранились в архиве девиц Шахонских, а потом, за ненадобностью, были использованы в их рукоделии. Но карандашная записка на серой бумажке с просьбой к матушке Анатолии позаботиться о полусапошках или башмаках не могла бы попасть в тот архив, и эта версия маловероятна.

Пинцет и дистиллированная вода быстро вытаскивают за дверь в путешествие: Существует ли Сретенский монастырь? Есть ли город Кашин? На все вопросы пока ответить невозможно, но на некоторые есть ответы. Города Калязина нет, а Кашин существует, он стоит на холмах, а между ними стремится свои воды река. Сретенского монастыря нет, а площадь от него и остатки строений есть. Часовни на могилы старицы Дорофеи нет, а само захоронение есть: украшено цветами. Найти, где стоял монастырь, можно, если на ул. К. Маркса пройти вглубь между 64-б и 64-в домами. Версия том, что Антония — это игуменья, подтвердилась: «Глубоким почитанием Дорофеи объясняется желание игуменьи Анто-

нии (1814—1875) иметь место вечного упокоения близ <старицы Дорофеи> останков» — стоит мемориальная фанерка.

Всё вокруг пронизано вечерним солнцем, старинные двухэтажные домики белеют фиолетовыми тенями посреди высоких деревьев, чьи верхушки освещены золотом, как картины Фалька, монастыря нет, но воздух хранит, бережёт неприкосновенность и присутствие монастыря; княгиня Софья Петровна благословляет отсюда своих дочерей, давая им полную свободу распорядиться своими жизнями, не оглядываясь на неё. Строга и дистанцирована игуменья Антония, от неё стоит держаться подалеже, а вот матушку Анатолию, наоборот, хочется взять под ручку и поводить по дворику. Иннокентия заваривает особенный московский фамильный чай, а монахини Зосима и Любовь расшивают бисером и фольгой оклад, используя для подложки старательную ученическую тетрадку.

© Художник Елена Любич

Александр Дубровский
(Россия, Москва)

Родился в 1961г в Саратовской области. С детства мечтал об авиации, поэтому закончил МАИ, планировал долго и плодотворно трудиться над конструированием новых авиационных двигателей. К сожалению, жизнь распорядилась иначе, и в настоящее время являюсь владельцем многопрофильной группы компаний. Писать начал в начале нулевых, веду свой блог «Иррациональность правит миром», публикуюсь в ведущих интернет-изданиях России.

Истина или справедливость?

Путь к истине тернист, но логичен. Познать логику пути означает получить ключ к истине. Высшая справедливость в том, чтобы даже простую истину познал только ищущий.

1. Вступление

Когда-то Будда сказал людям: «Я даю вам столько истин, сколько листьев падает с деревьев осенью». Так или иначе, но поначалу пытливый человеческий ум Будде не поверил и с энтузиазмом занялся поиском одной единственной истины.

В процессе поиска пришла догадка: «А может быть, Будда всё-таки был прав? И истин действительно непостижимо много? И чтобы их все найти, не хватит не только одной человеческой жизни, но и жизни всего человечества от начала истории и до её конца? И если это так, тогда какой смысл упираться и ловить журавля в небе?».

Вдоволь насомневавшись, человечество, в лице своих особо пытливых представителей, всё-таки засучило рукава и бросилось в полное загадок осмысление окружающей реальности, а конечному продукту, который стал появляться на выходе, присвоило название «Философия».

Кто там был первым философом, не столь уж важно, гораздо важнее сам поиск «истины» — процесс, его побудительные мотивы — мотивация и те результаты, к которым этот поиск в итоге привёл. Отмечу, что поиск «истины» в философском смысле, которым занимались философы по призванию, шёл параллельно с таким же поиском «правды» в бытовом смысле, которым в повседневной жизни занимались «обычные» люди (или, скажем просто — «не философы» по основному роду деятельности).

Таким образом, можно уверенно констатировать: каждый человек хотя бы изредка занимается философией, а, следовательно, и поиском «истины» или, как я уже отметил, поиском «правды». Зафиксируем выявленное родство понятий «истины» — «правды» и примем это как аксиому с поправкой на уровень исследования: высший философский или бытовой, не отказывая

последнему в способности постижения высшей мудрости. А также заметим: поиск «истины» и поиск «правды» имеют неизбежный выход на такое, не менее важное, понятие, как «справедливость».

2. Философия русского языка, как источник истинного знания

Цепочка рассуждений проста: поиск «истины», «правды» и «справедливости» есть неразрывные процессы, так как последние два понятия объединены общим корнем «прав», а очевидная связь между первыми двумя уже обозначена выше. Однако здесь есть очень существенный нюанс: вышеозначенная неразрывность имеет место быть, в узком смысле — для русскоязычных, в широком — практически для всех славянских народов. В некоторых славянских языках, например, в сербском и болгарском, между «истиной» и «правдой» вообще стоит знак равенства, так как есть только одно слово — «истина». В других, напротив, есть только слово «правда». Но практически во всех славянских языках есть слово «справедливость» с корнем «прав».

Полагаю, что некоторые слова и связи между словами были просто утрачены в процессе ответвления и эволюционного развития языков, зато остались его производные с корнем «прав», в том числе и слово «справедливость». В данной статье, по сути, предлагается объяснение такого явления, как «русская философия», диктующая своё уникальное отношение к истине и справедливости на основе языковых особенностей.

То есть, например, я досконально не знаю, в какой степени слово «правда» заимствовано славянскими языками, но я знаю, что основой слова «справедливость» стала именно «правда», и никак иначе. Таким образом, базой и инструментом для исследования всех философских категорий должна быть, прежде всего, «философия языка» — философское направление, рождённое давно, но во многом не очень признанное. Более того, рождение этого направления связывают ещё со времён таких философов, как Платон и Аристотель, и, до сих пор, самыми известными «философами языка» были и почему-то остаются западные мыслители, как ранние, так и более поздние. Русская же «философия языка», окрещённая когда-то славянофильством, так и осталась на уровне этого уничижительного стремления всё время «доказывать недоказуемое».

Между тем, причина заключается в том, что эти два направления «философии языка» (западное и русское) есть практически не пересекающиеся области исследований, потому что у них разная мотивация, причинно-следственная связь и точка опоры. Для немецкого философа Гегеля язык есть порождение рассудка, продукт логического развития абсолютной идеи, то есть, по преимуществу набор рождённых разумом человека рациональных символов, которые были придуманы и стали использоваться самим же человеком в качестве коммуникации и инструмента познания мира.

Те же славянофилы (назовём их по привычке так), напротив, считали язык порождением не рассудка, а духа, что изначально ставит язык на неизмеримо

более важное место в формировании человека и народа — носителя языка, в противовес западным философам, считающим язык продуктом разума.

Налицо до сих пор неразрешимое противоречие двух направлений, зафиксировавших разные причинно-следственные связи:

- западное: человек — язык — западная философия,
- русское: русский язык — человек — русская философия.

При этом характерно, что спор двух философских концепций «философии языка» наиболее ожесточённо проходил в XIX веке на водоразделе между западниками и славянофилами именно внутри самой России. К сожалению, и те, и другие до сих пор ожесточённо спорят, только вот к «философии языка» этот спор не имеет уже никакого отношения. И если любой образованный российский обыватель, независимо от своих предпочтений, скорее всего и безошибочно, назовёт Аристотеля греческим, а Гегеля немецким философом, то кто такие Фортунатов или Шахматов, вряд ли знает. Зато западников Чаадаева, Герцена, Белинского — это пожалуйста. Фортунатов, размышляя о языке как первопричине, отмечал: «Тот, кто не привык думать об отношении языка к мысли, замечает главным образом лишь внешнее проявление, обнаружение связи, существующей между мышлением и языком: язык представляется средством для выражения наших мыслей» (Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение. Лекции, читаемые в 1897-1898 гг. (Литографированный курс). М., 1899. с. 167.). Здесь слово «представляется» означает поверхностный взгляд, когда явление, сокрытое плотным слоем стереотипов и привычек, имеет строго обратный порядок: мысль без языка бесплодна. И если нет языка, нет и мысли, а есть лишь побудительные животные инстинкты.

3. Ментальность народа — главный источник понимания истины и справедливости. Влияние языка на формирование русской ментальности

Сделаем небольшое отступление, поясняющее на другом конкретном примере выявленную разницу, и параллельно выдвинем гипотезу о том, что ментальность русского народа формируется прежде всего русским языком, в котором изначально заложены коды и образы, «всасываемые с молоком матери» и, тем самым, незаметно закрепляемые на бессознательном уровне. Возьмём, для примера, очень мощное по своей энергетике слово «Род» и рассмотрим слова, образуемые этим корнем: род, родители, родственники, родные, родить, народ, природа, родник, родина (малая) и Родина (большая) и т.д. Таким образом, мы без труда увидим, что русский язык одним корнем объединяет сразу несколько основополагающих понятий, включая внутренний и внешний миры человека:

- семью, включая самых дальних родственников и весь народ, а также всех «себе подобных» (род, родные, родословная, народ, род человеческий);

— окружающие с детства пейзажи, включая их главный символ — русскую берёзку, и всю Землю в целом (плодородие, порода, родник, природа как жизнь на Земле и природа как вся вселенная);

— страну, в которой родился и вырос, и любую территорию Земли (родина, Родина).

Подобной взаимосвязи не обнаруживается в остальных известных и малоизвестных языках, за исключением славянских — родственных русскому, что является фундаментальной основой формирования уникальных ментальных свойств русского человека, рассматривающего весь окружающий его мир, вплоть до далёких звёзд, в качестве своего дома, который нуждается в защите.

Попробуем упорядочить рассуждения и систематизировать наиболее характерные и очевидные критерии, факторы и условия, могущие потенциально или фактически формировать ментальность народа (этноса) и, как следствие, определять отношение к окружающему миру и создавать внутренние социально-этические императивы. В приведённой ниже классификации исключены индивидуальные особенности конкретного человека и его характер, как врождённые, так и приобретённые, и приведены лишь «внешние» факторы и «условия среды», в которых этот человек рождается, формируется и совершает те или иные поступки:

1. География распространения этноса, климат и природная специфика ландшафта. При всей очевидности данного критерия, он не выдерживает критики, так как не даёт конкретного, научно обоснованного ответа на вопрос: почему иногда, при схожести природно-климатических условий, у народов, населяющих разные страны, разная ментальность? Тем не менее, сбрасывать со счетов природно-климатический фактор не стоит, хотя бы по причине его недоказанности.

2. Гаплогруппы, выделенные генетическими исследованиями. Предшественницей геновой теории была расовая теория, так и не получившая завершённости и по пути своего развития часто уходившая в расизм. Действительно, ген — специфический код, оставляющий свой след на протяжении всех последующих поколений. Исследование генов — интересная наука, помогающая понять происхождение тех или иных народов, их распространение и взаимовлияние на перекрёстках истории. Тем не менее, как «Маугли», выросший в волчьей стае, будет всю жизнь способен только рычать и не будет иметь шансов стать полноценным человеком, так и представитель любого этноса, с младенчества оторванный от своих корней, наиболее вероятно превратится в стопроцентного представителя своей новой родины. «Маугли», генетически являющийся человеком, неизбежно приобретёт ментальность зверя. Человек, несущий индивидуальный геновый код другого этноса, впитает менталитет народа, в котором с младенчества будет формироваться его личность.

3. Исторические преобразования, религия, традиции, культура, господствующая идеология, образование. Я сознательно объединил несколько об-

ластей общественного самовыражения в одном пункте, не выделяя из них главной, так как, на мой взгляд, они несомненно взаимосвязаны, оказывают друг на друга взаимовлияние и все вместе составляют сложный конгломерат регуляторов человеческих отношений, формирующий поведенческие, нравственные, этические и другие аспекты этих отношений. Остаётся вопрос: оказывают ли влияние эти сферы человеческих отношений на ментальность народа? Безусловно, оказывают самое непосредственное влияние и практически участвуют в её формировании. Более того, по отношению к ментальности эти сферы отношений первичны. Однако закономерно возникает следующий вопрос: каким образом религия, традиции, культура, идеология, образование, воспитание формируют ментальность, проникая через сознание в бессознательную область, буквально растворяясь в человеке? Посредством чего происходит это проникновение и дальнейшее усвоение и растворение? Ответ единственный — посредством родного языка.

4. Язык как средство общения и коммуникации в обществе. Именно родной язык, являясь первым посредником между явлением и человеком, одновременно является главным инструментом познания мира. От того, как устроена архитектура языка, его логические основы, зависит, кто, в конечном итоге, получится из человека, какова будет его ментальность и коллективный менталитет всего народа — носителя этого языка. Вопрос этот архисложный и требует отдельного научного обоснования, но в первом приближении можно считать данную гипотезу чрезвычайно обоснованной: язык — первопричина формирования ментальности и, следовательно, отношения к миру. Таков закон, диктуемый русским языком.

Таким образом, сам русский язык в качестве социально-этического императива, является «матрицей», в которой изначально «зашиито» вечное родовое русское стремление к спасению мира и понимание справедливости как истины в последней инстанции.

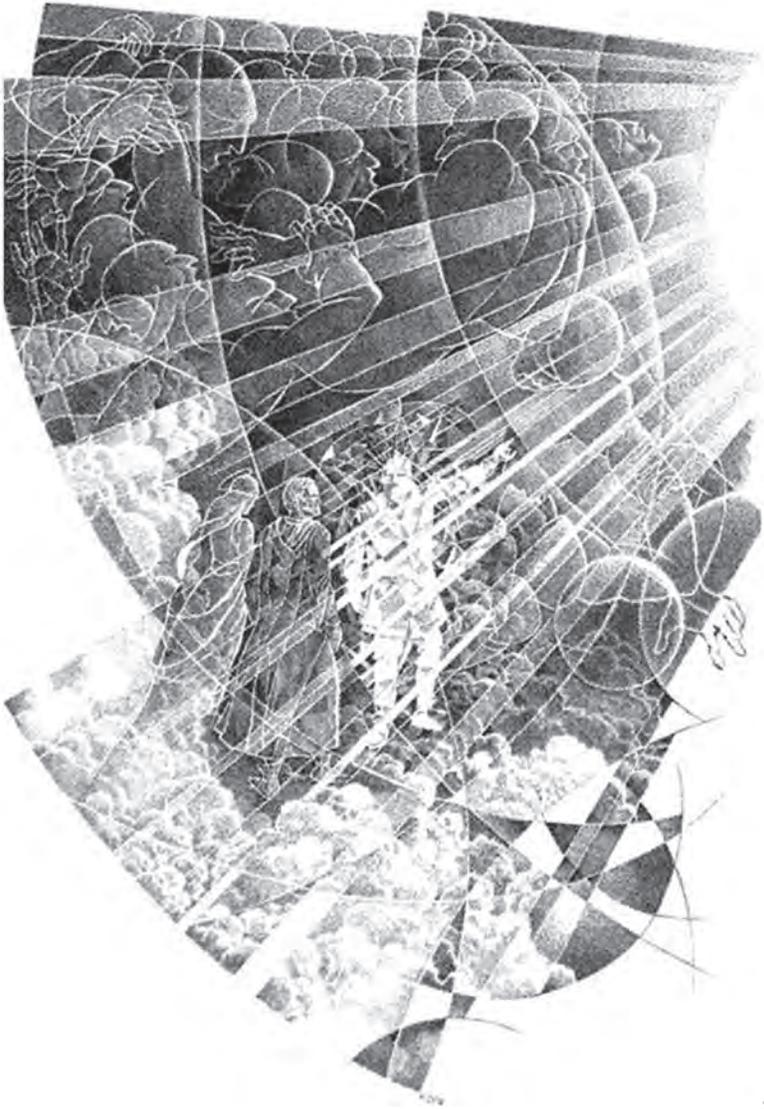
Сказанное вовсе не означает, что русский язык лучше других, а лишь говорит нам о его отличиях и врождённых свойствах, проверенных всей тысячелетней историей России.

4. Заключение

Путь к спасению мира через поиск истины и справедливости диктуется русским языком. Этот путь тернист и опасен, полон ошибок и неожиданностей, но такова уж судьба России — идти, падать, вставать и вновь идти. Тем более, ожидать сегодня от кого-то со стороны, что этот кто-то из известного списка мировых игроков, занятых собственными глобальными проблемами, вдруг всё бросит и начнёт спасать мир, а заодно и Россию, вряд ли приходится.

«Пусть я не достигну ничего, пусть расчёт неверен, пусть лопну и провалюсь, всё равно — я иду. Иду потому, что так хочу» (Ф.М.Достоевский, «Подросток»).

РУССКИЕ ПО МИРУ

© Художник Андрей Карапетян

Наталья Захарьят
(Латвия, Рига)

Журналист. Театральный продюсер. Родилась 17 сентября 1970 года в Риге в семье военного лётчика (полковника Советской Армии, который во времена независимой Латвии был советником Министра обороны независимой Латвии). По окончании средней школы поступила в Латвийский Государственный Университет на отделение журналистики филологического факультета. С шестнадцати лет публиковалась в легендарной латвийской еженедельной газете «Советская молодежь». В 1990 году переехала в Москву и перевелась в Государственный институт театрального искусства (ГИТИС) на театроведческий факультет. Завершить обучение не смогла в связи с распадом СССР и сменой гражданства.

В Москве работала внештатным корреспондентом в газетах «Вечерняя Рига», «МК», «Вечерний клуб» и руководила литературной частью Российского Национального Драматического Театра при театре им. Ермоловой. В 1998 году вернулась в Латвию. Была завлитом Рижского Молодёжного театра и педагогом по истории театра в детском театре-студии «Реверанс». Руководила Рижским Театральным Сообществом Православной Молодёжи при Рижской Духовной семинарии. В разные годы заведовала отделом культуры в крупнейших русскоязычных изданиях («Вечерняя Рига», «МК-Латвия», «Суббота»). Выпускала как редактор православное приложение «Воскресный день» к еженедельной газете «Суббота». Трижды участвовала в Международном фестивале православных СМИ «Вера и Слова» в Москве и Международном кинофестивале военных фильмов «Сталинградская сирень» в Волгограде. Организовала ряд театральных проектов.

В 2015 году открыла в Риге Международный фестиваль дипломных спектаклей театральных вузов Stanislavsky.lv.

STANISLAVSKY.LV. Экскурс в театральное будущее

Однажды в 95-м году, когда я ещё жила в Москве и вместе с подругой — студенткой актёрского факультета ГИТИСа, вела в обычной школе театральную студию, мне приснился умопомрачительный сон. Будто иду я по длинному коридору некоего академического театра, а навстречу мне вышагивает сам Константин Сергеевич Станиславский! Завидев меня издалека, он, словно мой давний близкий друг, стремительно направляется мне навстречу, заключает в объятия и шепчет на ухо, что, мол, дорогая Наташа, всё про тебя знаю, у тебя все получится, я с тобой. В качестве ремарки надо отметить, что дело было накануне очень ответственного выступления нашей детской студии на фестивале «Юные таланты Московии» и, понятное дело, я жутко волновалась.

Сон был таким явным, что после пробуждения я вошла в ступор — это добрый знак свыше или, напротив, пора бежать в аптеку за капель-

ками от переутомления? На смотре юных талантов мы в итоге благополучно провалились, а сон тем не менее оказался пророческим. Почти пророческим.

Через двадцать лет я открыла в Риге Международный фестиваль дипломных спектаклей театральных вузов STANISLAVSKY.LV. Если кратко излагать его суть — это экскурс в театральное будущее России. Потому что те, кто приезжают к нам на фестиваль сегодня — студенты выпускных актёрских курсов из сильнейших российских театральных вузов — завтра в большинстве своём вливаются в труппы ведущих театров Москвы и Санкт-Петербурга и становятся настоящими звёздами российского кино.

Имя выдающегося русского актёра, режиссёра, педагога и теоретика театра в названии фестиваля мы решили использовать как мировой бренд и символ интеграционной направленности проекта, поскольку легендарная «система Станиславского» положена в основу учебных процессов театральных школ во всём мире, а участники нашего фестиваля — прямые наследники его учения. Так Константин Сергеевич Станиславский стал неотъемлемой частью моей жизни. Вот вам и сон в руку.

Начиная с 2015 года, три раза в год (в декабре, марте и мае) в рамках Stanislavsky.lv мы привозим на мини-гастроли в Ригу один актёрский курс из одного конкретного вуза. Обязательно — с двумя дипломными спектаклями, поставленными, как правило, по русской или зарубежной классике, иногда — по современной драматургии и прозе.

Два вечера подряд наши гости играют спектакли на большой сцене Дома Москвы, расположенном в самом центре Риги, а в день приезда и день отъезда знакомятся с городом. Ходят на экскурсии в Рижскую думу, где фотографируются на память с мэром города Нилом Ушаковым и тискают котов Муриса и Кузю, которые живут у нашего градоначальника в кабинете, посещают легендарный Рижский центральный рынок и порой даже устраивают там флешмобы с песнями и танцами, поднимаются на смотровую площадку собора святого Петра, заглядывают в закулисы Рижского русского театра имени Михаила Чехова и проводят творческие встречи со студентами Латвийской академии культуры. Словом, проходят настоящую гастрольную практику. А наши зрители, в свою очередь, по абсолютно демократичным ценам (школьники за 10 евро, взрослые за 12-20 евро) получают возможность знакомства с сильнейшими театральными институтами, которые представляют очень качественные, а порой и просто выдающиеся по уровню учебные спектакли.

Факты и цифры говорят сами за себя. За три года мы провели десять фестивальных сессий. Четыре раза участниками нашего фестиваля становились студенты из Российского института театрального искусства-ГИТИС, дважды — студенты Высшего театрального училища им. Щепкина при Малом театре России, дважды — студенты Школы-студии МХАТ, по одному разу — студенты Театрального института имени Щукина и Института Современного Искусства (ИСИ). На очереди Санкт-

Петербургский университет сценических искусств, ВГИК, снова ГИТИС и далее по кругу.

Идея открытия этого фестиваля витала в моей голове много лет. С тех самых 90-х, когда я, начинающая журналистка, бегала по московским учебным театрам при творческих вузах и делала для себя настоящие открытия — актёрские (Сергей Безруков и Чулпан Хаматова), режиссёрские (мастерская Петра Наумовича Фоменко), драматургические. И сожалела о том, что у нас в Риге зритель не имеет никакого представления о том, что такое дипломные спектакли. Потому что Латвийская академия культуры готовит артистов только на латышском языке, вдобавок практики регулярного показа учебных спектаклей на массовую публику не имеет. Потому, открывая фестиваль, мы долго и занудно разъясняли нашей публике через СМИ и сарафанное радио, что студенческие спектакли не имеют никакого отношения к самодеятельности и любительским постановкам студентов из театральных студий при вузах.

И надо признать, что рижские зрители очень быстро разобрались что к чему, и теперь ждут каждую нашу сессию как праздника. Как говорится — вошли во вкус. Что особо ценно, поскольку современная Рига избалована как российскими театральными антрепризами, так и фестивалем «Золотая маска в Латвии».

Целей у нашего фестиваля множество: расширение рамок культурного досуга рижан, популяризация русского театрального искусства, укрепление культурных связей между творческой молодёжью России и Латвии, духовно-нравственное воспитание молодёжи посредством спектаклей, поставленных со студентами силами настоящих театральных мэтров.

Мэтры, кстати, часто приезжают к нам вместе со своими учениками. Среди почётных гостей у нас побывали ректор ГИТИСа, ведущий российский театральный критик Григорий Заславский, режиссёр и телеведущий, заслуженный деятель искусств России Михаил Борисов, хореограф и режиссер Алла Сигалова, народная артистка России Анна Дубровская, актёр и режиссёр Малого театра Алексей Дубровский, актёр московского театра на Таганке заслуженный артист России Борис Дьяченко, народный артист России Иван Агапов, кинорежиссёр Владимир Хотиненко и патрон нашего фестиваля режиссёр Адольф Шапиро (но о нём чуть позже).

Одно из первых самых ярких воспоминаний связано с народными артистами России Дмитрием Певцовым и Ольгой Дроздовой, которые приезжали к нам на фестиваль со своими студентами из Института Современного Искусства. А сразили они нас своим удивительно трепетным и тёплым отношением и к делу, и к людям.

Всё началось с нашего знакомства с Певцовым, когда в один из приездов в Москву я у кого-то раздобыла его телефон, позвонила, представилась и с ходу предложила привезти на фестиваль его курс. Через час мы уже сидели с Димой в кафе на Чистых прудах и обсуждали детали поезд-

Рижский ТЮЗ гремел на весь Советский Союз, на премьеры к Шапиро приезжали театралы из самых разных городов и стран. Адольф Яковлевич первым в СССР тогда ставил Арбузова, Володина, Сем Беннелли, Бродского, Набокова. Мы, «активисты», смотрели спектакли по двадцать-тридцать раз, наблюдали за процессом их создания, изучали теорию театра, встречались с выдающимися деятелями театра и одновременно, сами того не ведая, получали прививку под названием «высочайший театральный уровень». И за всю свою дальнейшую жизнь более сильных впечатлений, чем в Рижском ТЮЗе, я более не получала. Так же, как и другие мои друзья и подруги по ШТА. С одной из них, преподавателем сопромата в Латвийском техническом университете Светланой Соколовой, мы вновь встретились накануне открытия Stanislavsky.lv. И с тех пор делаем этот фестиваль вместе. Вдвоём, кстати. Как это ни парадоксально.

Рижский ТЮЗ, к слову, в 1992 году ликвидировали под предлогом передачи здания баптистской общине, что базировалась там до прихода советской власти. Признанный во всём мире режиссёр Адольф Шапиро, возглавлявший театр 25 лет, уехал в Москву. И в Ригу более не приезжал. Точнее приезжал один раз, инкогнито. Чтобы получить высшую государственную награду — Орден Трёх Звёзд. За заслуги перед Отечеством. А Отечество, к слову, все эти годы продолжает жить без театра для детей и подростков. Потому одна из задач нашего фестиваля — заполнить эту брешь, а девиз — «Молодые — молодым!»

Что же касается судьбоносности — Адольф Яковлевич Шапиро стал патроном Stanislavsky.lv. Договор об этом мы подписали по окончании творческой встречи режиссёра с рижским зрителем, которую он согласился провести в рамках нашего фестиваля. И я лично не знаю другого такого режиссёра, которого бы несколько сотен благодарных поклонников, встречали стоя и с аплодисментами спустя два с лишним десятилетия после того, как видели в последний раз его спектакли. Конечно, этот вечер золотыми буквами вписан в историю Stanislavsky.lv.

А ещё наш фестиваль задуман как творческий отчёт студентов из Латвии, которые учатся в творческих вузах России по квотам, полученным от Министерства образования и науки России в рамках программы помощи соотечественникам за рубежом. Парадокс, но на протяжении последних двадцати лет практически в каждом театральном вузе Москвы, Санкт-Петербурга и Ярославля и практически на каждом актёрском курсе учатся студенты из Латвии. Это при вступительном конкурсе от трёхсот до пятисот человек на одно место! И при том, что получение квоты не даёт никаких привилегий в прохождении этого конкурса.

После окончания вуза новоиспеченные артисты домой, как правило, не возвращаются. Потому что столица России как культурная мекка молодёжь затягивает, кино в Латвии снимают крайне редко и с минимальным

бюджетом, а русский театр — Рижский русский театр имени Михаила Чехова — на всю страну один. Вдобавок молодых артистов с латвийскими корнями в России очень ценят. Примеров тому множество — Евгения Крегжде и Виталийс Семеновс стали ведущими молодыми актёрами Вахтанговского театра, Яна Сексте — гордость «Табакерки» и восходящая звезда кино, Агата Муцениеце — популярная киноактриса и телеведущая, Оксана Обухович — молодая прима Александринского театра в Санкт-Петербурге. Многие из них приняли гражданство России, отказавшись от латвийского.

Наш Stanislavsky.lv для российских студентов и выпускников из Латвии стал уникальной возможностью встречи с родным зрителем. Вроде такая местечковая радость, но очень важная.

За три года мы обросли множеством добрых традиций. Самая значимая из них — выступление участников нашего фестиваля на концерте в честь Дня Победы на главной праздничной сцене страны в Парке Победы. Разумеется, 9 мая. Майскую сессию мы специально по срокам подгоняем под этот концерт. Для многих наших гостей участие в этом празднике становится как наркотиком, и они из года в год приезжают к нам на 9 мая со своими новыми программами, уже будучи артистами государственных театров. А для меня лично эта традиция является святым долгом перед моими дедушками-офицерами, прошедшими всю войну и бабушками — узницами Саласпилсского концлагеря.

Сейчас, оглядываясь назад, я до сих пор не могу поверить, что нам удалось поднять эту глыбу под названием фестиваль Stanislavsky.lv. Потому что существует наш фестиваль за счёт полной самоокупаемости. Деньги, полученные за билеты на два спектакля, полностью (и, увы, со скрипом) покрывают расходы, связанные с приездом в Ригу группы из 25-30 человек на четыре дня. Цены на билеты мы принципиально не поднимаем, поскольку в противном случае наш фестиваль станет недоступен тем, ради кого он создан — старшеклассникам, студентам и большинству настоящих театралов, которые живут в Латвии на очень небольшую зарплату.

Для поисков меценатов и спонсоров у нас просто не хватает рук и времени. Знаю, что в России существует огромное количество программ, рассчитанных на поддержку русской культуры за рубежом, на продвижение и популяризацию русского языка и литературы. Я также знаю, что наш фестивальный проект подходит по критериям и концепции под все эти программы. Но пока очень боюсь решиться вступить в борьбу за эти квоты со многими своими коллегами-соотечественниками, которые специально под них и ради них придумывают новые проекты. Тем более, что печальный опыт на этот счёт имеется. Несколько наших писем-прошений остались даже не отвеченными...

Понимаю, что невольно просится вопрос — зачем я занимаюсь делом, которое отнимает всё время и не приносит доходов? Затем, что оно

приносит что-то более ценное и в мою жизнь, и в жизнь моих помощников, и в жизнь наших зрителей — духовную радость. Счастье от встречи с молодым и очень талантливым русским театром. Счастье слышать со сцены красивую русскую речь. Счастье видеть в зрительном зале мальчишек и девчонок, которые открыв рот следят за разворотом событий в пушкинской «Капитанской дочке» и грибоедовском «Горе от ума» или навзрыд рыдают после просмотра «Дневника Анны Франк». В современных латвийских реалиях, когда в русских школах до минимума сведены уроки русского языка и литературы, а в этом году законом принята реформа полного перехода русских школ на латышский язык обучения — это бесценно.

И когда 9 мая я вижу на сцене молодых артистов — участников нашего фестиваля, с неподдельной искренностью и на разрыв аорты читающих военные стихи и поющих военные песни, а многотысячная аудитория в ответ кричит им «Браво!», понимаю, что не зря живу и не зря случился в моей жизни этот фестиваль...

...

Рига. 2018 г.

Альгирдас Микюльскис (Россия, Москва)

Родился 5 ноября 1970 года в шахтёрском посёлке Хальмер-Ю, севернее Воркуты. Первые поэтические опыты начал проводить, будучи студентом Уфимского авиационного университета, закончив который, в 1994 году всерьёз увлёкся тележурналистикой, не бросив при этом стихосложение. Неоднократно публиковался в периодике Башкортостана, был замечен в составе авторов московского литературного альманаха «Конец Эпохи», а также в сетевом поэтическом сообществе.

Женат. Живёт и работает в Москве, периодически выезжая в командировки во множество интересных и иногда опасных мест.

Земля Войны (Фоторепортаж из Сирии)

...Наш самолёт приступил к снижению. Через несколько минут мы совершим посадку в аэропорту имени Рафика Харири...

Ночной Бейрут в иллюминаторе самолёта сверкал, как фейерверк, однако цель моего вояжа лежала к востоку от ливанской столицы — такси до Дамаска уже ожидало меня на привокзальной площади. Около часа езды до границы, неизбежные формальности, и вот она — Сирия, Дар аль Харб, Земля Войны...

*

Доехали без приключений. О том, что тут происходит, напоминал разве что красноватый Марс, всю дорогу висевший в небе над холмами, да блокпосты с вооружёнными бойцами через каждые несколько километров.

*

Дамаск был огромен. Нет, не так! ОГРОМЕН! Древнейшая на планете столица занимала своими огнями, кажется, всю видимую часть Вселенной. Город — дышал и смотрел на меня всеми сорока веками своей истории, шумел ветром в лохматых пальмах, гудел клаксонами... Город — жил. Несмотря на четыре часа утра. Пока непонятной для меня жизнью, но — жил!..

*

Наступивший день обрушился жарой. Гора Касиюн, ночью сверкавшая огнями, как звёздное небо, сейчас, казалось, растворяется в дрожащем воздухе. Время замедлилось, запуталось в тягучем азане муэдзина, повисло на колючках кактуса во дворе дома... Но нужно было идти в Город — знакомиться с ним, пробовать на вкус древние улицы, слушать арабскую речь и вживаться в страну, где мне предстояло провести ближайшие два с половиной месяца.

*

Война не ощущалась. Суета, торговля, степенные мужчины в долгополых рубахах и узнаваемых платках, хипстеры с моднейшими стрижка-

ми, женщины в хиджабах, девушки в мини — Дамаск вмещал всебя всех. И я, поначалу как-то робевший, очень быстро понял: здесь — безопасно. Здесь славянская внешность и русская речь — гарантия дружелюбного отношения и открытости сирийских душ. А от уличных мальчишек то и дело слышалось: «Руси! Привьет! Как деля? Русия — тамам (хорошо)!»

*

Однако нужно было начинать работать, и уже следующим утром меня ждали съёмки в Аль-Маалюле — одном из древнейших в мире православных женских монастырей.

русские по миру. Альгирдас Микульскис

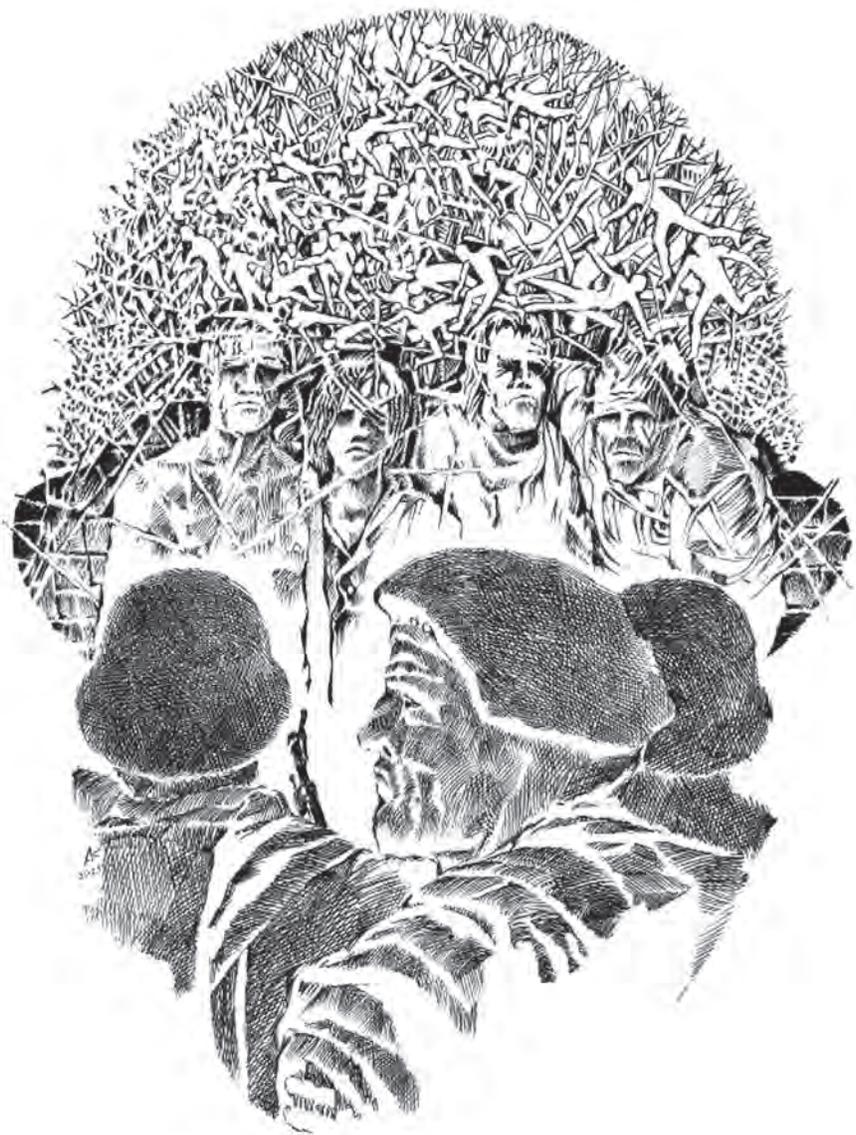

русские по миру. Альгирдас Микульскис

БЕСЕДЫ

© Художник Андрей Карапетян

Наталья Черных
(Россия, Москва)

«Я вернулся к друзьям...»

Песни на стихи Алексея Фатьянова поёт весь мир. В России, да и в Советском Союзе, петь его не переставали никогда.

«Три года ты мне снилась» обворожительно исполнял Джордж Марьянович, пел её Шарль Азнавур, а сегодня поёт Мирей Матье. В репертуаре Карела Готта — много песен нашего знаменитого современника, а всего их — около двухсот.

5 марта 2019 года нашему «базовому», как называют его музыканты, песенному поэту исполнилось бы сто лет. Прожил он всего сорок, в 1959 году его не стало.

«Весна на Заречной улице», «Потому что мы пилоты», «Соловьи» — сменилось несколько поколений, а песни поются вновь и вновь. Мы поём их, часто забывая, кто автор слов и музыки, они настолько вошли в нашу жизнь, что стали «народными». Любимые, мелодичные, яркие, и при этом удивительно простые. Песни, на которые душа отзывается сразу. Сегодня они, без сомнения, составляют золотой запас нашей культуры.

В гостях у программы «АРТ-ДИАЛОГ» Телерадиокомпании «Русский мир» недавно побывала внучка поэта, руководитель Культурного центра им. Фатьянова, **Анна Китина-Фатьянова**.

Н.Ч.: Добрый день, Анна. Уже почти год полным ходом идут праздничные мероприятия, посвящённые столетию вашего деда, в рамках которых состоится большой юбилейный концерт в Кремле 29 марта 2019 года.

И первый вопрос: как вы думаете, почему сегодня так много поётся песен того времени, прочему они так важны и привлекательны?

А.Ф.: Вы знаете, эти песни как будто с нами родились и такое чувство, что они вошли к нам вовнутрь. Как будто мы их почувствовали и сами написали на листке бумаги. А второе — это очень правильный, красивый, достойный русский язык.

Н.Ч.: Я люблю задавать этот вопрос, потому, что сама пою эти песни, и люди, бывающие в этой студии тоже все их поют. Да, они душевные, тёплые, с потрясающей мелодикой языка. А, может быть, просто лучшие никто не написал?

А.Ф.: Ой, наверно, да. Но ведь песня — это как два крыла у птицы — музыка и стихи. Алексей Иванович говорил: «Я как треугольник. С одной стороны я поэт, с другой — я актёр. Третий угол я всё ещё ищу».

Н.Ч.: Абсолютно точно!

А.Ф.: Стихи и музыка в песне, как два крыла, должны соединиться. Один человек мне сказал: «Знаешь, Анна, любое стихотворение Фатьянова можно спеть».

Н.Ч.: *Так это же — гениальная простота. Она — не простоватость. Именно простота. Давайте послушаем, как сам Фатьянов рассказывает историю создания знаменитейшей песни «Соловьи».*

(Звучит голос А.Ф.):

«В большинстве случаев сюжеты песен не выдуманы мной, а увидены в самой жизни. Помню фронт. В большой зелёной роще после боя, мы, солдаты, лежим, отряхиваясь от крупинки засыпавшей нас земли. И вдруг слышим: вслед за растаявшим вдали рокотом вражеских самолётов, во всё горло, утверждая жизнь, защёлкал соловей. И родились строчки: «пришла и к нам на фронт весна...»

Н.Ч.: *Сегодня, готовясь к программе, я послушала много записей знаменитых песен. Большая часть из них — архивные. И это — потрясающий флёр того времени. То, что пела Анна Герман, мне показалось не совсем типичной историей.*

А.Ф.: Знаете, с именем Алексея Ивановича связано много легенд и баек. Он, особенно в начале, получал много критических замечаний по поводу своих песен — и «Тальяночка», и «Соловьи».

Вместе с Василием Павловичем Соловьёвым-Седым они написали около восьмидесяти песен. И это почти всегда было стопроцентное попадание. Как ни странно, абсолютно мужская, военная песня мне больше нравится в исполнении женщины. Анна Герман спела её с такой душой... (звучит голос Анны Герман).

Н.Ч.: *Аня, вы являетесь абсолютным подвижником — проводником творчества вашего деда. Это не красивые слова. Мы знаем много наследников знаменитых, великих людей, которые просто живут и пользуются наследием предков, ничего особенно больше в жизни не делая. Вы же всё своё время посвящаете продвижению песенного творчества деда. Все, кто знаком с вами, хорошо это знают. Когда вы почувствовали эту необходимость осуществлять «связь времён»?*

А.Ф.: Для меня это было сразу. С самой утробы матери. Галина Николаевна Фатьянова, моя бабушка, была локомотивом всего фатьяновского движения. Это именно о ней сказал Лев Ошанин: «Не важно, какая ты жена, важно, какая вдова». Благодаря ей, благодаря Союзу писателей, при поддержке администрации Вязниковского района (г. Вязники — место рождения А.Фатьянова) были созданы «Фатьяновские вечера». После смерти бабушки эту эстафету подхватила моя мама — Алёна Алексеевна. Она ушла очень рано... и уже через год мне пришлось взять всё в свои руки, оставить работу и заниматься только наследием деда. Был создан Культурный центр им. Фатьянова, и все, кто сегодня работают в нём, имеют одну цель — донести культуру русского языка, русских традиций, интересных событий, которые были тогда. Все мы привыкли, что сегодня так много ругают советское время, а ведь там было так много хорошего!

Ведь сегодня весь мир поёт песни Фатьянова, и часто люди понятия не имеют, чьи это песни. Они — народные, воистину.

Н.Ч.: *Недавно пересмотрела «Романтику романса» с песнями А. Фатьянова. Как же современно они звучат сегодня! И как тепло...*

Конечно, все эти песни я знаю, мы все на них выросли, но сегодня звучат они совсем по-другому.

А.Ф.: Мы решили, что должны доносить эту культуру до молодого поколения. И пробовать молодёжь «захватить» в эту тему.

Н.Ч.: *А для этого нужны иные, современные формы.*

А.Ф.: И мы идём в школы, училища, библиотеки. Есть хорошие артисты, певцы, чтецы, которые готовы показать и рассказать детям, кто же такой Алексей Фатьянов.

Н.Ч.: *А кино? Ведь в очень большой степени творчество Фатьянова — это песни к советским фильмам. Культовые песни «Потому, что мы пилоты», «Тишина за Рогожской заставою», «Ромашка моя», «Три года ты мне снилась», «Караваны птиц» и ещё многие-многие написаны к фильмам «Небесный тихоход», «Дом, в котором я живу», «Солдат Иван Бровкин», «Без вести пропавший». У Фатьянова более двухсот песен!*

А.Ф.: И сегодня программа «Любимые песни нашего кино» проходит в разных залах с неизменным успехом.

Н.Ч.: *Город Вязники. Родина Фатьянова. В этом году здесь прошёл уже сорок пятый!!! Праздник песни и поэзии. Расскажите о нём.*

А.Ф.: Замечательный купеческий городок Вязники во Владимирской области несёт традиции фестиваля с 1974 года. Сначала это были вечера, на которых собирались друзья Алексея Ивановича.

Сейчас это большой Праздник поэзии и песни, который проходит три дня. И проходит с участием большого количества профессиональных актёров, поэтов, певцов и исполнителей.

Н.Ч.: *Сколько людей одновременно может попасть на ваш праздник?*

А.Ф.: В прошлом году у нас было семь тысяч человек. Это третья неделя июля — мы приглашаем всех. Ведь в Вязниках создан уникальный «Музей песни XX века» — его обязательно нужно увидеть и попасть на литературный вечер в рамках нашего праздника. И, конечно, посетить «Ярмарку мастеров» — это тоже очень интересно.

Н.Ч.: *Чтобы из года в год проводить такой фестиваль, нужна мощная поддержка — организационная, информационная и финансовая. Кто вам помогает состояться?*

А.Ф.: В очень большой степени — это Администрация Вязниковского района, Управление культуры Вязниковского района и его руководитель — замечательный человек, Татьяна Владимировна Маштакова. Конечно, Владимирская область во главе с губернатором. В этом году переизбрали С.Ю. Орлову, которая много помогала нам. Как сложатся отношения с новым губернатором Владимиром Сипягиным? Очень надеемся, что конструктивно. И, конечно, поддерживает нас Союз писателей России.

Н.Ч.: *Фатьянов при жизни не был особенно обласкан властью?*

А.Ф.: Согласна, не был. Но он был счастливейшим человеком. Прекрасная семья — столько было эмоций светлых, друзей, радости —

всё было как-то правильно... А если б не было всего этого, а были бы сталинские премии, наверно, и жизнь бы сложилась совсем не так.

Н.Ч.: *Ведь только через тридцать шесть лет после ухода он был посмертно награждён орденом «За заслуги перед Отечеством».*

А.Ф.: Никто особенно не знает об этом, но ведь Алексей Иванович прошёл всю войну. Он был артистом театра «Красной Армии». Сейчас это — Театр Российской армии. В 1940 году он был призван в Армию и 41-й год встретил в Орловской мото-стрелковой бригаде. Он дошёл до Венгрии, там был ранен и лечился в Оренбургской области.

Н.Ч.: *Встреча с композитором В.П.Соловьёвым-Седым, безусловно, была для Фатьянова судьбоносной. Вместе они написали почти восемьдесят песен. Расскажите об этом сотрудничестве — ведь песни эти для нескольких поколений стали своими, родными, «народными».*

А.Ф.: Да, около восьмидесяти песен написано вместе, и все они — шедевры. Поэт и композитор здесь слились в единого человека. Они очень любили друг друга. Василий Павлович называл Фатьянова «сыном», а тот его «папой». Про их отношения ходили легенды. А песни писались удивительные — «Давно мы дома не были», «Горит свечи огарочек», «Соловьи», «На солнечной поляночке», «Шла с ученья третья рота», «Разговорчивый минёр» и ещё, и ещё...

Н.Ч.: *Давайте вспомним и знаменитых исполнителей этих песен. Это Леонид Утёсов, Клавдия Ивановна Шульженко, Владимир Трошин, Людмила Гурченко, Майя Кристалинская, Марк Бернес — это цвет нашей песенной культуры. И здорово, когда песни эти родители поют своим детям, и дети на них вырастают.*

А.Ф.: Это как раз мой случай! Мой сын первые слова произнёс как раз из песни своего прадеда: «Потому что мы пилоты!»

Н.Ч.: *О дружбе Фатьянова с Твардовским скажите несколько слов. Время было сложное, я не буду спрашивать, почему Твардовский не печатал его стихи.*

А.Ф.: Это была большая дружба. Они встречались каждый день, их квартиры были рядом. Вот эпизод из их жизни. Звонок в квартиру Фатьяновых в шесть утра. Галина Николаевна Фатьянова просыпается и говорит: «Это или молочница, или Твардовский!»

Они были очень большими друзьями. Но... в 1946 году вышло постановление о фильме «Большая жизнь», где лента признавалась «не правильной, не советской». Фатьянову, Бернесу было тогда очень непросто. Бернеса тогда долго не приглашали выступать, и Фатьянова не печатали.

Н.Ч.: *И все всё понимали. И при этом ценили, любили, дружили. Ведь это Твардовский сказал: «Тебя, Алёша, будут петь всем миром, а меня кто вспомнит?»*

Расскажите немного о дружбе с Борисом Андреевичем Мокроусовым.

А.Ф.: С Борисом Андреевичем они дружили очень давно, познакомились даже раньше, чем с Соловьёвым-Седым. Они пытались что-то написать вместе, но, видно, время не пришло. А в 1951 году театр Сатиры начал

ставить «Свадьбу с приданым», и музыку к нему написать пригласил Мокроусова, а тот — своего друга, поэта А. Фатьянова. Спектакль пользовался громадным успехом, на год вперёд были выкуплены все билеты. Тогда решили снять «театральный фильм». И в 1953 году на Одесской киностудии был сделан фильм с одноименным названием. В главных ролях снялись Вера Васильева и Владимир Ушаков. Знаменитая песня в их исполнении «На крыльчке твоём» облетела всю страну.

Н.Ч.: *Сейчас полным ходом идут праздничные мероприятия, посвящённые столетию А.Фатьянова — концерты, праздники, фестивали. Что является для вас самой важной точкой этого марафона?*

А.Ф.: Конечно, это концерт в Кремле, который пройдёт 29 марта 2019 года при участии замечательных российских исполнителей. Каких — пока это секрет. И, конечно, очень хотелось бы записать и выпустить новый альбом с песнями на стихи Алексея Ивановича. Альбом, где песни эти пели бы известные и совсем молодые исполнители, народные, заслуженные и совсем юные.

Н.Ч.: *Спасибо, Анна! Удачи во всех начинаниях и, конечно же, полных залов!*

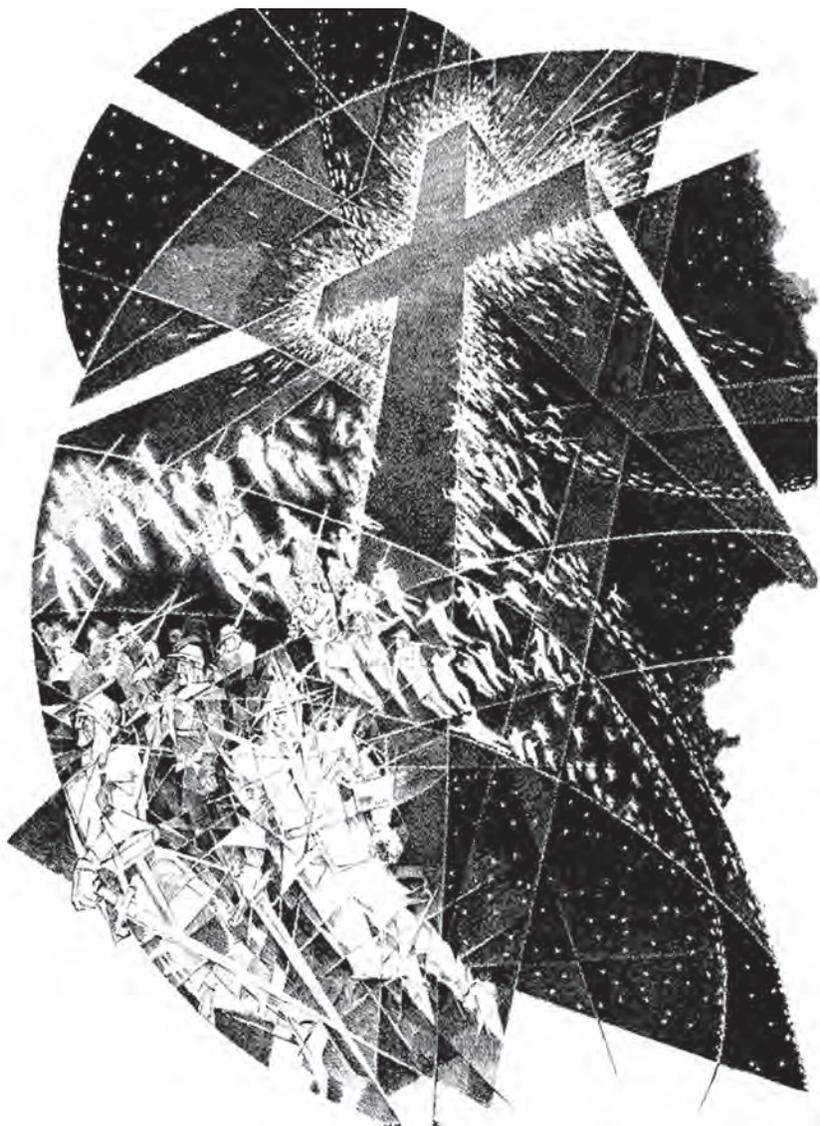
P.S. Сейчас, когда верстается этот номер, я с трепетом держу в руках новый музыкальный альбом с песнями на стихи Алексея Фатьянова «Я вернулся к друзьям...», тот самый, о котором мечтала Анна Фатьянова. Он вышел только что при поддержке фонда «Русский мир».

И, действительно, Фатьянов вернулся к нам. Теперь в новом звучании. Прошло сто лет...

Фото 1952 год: за роялем Борис Андреевич Мокроусов, стоит Алексей Иванович Фатьянов

ПО СЛЕДАМ НЕМЕРКНУЩИХ СОБЫТИЙ

© Художник Андрей Карапетян

Эдуард Тер-Сааков (Армения, Ереван)

Родился в Тбилиси в 1941 г. После окончания школы переехал в Ереван. С 1961 по 1965 годы учился и окончил театральный институт с дипломом актёра. Потом служил в армии. После службы с 1967-го по 2006 годы — работа на телевидении. Начинал с осветителя и закончил главным режиссёром редакции информации.

Помимо телевизионных передач (а их сотни, телеочерки, репортажи и т.д.), снял несколько фильмов: «Фритьоф Хансен — совесть мира», «Ночь в отеле», «Барон», «Светоч из Мадраса» и др.

Проработал 44 года. Был во многих странах, в командировках. Со мной почти всегда был фотоаппарат, поэтому сегодня имею большой фотоархив...

Фото до востребования

В те трагические дни у всех было одно — это БОЛЬШОЕ ГОРЕ, и все слова и действия сравнивались с нулём.

Просто было как-то чуть-чуть легче с появлением Азнавур в зоне бедствия. Конечно, впоследствии Азнавур делал очень многое для восстановления всего разрушенного, но тогда, повторяюсь, у всех на сердце было одно: КАК И ЧЕМ ПОМОЧЬ ОСТАВШИМСЯ В ЖИВЫХ ЛЮДЯМ, как уберечь их ОТ ХОЛОДА, ведь была зима...

Это, кажется, был январь 1989 г.. Кроме трепета и волнения от общения со звездой такой величины, бросало в дрожь от холода в студии, уже были проблемы, мне всё время казалось, что руки посинели, и хотелось их спрятать. Самое сильное впечатление: в нём не было ни грамма «звёздности» и пафоса, очень благодатный, приветливый, мы, естественно, говорили о том, какие у него планы по помощи Армении, а потом был телемост с Москвой.

Январь, 1989 г. Студия телевидения в Ереване. Прямой эфир. Ведущая — Гаянэ Амбарцумян вспоминает:

«Он собирался в Москву, и тогда был смешной эпизод в прямом эфире... он озадачил ведущую в Москве, что по приезде хочет встретиться с Кировым, имея в виду Рыжкова...

Потом я с ним встречалась не раз, так как мой муж и был именно тем человеком, который спустя сорок лет устроил концерты в Москве и Питере, и потом все концерты вплоть до 2013 года, до дня своей внезапной смерти. И именно в этот день он договорился с Кремлевским дворцом о следующем концерте и был счастлив, считая, что это последняя дань Шарлю, который для нашей семьи стал очень родным человеком и песни которого сопровождали всю нашу жизнь...

Много забавных и трогательных моментов было по московским гастролям, так что они затмили ту первую встречу в 1989 г. Помню, что набежало много людей посмотреть на легенду, тогда не было мобильных и единственным снимавшим был Эдуард Тер-Сааков...

На одном из снимков Ваган Карапетян беседует с Азнавуром, просит, чтобы Шарль написал песню об Армении, о трагедии — землетрясении.

На что Азнавур парирует: «Сейчас не время петь, сейчас надо людям помогать, первым делом тепло и еда, на дворе январь...»

Через неделю был создан «Фонд Азнавура», в Армению прибыли грузовые самолёты с медикаментами, тёплой одеждой, продуктами питания...

Ещё через пару недель он написал слова песни «Для тебя, Армения». А музыку к ней создал композитор армянского происхождения, Жорж Гарваренц. Исполняли Роза Армен, Джонни Халлидэй, Робер Оссейн, Патриция Каас, Дидье Маруани, Мирей Матье, Пьер Ришар, Марина Влади — всего около девяноста известных людей.

Песня была внесена в книгу рекордов Гиннеса, так как сразу же заняла первое место во всех хит-парадах в феврале 1989г...»

**

За долгие годы на телевидении, во время съёмок я всегда брал с собой свой «Зенит» или «Зоркий». Сегодня в моём фотоархиве более четырёхсот работ. Столько людей и какие люди...

Мартирос Сарьян, Ваграм Папазян, Фрунзик Мкртчян, Марк Арян, Анагас Микоян, Хоран Абрамян, Вардгес Петросян... И, наконец, Азнавур...

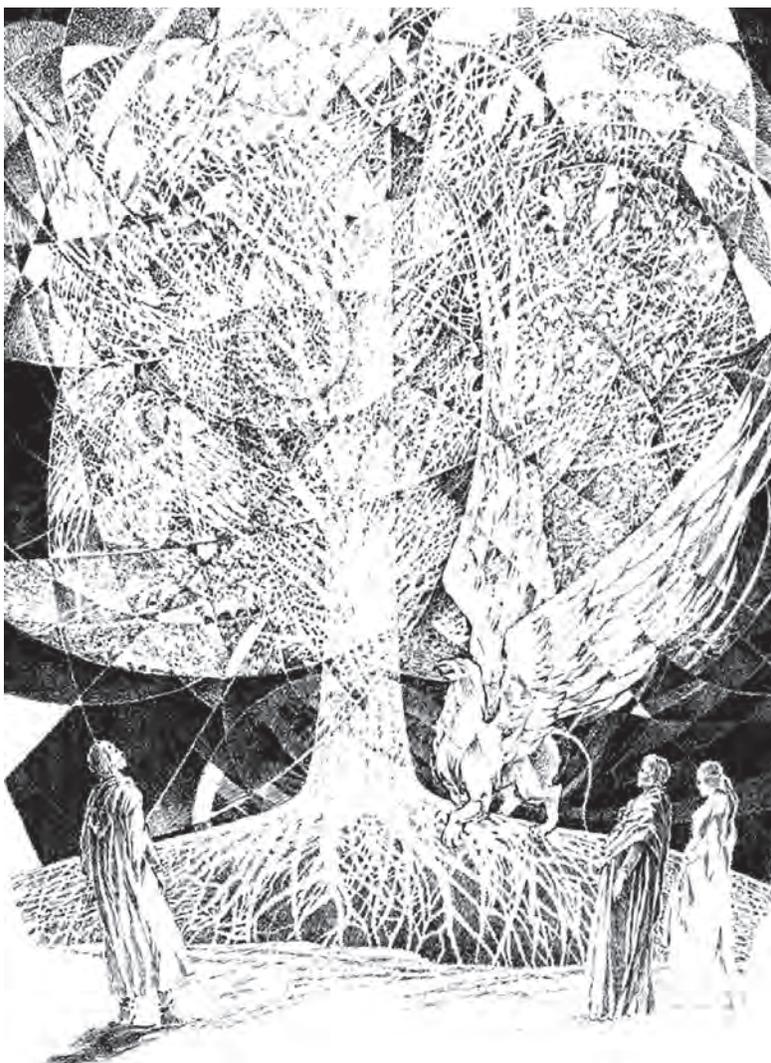
Один из старейших работников армянского телевидения, Араик Манукян, написал как-то в очерке о моей фотографической деятельности: «Благодаря этому человеку мы открываем рубрику «Фото до востребования».

Вот снимки, сделанные мной в те январские дни.

по следам немеркнущих событий. Эдуард Тер-Сааков

ПОЭТИЧЕСКИЙ НЕВОД «ГЛАГОЛА»

© Художник Андрей Карапетян

Произведения лауреатов премии «Глагола» среди участников Ежегодного Кубка мира по русской поэзии 2017 г. на портале Stihi.lv.

Юлия Ловыгина, Челябинск (Россия)

Сумерки

* * *

Остановиться. Выдохнуть. Застыть.
 Не чувствовать, не думать, не искать.
 Забыть пароли, развести мосты.
 Став облаком, в себя впитать закат
 И спрятаться на глубине реки
 Всего лишь фоном для блестящих рыб,
 Смотреть, как разжигают рыбаки
 От ветра задрожавшие костры.
 И даже не пытаться разложить
 По полочкам нахлынувшую грусть.
 На сумерки секунды разделить,
 Считать ракушки и в сетях уснуть.
 Впитать рассвет. Найдись, но промолчать
 О чём-то новом, пойманном на дне.
 И только старый лодочный причал
 Вздохнёт, пообещав присниться мне.

* * *

Перебираю сумерки стихом,
 Нашупываю пальцами ответ.
 Луна, взобравшись на трубу верхом,
 Загадочно мерцает в синеве.
 Вечерний растекается покой
 По улицам желаний и потерь,
 Неспешно из тумана над рекой
 Фигуры возникают в темноте.
 В них каждый видит что-нибудь своё:
 Художник — тень, фанфары — музыкант,
 И кто-то разглядит, как самолёт
 С разбега покоряет облака.
 А я смотрю во мгле на корабли,
 Скользящие бесшумно над водой,
 И высоко кружатся журавли,
 Подбросив мне синицу на ладонь.

* * *

Разбить стихами тишину
 Не удалось.
 Не получается заснуть —
 Все вкривь и вкось.
 Из крана капает вода,
 Долбит висок,
 И так же капает года —
 По дню в песок.
 Воспоминания скользят,
 Сгущают грусть.
 Мир в измерении дождя
 Размыт и пуст.

Владимир Узланер, Саттон-Вест (Канада)

Икона

Я предал всех — и сорваны погоны...
И казни самой злой не избежать.
Я божьей карой вставлен был в икону —
Висеть пока не прорастёт душа.

Вот бабоньки из разных поколений
Поклоны бьют и, жалуясь навздрьд,
Глядят в меня часами на коленях,
Глаза свои печальные раскрыв.

Страдали до экстаза, до икоты,
А я молчал, лишь плакала свеча.
Такая вот работа у иконы:
Терпеть, и никому не отвечать.

Я выпитывал и слёзы, и моления
И, принимая неподъёмный груз,
Мне думалось: из тлена, как из плена,
Навряд ли я когда-нибудь вернусь.

Меня и умоляли, и просили,
И я сквозь наслоения тоски
Почувствовал, как в белой древесине
Души пробились малые ростки.

И вот я вышел из столетней комы,
Лишь порицал вину, не отрицал.
Расколота надвое икона
Навеки отпустила беглеца.

Моя душа наткнулась на лампаду,
Огонь взыграл и... отпустил грехи.
А тихий снег так величаво падал,
Как длань с небес протянутой руки.

Елена Крикливец, Витебск (Беларусь)

Кукушка

Маятник тихо щёлкал:
«Годы считаю, слышишь?»
Ведал его повадки
всякий, кто был крылат...
Эта жила в «хрущёвке».
Пятый. Под самой крышей.
Тайно кормила сладким
маленьких пострелят,

что-то шептала прямо
в рыжие их макушки,
гладила им ушибы,
боль унося в горсти.
От разъяренной мамы
чуяла вслед: «Кукушка!» —
и отойти спешила,
голову опустив.

Дождь, как назло, заквасил —
целые сутки кряду.
В церковь бы надо... свечи
за упокой души...
Сонная тётка в кассе.
Краска. К весне... ограду...
Скроет худые плечи
старенький крепдешин.

Ну за каким ей льдом
вести таскать с погоста?
В щели сочится старость,
студит в ночи кровать.
Выцветшим сирым взглядом
сверлит чужие гнезда...
Сколько самой осталось,
стоит ли куковать?

Сергей Смирнов, Кингисепп (Россия)

Известного сорта русский джентльмен

Он будет в полосочку или в клеточку,
при бабочке, в тройке и башмаках,
вполне вероятно, с известной ленточкой
и с тростью тяжёлой в больших руках.

Он наобещает всего с три короба,
дарами начнёт осыпать меня.
Ещё поглядим — я ведь тоже с норовом —
в коня ли тот корм или не в коня.

Он будет подзуживать с крыши сброситься
и царства земные швырнёт к ногам,
и палец, приставленный к переносице,
на миг превратится в стальной наган.

Он будет канючить, кричать, упрашивать,
трясти договором, дуть на печать,
звать будущим летом на Патриаршие,
поближе к подземным своим печам.

А после, умаявшись, в кресле съёжится
и чаю зелёного отхлебнёт,
пристукнет копытцем, состроит рожицу,
тревожно задремлет в тени тенёт.

Твердят мозгоправы, что это лечится.
Темны их диагнозы в облаках...
Он будет в полосочку или в клеточку
и с тростью тяжёлой в больших руках.

Светлана Ткаченко, Киев (Украина)

Стылое

Ещё вчера служанка при дворе,
А нынче — госпожа во всей округе,
Блондинка крошит в стылом ноябре
Сырые льдинки птицам на поругань.

Корявый студень вместо хрусталя —
На лужах пубертатными прыщами.
Взлетают гуси, небо шевеля,
Галдя, как ложки за плацкартным чаем.

Стучат колёса о зазоры рельс,
И масло льётся тягостно и странно.
Гляжу в окно на неба серый зельц,
И на себя — ни Аннушку, ни Анну.

Слезится морось из туманных касс
Процентами просроченного займа...
Дай, Господи, на осень без прикрас
Смотреть неразлюбившими глазами.

Твои слова, как мёртвому компресс.
И сердце весом в десять тройских унций
Я увожу... Порез... Протез... Проезд.
Дай, Господи, простить и не вернуться.

Александр Боярд, Реканж (Люксембург)
Последняя попытка

Протяни мне руку в тихий омут
Там, вдали от мира и страстей
В ил вращая и впадая в кому,
Чахнет мой последний из чертей

В камере сгоранья, в одиночке,
Где над головою тишь да гладь,
Стрелок двух тюремные заточки
День за век отстукивают вспять

По тебе, судьба крестовой масти —
Чёрт не выдал, ясно и без слов:
Это он однажды угораздил
Чтоб тебя на берег занесло...

Только рвутся надвое дороги
Перепутьем... Из своих глубин
Протяни мне руку — так убогим
Иногда протянется алтын...

В многоточьях точек невозврата
Стань бесёнку моему сродни...
Я — гордец. Меня жалеть не надо.
Ты его — спаси и сохрани...

Лемара, Симферополь (Россия)
Вот

Вот плещется солнце в осколке
разбитого зеркала. Вот
засохшие листики ёлки.
Который уже Новый год? —
не помню. За давностью срока
я даже не помню, что «за..»

Под окнами скачет сорока.
Вот бусы — сорочьи глаза.
Но бусы звучат слишком громко
в такой неживой тишине:
есть бусины, нить.

Незнакомка
из пыльных штрихов на стене.
Хозяйка разбитого дома
теперь она — точно не я;
слепая, немая мадонна,
а рядом — на стенах — семья.

Вот смятые берцами бутсы,
как бусы — одна плюс одна.
На круги своя не вернуться —
разорваны круги.
Война.

Олег Мошников, Петрозаводск (Россия)
Неласковую родину любить

Горицкий монастырь

Радуга в Вологде синей,
 Стен белизна, образа...
 В Горицком храме сухими
 Не остаются глаза.
 В благодати или печали

Люди, склоненные ниц...

Волны реки развенчали

Двух убиенных цариц.

Истово каялся Грозный:

Царь я — не аспид, не кат!..

А безутешные слезы

Принял в себя Волго-Балт.

Весей тесовые крылья,

Кладбища — крест на кресте —

Воды тяжёлые скрыли...

Ноне деревни не те.

Что почиталось во благо,

Махом идёт на распыл...

Бог эту землю оплакал,

Мирром иконы омыл,

Горицам, горлицам чистым

Синий оставил простор...

Под расписным коромыслом —

Полные вёдра озёр.

Грибник

Куда там неразумной птице —

Денечки тёплые ку-ку...

Чего на печке не сидится

В такую пору старику?

Сто лет — в обед... Ан девяносто

Клюкою выбил у судьбы.

Тут до дверей дойти не просто,

А то, поди ж ты — по грибы!

Взял короб, палку, кепку в руку,

Пошёл лесной ерошить пал:

Волнушки резал, брал серуху,

Свернул с тропинки и — пропал...

Хватились — нету! Годы, вёрсты —

Грибным дождём не обмануть...

У деревенского погоста

Собрались деда помянуть:

А нечем!.. Сунулись до дому.

Порывшись в дедовом добре,

Нашли Николину икону

В простом бумажном серебре.

Похож на деда... Не... Моложе...

Куда ж он пенсию девал?

Унёс с собою? Быть не может!

Что? По карманам рассовал?

Бездетный. Вдовый. Но... затейник!

Прижимист. По всему видать,

Должна быть наволочка денег

И орденов — не сосчитать!

С мошною в лес... Оно, конечно...

Ну, чудотворец, учудил!..

Два дня по бурелому леший

Ватагу трезвую водил.

На третий разум помутился

С устатку, думали, убьют!

Нарочно, старый, заблудился,

Чтоб люди мучались тут!

Не взять рубля с тайги осенней,

Заначку выверни — труха...

Решили добрые соседи

Пустить упрямцу петуха.

И занялась избушка вскорее,

Потёк в ночи собачий лай...

На озарённом косогоре

Дед оглянулся Николай:

Виднее будет путь до Неба...

Всё взял? Не выронил чего?

Медаль, кошель, краюха хлеба,

Но прежде, прежде своего

Сложил в платок: войну, разруху,

Нужду, что видел не один...

И ту желанную серуху

В болотном мареве лядин.

Светлана Холодова, Екатеринбург (Россия)

Дар

Весь город в абрикосовой жаре
 застрял внезапно — пленником невольным.
 Вот площадь, словно муха в янтаре,
 по шпиль увязла в звоне колокольном,
 в тягучем сплаве бронзы и тепла,
 что соткано на августовских кроснах.
 И женщин сарафанные тела
 стройны и, как лампы, светоносны.

Свеченье их, волна волос и рук,
 блаженство красоты сиюминутной...
 То ар-нуво цветет, то пряный юг,
 то полыхнет фламенко клоч лоскутный.
 И, чем ненасытимей, тем верней
 мы к сердцу приживляем это время —
 мы, дети нояблей и декаблей,
 с бореями и вьюгами в тотеме.

Как будто жизнь устами этих дней
 являет смысл, даруя всё и сразу,
 и ты со всем, что есть прекрасным в ней,
 незримой пуповиною повязан.

* * *

И не было времён до часа оного...
 И не было... И некому судить.
 В посёлке Н. под Юрия Антонова
 Покойного решили выносить.
 Покойный сам при жизни и по трезвости
 Любил стихи... Но, выпив, невзначай,
 Твердил одно известной неизвестности:
 «Не гово-ри-те мне: "Про-щай"...»

Не говорите праведную, судную,
 Благую ложь про жребии Судьбы...
 В сельповском магазине хлеб с посудой
 В одном углу, где грабли и гробы.
 Где мужикам — без возраста, без отчества —
 Перевалить довольно за полста,
 Уже никто не смотрит на пророчество —
 Заброшенную церковь без креста.

К сему числу и брага уготована:
 Откроют штоф и молча будут пить...
 Под грустную мелодию Антонова
 Неласковую родину любить.

Виктория Качур, Чехов (Россия)

Антрополитология

он и есть этот город, они одно,
видно, карта так разлеглась,
отразить готово любое окно
выражение этих глаз.
он и есть этот город, ему каюк,
сквозняки, не закрыт гештальт,
видишь, кожа его огрубевших рук,
как растрескавшийся асфальт.
он и есть этот город, благословен
или проклят за старый грех?
и рисунок голубеньких бледных вен
повторяет рисунок рек.

Виктория Тимченко, Славянск (Украина)

Ветренное

Гуляет вволю
луна по кровлям.
Пора бесцветья.
 То зябко воеет,
 то гложет кроны
 дворняга-ветер,
 а то — возьми и
 под шарф лохматый —
 холодным носом.
 Бросаешь мысли —
 как по команде,
 назад приносит.
 Ты куришь часто.
 Он лижет пальцы
 и спички тушит.
 Смешное счастье —
 вдвоём скитаться
 на сон грядущий.
 К утру — затишье,
 и ты не в силах
 с цепи сорваться.
 ...Сосед-мальчишка
 терзает жилы
 собачьим вальсом.

Борис Гелерман, Днепр (Украина)

Старая пластинка

медленно и забыто трётся об ось винил
 тянется цепь событий, кто б тебя ни винил
 в памяти сохраните волосы и глаза
 строчками на граните главного не сказать
 поздно нелепо пошло время пошло в разнос
 слов в лучезарном прошлом кто-то не произнёс
 небу вину и маю преданы те лета
 бережно вынимаю карту опять не та
 этим путём нет хода а под уклон петля
 недохрипела кода думалось что медляк
 снова не зарекаясь всё обернулось мглой
 к финишу заикаясь трётся винил иглой
 давит внутри обитель скомканных перемен
 буквами на граните можно стереть кремень
 смятая как простынка близкая просто так
 старая как пластинка топчется пустота

Светлана Носова, Брянск (Россия)

Придорожное кафе

придорожное кафе — пожелтевшая станица,
 перечёркнутая светом проносящихся машин.
 грустно осень-корифей в окна пыльные глядится,
 но старается при этом всё по-своему решить...
 мутный кофе, бутерброд, замусоленная скатерть.
 на плечах официантки — нафталиновая тоска.
 в уголке облезлый кот размурлыкался некстати:
 дали б рыжему сметанки... ну, хотя бы молока...
 наполняюсь пустотой из невидимого зонда.
 мысли сжаты и убоги... да какой здесь аппетит?
 ты осталась за чертой огневого горизонта.
 мне же маяться в дороге двое суток предстоит.
 расставания с тобой так часты и несуразны...
 жизнь исполнена событий, но до боли коротка.
 мы разбросаны судьбой, как разобранные пазлы,
 как оборванные нити слабо свитого клубка...
 ...выдыхаю пустоту.
 ждёт машина на стоянке...
 может, место веселее попадётся на пути?
 бутерброд отдам коту, подмигну официантке...
 полно...
 к полночи успею до таверны докатить.

Анна Горелова, Нижний Новгород (Россия)

Папа Олаф говорит...

Время яблок и пустых разговоров.
Пахнет небо над Норвегией дымом.
Прожил сотню сентябрей Папа Олаф.
И когда под вечер невыносимо,

Папа Олаф говорит, будто движут
ветры солнце — от заутрени к ночи,
что крепчают ветры к осени ближе,
оттого и дни теперь всё короче;

Папа Олаф говорит, будто птицы
улетают с холодами не к югу,
что спешат они домой возвратиться,
обогнув к весне планету по кругу;

Папа Олаф говорит, будто дети
не жестоки и дурного не знают.
Любят, помнят... Но меняется ветер.
Взгляд отводит перелётная стая:
— На det! На det!

...с Папой Олафом рядом,
уступая снегу место без споров,
дождь идёт по опустевшему саду.
Дождь молчит — и говорит Папа Олаф...

Александр Долгушин, Висагинас (Литва)

Муравьёвое

Флаг в руки, честь и слава муравьям,
могучим и с усердием таскучим
добычу в общежитие! Твоя
былинка пригодится в общей куче.

Под небом, шелестящим от стрекоз
живущий без прогресса и регресса,
везёшь на гору свой нехитрый воз
и чувствуешь себя частицей леса,

частицей заповеданной земли,
которой соль — не просто хлор и натрий...
А в это время космодоробли
пространство бороздят в большом театре.

Майя Шварцман, Гент (Бельгия)
Текла река...

Текла река, зелёная от ила, жара глушила перестук мотыг,
 к исходу дня работали вполсилы и ждали наступленья темноты.
 Подёнщицы просеивали рыльца шафрановые да толкли анис.
 Как будто пылью розовой, покрылся чешуйчатым цветеньем тамариск.
 Несло гнильцой от ямы за дубильней, лиловой плотью набухал инжир.
 Устойчивый, до одури стабильный, тысячелетний возвышался мир.
 В каменоломнях исходили потом, пещеры выедал упорный карст.
 Божественного промысла дремота ни сдвигов гор, ни разрушенья царств
 не предвещала. Падали кометы, вращалось небо, толковались сны.
 Пустыня мерно ширилась, и где-то пути песчинок были учтены.
 Грядущее не подавало знака ни голосом, ни кровью на стене.
 В венке из васильков и портулака, в узорчато расшитом полотне
 к воде спустилась женщина и в реку для омовенья медленно вошла,
 лениво переждав рабынь опеку, ей предлагавших мыла и масла,
 в волнах присела, пудрою миндальной и смуглым телом влагу золота,
 когда из тростников вблизи купальни в корзине круглой выплыло дитя.

Произведения лауреатов премии «Глагол» среди участников Ежегодного открытого фестиваля авторской песни, поэзии и визуальных искусств «Витебский листопад» (проводит в Витебске с 1987 года. В 2018г, на фестиваль съехались более ста участников из девяти стран мира).

Вячеслав Иванов, Смоленск (Россия)
Когда Серёга умер от запоя...

Когда Серёга умер от запоя,
 За ним прислали ржавую «газель».
 Тем утром на дорогах Уренгоя
 Заснеженный свирепствовал апрель.

Машина, у подъезда сев на брюхо,
 Не в силах скорбный свой продолжить путь,
 Беспомощно завывла, как старуха,
 Пришедшая соседа помянуть.

И кто-то говорил: «Серёга шутит!
 С ним вечно приключается курьёз!».
 И было что-то страшное до жути
 В бессмысленном вращении колёс.

Велосипед

Мне снился мой велосипед —
Складной видавший виды «Аист».
Как будто я на нём катаюсь.
Как будто мне двенадцать лет.

Дороги пыльной полоса
Мне тоже снилась ночью этой.
Как будто день. Как будто лето.
Как будто я открыл глаза.

А на багажнике моём,
Поджав колени, ехал Боря.
Как будто он ещё не болен
И покидать способен дом.

Всю ночь мы с ним с горы неслись
И непрерывно хохотали.
А я крутил, крутил педали,
Опередить пытаюсь жизнь.

Динь-дон

Автобус. Девочка с айфоном.
Бомжи несут сдавать картон.
И от Собора долгим звоном:
Динь-дон, динь-дон, динь-дон, динь-дон...

Старушка с палочкой. «Рэйнджер».
Собачка клянчит колбасу.
Всем на Земле раздали роли.
Динь-дон, — не смей ронять слезу.

Сарай. Бараки. Новостройка.
Брусчатка. Пар. Открытый люк.
И переполнена помойка.
Динь-дон, динь-дон, — всё громче звук.

Мороз. Протянутые руки
Цыганских женщин и детей.
Динь-дон, динь-дон, — по всей округе.
Динь-дон, — ронять слезу не смей.

Ступени. Золото. Иконы.
Снимай ушанку — бей поклон.
Прими судьбу свою покорно.
Динь-дон, динь-дон, динь-дон, динь-дон.

Марина Крутова, Тверь (Россия)

Женское ремесло

Снег занавесил простынями сад:
 Хэбэшки белоснежные висят
 И в детство тянут и зовут упрямо.
 Там — тощая стиральная доска,
 На зимней речке два гнилых мостка,
 И прорубь, где бельё полощет мама...

В воде холодной пальцы, словно лёд.
 Отпустишь ткань на миг — и унесёт,
 А мама шутит: «Для русалок платья!»
 С ней рядом — таз, бельё горой лежит...
 Не каждый с ним управится мужик.
 Вот только это — «женское» занятие.

Потом в саду, от неба до земли,
 Белеют парусами корабли —
 Морозом укрощённые скитальцы.
 Так было раньше... И почти везде:
 Бельё купали в ледяной воде,
 И мучались всю жизнь от боли в пальцах.

Течением те годы унесло...
 Быть женщиной — «простое» ремесло?
 Поймёт не каждый этот подвиг тяжкий.
 ...А мама рядом. И её рука,
 Как в детстве, исцеляюще легка...
 И я целую красные костяшки.

Мой город

Тверской весны угрюмый вид
 Напомнит старого бродягу:
 В грязи, потрепан и небрит,
 Окурком старой ТЭЦ дымит,
 В кармане сжав Лазури флягу.

На коже — сыпь дорожных ям
 И вены вздуты половодьем...
 А по нахмуренным бровям
 Трамвай ползёт ко всем чертям,
 И на Советской в ноль уходит...

На Комсомольской каждый год
 Нарыв вскрывается подкожный.
 И вновь бродяга просто ждёт,
 Пока беда «сама пройдёт»,
 Прижав асфальта подорожник...

Оставив почести другим
И старых крыш понуриив плечи,
Мой город слишком человечен...
И от того до слёз любим.

Антоновка

Антоновку с ветвей снимал сосед,
Стремянкой небо подперев умело.
И осень на его ладонях зрела,
И он был этой зрелостью согрет.
И становился будто бы здоров,
Вдыхая запах кислый и бодрящий.
И тяжесть яблок наполняла ящик,
И душу наполняла до краёв.
Но жизнь сама снимает урожай,
Срывая с веток души, будто ношу...
И дом был снегом густо запорошен,
И было деда по-соседски жаль.
А прелый запах яблоневых строк,
Лежащих без движенья на соломе,
Напоминал, что был хозяин в доме,
Но пережить антоновку не смог.

Светлана Носова, Брянск (Россия)

Твой город

твой город — деспот.
твой город — демон.
ему не в тему твои проблемы.
постичь захочешь его системы —
сплетет интриги стальных оград.
не поминай этот город всуе,
он на щитах не тебя рисует,
рычит, оскалив клыки сосулук,
дает понять, что тебе не рад.
здесь так легко затеряться в спаме.
а ты болеешь его огнями,
его проспектами, площадями,
готов в объятья к нему упасть.
но город щерится, тянет лапы
своих мостов.
он не терпит слабых,
да не упустит момента, дабы
сомкнуть бетонную злую пасть.

но если ты преклонишь колена
и станешь пленным его вселенной,
он показательно и надменно
пропишет, кто здесь и царь, и бог.
и, ощутив, что минорно дышишь,
что обездвижен, уныл и выжат,
нажмет на клавишу скользкой крыши
и распечатает некролог.

Без определённого

Она — пылинка в жизненном бедламе.
Ей не везёт с делами и тылами,
И даже с равновесием весов
«Не катит»... Как в комедии с Ришаром.
Лишь катит осень в платье обветшалом
Расколотой фортуны колесо.

Легко ли жить, ничем не обладая?
Но жизнь — она не жила золотая,
А жёсткий опыт на разрыве жил...
Кольцо судьбы сжимается упруго,
А выпадешь из замкнутого круга —
И нет тебя. Как будто и не жил...

...Она бредёт, заглядывая в лица,
А в них — тоска... и хочется напиться
Бесплатного осеннего дождя,
Упасть в объятия старого трамвая
И ждать, куда же выведет кривая,
Став самой отрешённой из бродяг...

Набрякло время в сырости подвала.
Амбициозность города достала,
Как достают сквозь куртку холода.
Её удел — бродить по полумраку
И называть бездомную собаку
Единственной подругой.
Навсегда.

Когда ты возвращаешься домой

Когда ты возвращаешься домой из странствий, дни становятся короче, сочнее краски, ласковее ночи... Тревоги остаются за чертой седого мха на стареньком причале.

Твой друг-рюкзак сучает за плечами — болван, набитый скарбом и мечтой. Всё — позади. И всё же — впереди.

Густой закат над озером алеет. Бредем домой по липовой аллее. Не говорим. Прищурившись, глядит остывший день. Не клеится беседа... Но радуюсь, что мне скупое лето немного счастья выдало в кредит.

Вот наш ручей. Он снова обмелел, трава вокруг подсохла, стала жёстче, чем по весне. Ты помнишь наши ночи здесь, у ручья?..

...Всему есть свой предел...

Обнимешь, улыбнешься и ответишь, что существует истина на свете, и не в вине, а в этой вот воде...

И будет ночь терпка и горяча. И новый день нахлынет панацеей. Пройдут дожди. Трава зазеленеет. Привыкну спать у твоего плеча.

Но такова действительности суть: попутный ветер — брат тебе по крови. Причал, нахмутив моховые брови, тебя опять отпустит в долгий путь, час от часу тоскливей и нелепей, игратья станет в лодочные цепи...

И так всегда.

Мне снова не уснуть...

Фиолето

Ты — мой тоннель из полусна в конце придуманного света,
Мой неоправданный кумир, неповторимый мистер АХ.
Прошла прилудная весна, и наступило фиолето,
И пал безумный антими́р — колосс на глиняных ногах.

Надену красный сарафан в горох, раскиданный по полю,
Став яркой меткой естества, той самой божьей из коров.
Пройду как леди намбер ван, глаза мужчинкам намозоллю,
Но поклянусь не создавать нелепых ку-анти-миров.

Приду, румяная, домой, закрою дверь на два засова,
Заговорю себя от бед навек, и больше — ни жу-жу!
Потом скажу себе самой: не будь, коровка, божьей рёвой!
А утром страсти по тебе на верхней полке уложу.

И ни за что не погляжу в окошко твоего портрета,
И только зеркальце — мой свет, мой ненаглядный визави.
А ты лети, как майский жук, в потоках ультрафиолета,
И не зови меня к себе.
И самой нежной — не зови...

Ненаписанные стихи

Я — дама позднего расцвета,
 Мои прекрасны телеса.
 И кто мне только из поэтов
 Стихов любовных не писал!
 Мне не писал Бальмонт и Пушкин,
 И Заболоцкий (кто ж такой?..),
 Есенин, сидя на опушке,
 Не баловал меня строкой.
 И Резник не дарил мне песни,
 И Исаковский Михаил,
 Сам Маяковский строчек-лестниц
 На мой чердак не городил.
 Маршак весёлым переводом
 Мою тоску не разгонял.
 И мандельштамовская «Ода»
 Написана не про меня.
 Шекспир мне Вильям не напрасно
 Не сплел сонет очередной.
 Горжусь, что столько слов прекрасных
 Не сказано лишь мне одной!

Саша Морозов, Смолевичи (Беларусь)

Город N

Этот город давно притворяется добрым и милым,
 заливая в подвалы зрачков веселящий неон.
 В телефонном талмуде не осталось знакомых фамилий,
 значит, можно без лишних гудков отключить телефон.
 Здесь господствует норд, беспросветные МРЭКи и мраки,
 вот и думай, срываясь с насиженных пирсов и гнёзд:
 то ли щепкой прильёт к берегам постаревшей Итаки,
 то ли глупой пушинкой застрянешь в ажурности звёзд.

Этот город устал от заезжих театров и мэров.
 Здесь свои не в чести. Здесь своих не осталось совсем:
 кто-то вышел в окно, остальные в кирпичных вольерах
 у гламурных кормушек безоблачно ждут перемен.
 Здесь и цепи молчат, не считая бродячей собаки,
 прибежавшей на праздничный запах вчерашних пиров.
 Из подсказок Судьбы — за окном лишь дорожные знаки
 с указанием всех проходных (и не очень) дворов.

Этот город привык к веренице дырявых карманов,
 подбирая с асфальтовой паперти мелкую жизнь.
 Снег ложится на ржавые рёбра безбашенных кранов,
 не успевших при жизни увидеть свои этажи.
 Забредут ли сюда на постой перелётные птицы,
 осенят ли их дробью слепые охотники влёт —
 я не знаю кому, но я знаю, что буду молиться
 за себя и за птиц, и за тех, кто сюда не придёт.

И звук, и слово, и звезда...

...снежинки маялись в горсти,
 дыша неволей еле-еле,
 мои простывшие «прости»
 зодиакальностью болели,
 цепляя сны и провода,
 мелькали в хаосе метельном
 и звук, и слово, и звезда —
 несовершенные отдельно,
 все эти буквы в до-дизе,
 все эти ноты вне бумаги —
 с наивной верою и без
 оглядки, плана и отваги
 спешили с грустью в благодать...

...камина убажая чрево,
 горела в клеточку тетрадь,
 и что-то в клеточках горело,
 и кто-то, вечно не такой,
 под безутешною луною,
 прощаясь, мне махнул рукой,
 всё так же оставаясь мною...

Русский язык

...русский язык находится в языке
 колокола поэта костра пророка
 бьётся в гортани в бронзе в «Двенадцати» Блока
 вырви и вроде бы мёртвый молчит в руке
 в коме в белой горячке в седой пыли
 температурит буквами бредит словом
 скулит почти по-щенячьи когда послонно
 бинты снимают под ласковое «Delete»

в чёрт-те-какой палате лежит нагой
 вглядываясь в глаза потолки и лица
 видя как просто люди и сложно птицы
 мокнут под затяжными «Exit» и «Go»
 слыша как над бумагой молчит рука
 и огрызаются строчки на лай латыни
 русский язык бессмертно присно и ныне
 где-то на уровне совести и ДНК

Сергей Полежаев, Тверь (Россия)

Какаду

В интерьере моём какаду
 Так смешон, так нелеп, экзотичен.
 Как в бреду, как во сне, я краду
 Цвет у птицы и мыслю по-птичьи.

И бывает в такой переплёт
 Попадаю с моим попугаем!
 Птичка в клетке — увы! — не поёт,
 Текст речей, мыслей ход узнаваем.

Гости помня, что «попка-дурак»,
 Ожидают словечек нескромных.
 Попугай, поправляя свой фрак,
 С интересом глядит на знакомых.

Люди схлынут, пройдёт полчаса,
 Отдохнув от привычной мороки,
 Мы копируем с ним голоса,
 Попадаем не в такт с караоке,

Вслух читаем «Мадам Помпадур»,
 Разбавляем стихи ромом с колой.
 Я куда с какаду не пойду —
 Буду крррасноречив и ррраскован!

О героях

Во рвах разрушенных бастилий,
В пыли разобранных постелей
В себе героев не растили,
В пылу сражений не потели.

А так хотелось быть отважным!
А так мечталось стать героем!
Чтоб головной убор с плюмажем,
И чтоб в атаку ровным строем.

На кон от Тулы до Тулона
Судьба поставит славный случай.
Вот кто-то стал Наполеоном,
А кто на хлеб скребёт насущный.

«Мир хижинам, война дворцам» ли?
Ржавеют пушки на лафетах.
Огни сражений отмерцали
В солдатах, в мачо и в поэтах.

Добыча в банковской кубышке.
А с нами вечный «кнут и пряник».
«Земля!» — вопит с бурильной вышки
Чумазый и седой нефтяник...

Больничная муха

Эта муха огромная громко жужжит.
Надоедлива, как продавец пылесосов,
Изворотлива, как футболисты «Анжи»,
Ненасытна, как дочь из семьи кровососов.

В нашей тесной палате, что с видом на морг,
Солнце смело гуляет в наряде осеннем.
Бор сосновый за моргом под ливнем намок
И за радугой тянется, как за спасеньем.

С любопытством и жаждой насытить нутро
Муха так по-хозяйски легка и проворна!
То ко мне подлетит, то к соседу Петро.
Чёрный ангел жужжащий? Скорее, ворона!

Старый дядя Петро громко стонет во сне.
Он напрасно мечтал на больничном матрасе
О рыбалке, какая сейчас на Десне,
О грибах, что в лесах по Тургиновской трассе.

Будем к мухам своим философски добры.
Не берут «божью тварь» ни газеты, ни тряпки!
Так слетайтесь на наши тела и дары!
И смелее играйте в лапту или в прятки!

Только странно всё это... Почти как в кино.
Не могу доверять я ни зренью, ни слуху:
В полночь тихо откроется в морге окно,
И душа чья-то слепо поселится в муху.

ОТРАЖЕНИЯ

© Художник Андрей Карапетян

Игорь Алимов
(Россия, Санкт-Петербург)

Ли Сянь Минь и его рассказы об удивительном

Об этом китайском авторе мы знаем до обидного мало: уроженец уезда Суаньцаосянь (пров. Хэнань), Ли Сянь-минь жил во времена правления императора Хуэй-цзуна (на троне с 1101-го по 1125 г.г.) и пользовался известностью среди современников как прозаик и поэт. До наших дней дошли несколько стихотворений Ли Сянь-миня, а также его прозаический сборник «Обширные записи из Облачно-го кабинета», переводы четырёх рассказов из которого и предлагаются читателю ниже.

О переводчике: Игорь Александрович Алимов — доктор исторических наук, переводчик, писатель. Лауреат почетного диплома Союза китайских писателей (за большие успехи в переводе, изучении и распространении китайской литературы, 2007). Автор более 150 научных и художественных публикаций. <http://alimov.pvost.org>

Отшельник Цзя-линь

Некогда Чжан, что называется, нарубив камыша, выстроил себе хижину у подножья горы Лушань. Там он играл на лютне-цинь и пил вино, пел и читал нараспев стихи — всё вослед порывам души. Вот уж действительно вольно-свободный человек! Повозки же и кони людей чиновных и мужей учёных появлялись в его краях очень редко.

Некогда Чжан, что называется, нарубив камыша, выстроил себе хижину у подножья горы Лушань. Там он играл на лютне-цинь и пил вино, пел и читал нараспев стихи — всё вослед порывам души. Вот уж действительно вольно-свободный человек! Повозки же и кони людей чиновных и мужей учёных появлялись в его краях очень редко.

Однажды к Чжану пришёл гость. Назвался отшельником Цзя-линем по фамилии Лу. Чжан смотрит — чёрный головной платок, тёмное платье, круглые глаза, толстый живот... Гость отвесил земной поклон, но без малейшего подобострастия. Чжан вынес из дома лежанку, пригласил гостя присесть.

— Я сам с севера, — сказал Лу. — Мой род из поколения в поколение зарабатывает на жизнь гаданием. Десять лет, как я осел в этих местах, и давно уже всем сердцем почитаю вашу безупречную добродетель. Не один день я страстно искал случая познакомиться с вами, прошу не счесть дерзкой просьбу стать вашим последователем!

— Я укрылся в горных лесах, в безмолвии безлюдных болотистых низин, — отвечал Чжан. — По весне я пашу землю, по осени собираю урожай — достаточно, чтобы прокормиться. Зимой ношу тёплое платье, летом одеваюсь в лёгкое полотно — достаточно, чтобы прикрыть тело. Помыслы мои далеки от мирского, и я не вожу дружбы с сильными мира сего. Я и по-

думать не мог, что столь значимый господин снизойдёт до меня и озарит моё убогое жилище! Какая великая честь!

Чжан заговорил с гостем о «Книге перемен» — суждения Лу были глубокими, исполненными понимания. Постигнув от начала и до конца все сочетания черт гексаграмм, он раскрыл их потаённый смысл, истолковал изменения и сумел ухватить самую суть принципа круговорота всего сущего. Тогда Чжан перешёл к движению небесных тел — солнца и луны, и Лу изъяснил всё совершенно точно, безо всяческих астрономических приборов. Чжан перевёл разговор на даосское учение, и Лу абсолютно точно изложил его. Тут Чжан совершенно потерялся, побледнел от конфуза.

— Теперь, когда я, грубый человек из горной глуши, услышал ваши, мой господин, высокие рассуждения, — после заминки произнёс он, — стало ясно, насколько вы образованны. Глубина ваших познаний неопишима!

— То, что я понимаю, пришло не от образования, — объяснил отшельник Цзя-линь. — Это то, что Мэн-цзы называл природными знаниями и врождёнными способностями. Когда подобное заложено в самой твоей сущности, умения приходят без учения, а понимание — без рассуждений, вот отчего мои таланты столь совершенны.

— Ныне императорский двор широко распахнул двери, привечает к службе всех учёных, — заметил на это Чжан, — и каждый, у кого есть хоть малые способности, может послужить, а уж если случится человек знаний выдающихся, ему всенепременно найдут применение! Почему же вы, господин, — с вашими небывальными познаниями и невиданной проницательностью, скрываете таланты, уйдя от мира и не желая продвижения?

— Раньше, когда я жил в северных землях, — отвечал Лу, — и практиковал метод правильного дыхания для продления жизни, случилась беда: начался сбор подношений императорскому двору во всех больших реках. Я бежал и спрятался в одном крестьянском жилище, забился там под кровать, на которой спал старик-жилец, и тем избежал несчастья. С тех пор мысль послужить государю и стать придворным приводит меня в ужас, ведь среди подданных государя всегда найдутся те, кто станет снова вспоминать и судить о былом! Читая книгу Чжуан-цзы, я понимаю, что его суждение о тех, кто волочит свой хвост по грязи, оставаясь безвестным, но свободным, очень подходит мне. Я больше не думаю о службе! Хотел бы я найти приют в доме простолыдина на берегу реки, принёс бы хозяину большое богатство, да опасаясь, что он отплатит мне злом за добро. А ещё я изготовил чудесное лекарство, что лечит тех, кто плохо видит, примешь и непременно исцелишься... Нынешняя жизнь моя — горем и страданиями я пресытился! И вот недавно я вновь окунулся в ту радость, что дарят реки и озёра, путешествую вслед за течением — так мне удаётся держаться вдалеке от опасностей, чтобы прожить оставшиеся до конца годы.

— Если ваше, господин, искусство таково, что позволяет знать и когда случится беда, и когда выпадет удача, этого ведь вполне достаточно, чтобы обезопасить себя! Отчего же вы так стремитесь скрыться от мира? — удивлённо спросил Чжан.

— Умение предсказывать будущее, о котором я говорил, действует лишь в отношении других, своё будущее я предсказать не умею, — был ответ. — Поэтому и стремлюсь к уединению.

Они долго ещё разговаривали, наконец, отшельник стал прощаться:

— Сегодня мне посчастливилось провести прекрасный день с вами, господин! И если вы попадёте в такое трудное положение, как господин Мао, то я в благодарность за сегодняшнюю нашу тёплую встречу непременно приду вам на выручку!

Чжан не понял, что имеет в виду Лу, но переспрашивать не стал, поблагодарил и отправился провожать гостя. Они подошли к берегу горной речушки. Тут Лу вдруг остановился и, чуть помедлив, сказал Чжану:

— Здесь я и живу. Вы уж, пожалуйста, не насмехайтесь надо мной!

Чжан изумился было его словам, но тут Лу вошёл в воду, превратился в большую черепаху и закачался на поверхности воды. Чжан в полном смятении и удивлении долго стоял на берегу, не сразу повернул назад. Через несколько десятков шагов оглянулся — черепаха, вытянув шею, пристально смотрела на него, словно тоскуя о старом друге.

Чжан вернулся в свою хижину и сызнова в уме разобрал всё то, что говорил и о чём рассказывал Лу, — и верно, речь шла о черепахе!

Если лисы из века в век умеют обращаться в исключительных красавиц и морочить голову людям — во множестве! — то уж такое существо, как черепаха, куда чудеснее лис. История об отшельнике Цзя-лине — вовсе не выдумка!

Удивительная встреча в Западном Шу

Второе имя чиновника седьмого ранга Ли Бао было Шэн-юй. В годы под девизом правления Шао-син (1131-1161) его перевели на должность начальника уезда Даньлэнсянь в области Мэйчжоу.

Прибыв к новому месту службы, Бао сразу же отдал подчинённым необходимые распоряжения и принялся вникать в нужды и тяготы народа. Через несколько месяцев жители уезда уже славили его.

Позади казённой резиденции, где поселился Бао, был сад и в саду — беседка. Она называлась Цзюсытин — Беседка девяти дум. Сын Ли Бао, его звали Да-дао, всё свободное от занятий время проводил здесь.

Однажды, когда Да-дао сидел в одиночестве в этой беседке, в тени деревьев вдруг послышались хлопки в ладоши и тихое пение. Мелодия была такая чистая и изящная, западающая в душу! Да-дао, крадучись, пошёл взглянуть, кто это поёт. Видит — девушка лет, наверное, четырнадцати-пятнадцати, медленно прогуливается, что называется, «лотосовыми шажками». На лоб свешивается короткая чёлочка, лицо сияет, как красная орхидея, брови подобны изогнутым ивовым листочкам — ну прямо бессмертная с острова Пэнлай!

Да-дао вернулся в беседку. Долго думал он об этой девушке. «Для певички она слишком свободно держится, да и облик её слишком изящен:

ясно, она не из таких, — рассуждал он. — Если же из хорошей семьи, то почему её не сопровождают служанки? И идёт она, не выбирая дороги, не по тропинке. Да и зачем бы ей прийти сюда?» Пока Да-дао так размышлял, не зная, к чему склониться, девушка неожиданно вышла прямо к беседке и остановилась.

— Из какой вы, барышня, семьи и почему гуляете здесь одна? — обратился к ней Да-дао.

— Я, ничтожная, ваша соседка. Фамилия Сун, а зовут — Юань. В семье я шестая... Недавно пробудилась я ото сна и пошла гулять — в надежде увидеть что-нибудь интересное. Изумительные пейзажи, тёплый ветерок, солнце в лёгкой дымке, щебечущие весёлые иволги, стремительные ласточки, что носятся друг за другом, — всё так прекрасно, весенние чувства переполнили моё сердце, и я, не будучи в силах их сдержать, перебралась через низкую стену, чтобы нарвать здесь цветов да отломить ветвь ивы, и случайно оказалась в вашем саду. Я и подумать не могла, что вы сейчас здесь! Не знаю теперь, куда деваться от стыда! — смущённо отвечала девушка.

— Да, но неужели батюшка ваш не беспокоится, что вы так давно ушли и всё не возвращаетесь домой? — спросил тогда Да-дао.

— Ещё в раннем детстве я осталась сиротой, потеряла всякую связь с семьёй старшего брата. Живу одна с сёстрами. Я самая старшая в доме.

— А муж у вас уже есть? — продолжал расспросы Да-дао.

Девушка замаялась и покраснела. Потом произнесла:

— Нет, я ещё не замужем... А у вас, господин, есть жена?

— Было уже несколько предложений, да все пары неподходящие, — ответил ей Да-дао.

Девушка легко улыбнулась и спросила:

— Ну а я — хоть род мой скромный и низкий, а внешность грубая и вульгарная, — я могла бы, как говорится, подавать вам фрукты и травы?

— Боюсь, моё брэнное тело слишком слабо для подобных удовольствий!

От такого разговора Да-дао пришёл в радостное возбуждение и повёл было девушку к западному углу беседки, мечтая тут же слиться с нею, но она сказала:

— Разве сейчас время для радостной встречи? Лучше я вернусь домой, а ближе к вечеру снова приду. Только будьте здесь же, господин!

С этими словами девушка удалилась.

Ожидая её, Да-дао не находил себе места, не мог даже сидеть спокойно. Вскоре красное солнце опустилось на западе, сошлись на закате бирюзовые тучи, звёзды и созвездия засверкали ярко. Вдруг Да-дао ощутил необычайный аромат, от которого просто голова пошла кругом. Он протёр глаза и стал всматриваться — а девушка уже рядом! Да-дао вскочил ей навстречу.

— Слуги ваши не догадаются, куда вы пошли? — спросил он.

— Нет, не беспокойтесь! — отвечала дева.

Взявшись за руки, они вошли в спальню. Тут же Да-дао достал изысканные кушанья и молодое вино, и двое стали беседовать, высказывая

друг другу полностью всё, что было на душе. Ночь близилась к концу, когда Да-дао и девушка скинули одежды и возлегли на искусно расшитые тюфяки, скрылись за пологом. Зашелестели капли дождя из туч, Да-дао и девушка сполна вкусили земных радостей.

На рассвете девушка распрощалась и ушла. С этого времени она стала приходить каждый вечер на закате, а наутро покидала Да-дао. Так прошёл месяц.

Однажды Да-дао в какой-то непонятной усталости, не имея желания делать что-либо, заснул, сидя за столом в своём кабинете. Вдруг во сне он увидел человека с карточкой, на которой значилось, что с визитом явился некий сюцай Ли Эр. Да-дао вышел за ворота навстречу гостю, видит — идёт юноша изысканной наружности, манеры поведения очень внушительные. Да-дао предложил ему садиться, и Ли молвил:

— Ваш глубокоуважаемый батюшка постоянно удостаивает меня своей щедрой милостью, а я ещё не отблагодарил его. Сегодня мне стало известно, что вас околдовал оборотень, вот я и пришёл помочь.

— О чём это вы? — удивлённо спросил его Да-дао.

— Да ведь та девушка, с которой вы встречаетесь, — не человеческого рода! Не хотите ли взглянуть на её истинный облик? — спросил Ли, и Да-дао выразил согласие.

Тогда Ли приказал слугам доставить девушку, и через самое короткое время богатырь примчал её на коне. Нефрит опечалился, цветок сник, увяла орхидея, согнулась устало ива — у девушки был пристыжённый, страдающий вид, и слёзы прочертили дорожки в пудре на щеках. Ли крикнул на нее, девушка тут же превратилась в большую лисицу и в ужасе побежала прочь. Да-дао вскочил и стал благодарить Ли, а тот вынул амулет и положил на столик.

— Если вы, господин, будете носить это при себе, тогда ещё можно от неё избавиться... У меня есть небольшая просьба, с которой я хотел бы к вам обратиться. Моя убогая хижина находится у ближайшего рынка, место там низинное, болотистое, совсем нельзя жить. Да к тому же много всяких людей, бродящих туда-сюда без толку. Балки дома пришли в совершенную негодность. Может быть, вы, господин, окажете такую любезность и пришлёте слуг привести моё жилище в порядок?

— Да неужели я забуду вашу доброту после того, как вы помогли мне избавиться от такого несчастья! — воскликнул Да-дао. — Объясните мне, что и как.

Ли подробно рассказал и ушёл...

Тут Да-дао очнулся ото сна — весь в поту, в расстроенных чувствах. Он просидел без сна до самого рассвета и всё думал... На столе Да-дао обнаружил амулет, взгляделся — а это гексаграммы из «Канона перемен»! В великом испуге он пошёл и обо всём рассказал отцу. Очень удивившись, отец заметил:

— Тот, кого ты видел во сне, назвался сюцаем Ли Эром и сказал, что я — его благодетель. Уж не цюанькоуский ли это Эр-лан, которому я совершаю поклонения?

Ли Бао отправился в храм Эр-лана, осмотрел там балки и перекрытия, коридоры и галереи, и оказалось, что всё пришло в полную негодность. Тогда он приказал мастерам починить храм.

Да-дао же повесил амулет на пояс и не осмеливался больше ночевать в беседке. Не раз и не другой он видел ту девушку, но она не могла подступить к нему ближе чем на один чи, Да-дао же с ней не разговаривал. Девушке только и оставалось, что лить слёзы. Так прошло десять дней.

Как-то Да-дао в свободный час прогуливался в одиночестве по тому самому саду и у тропинки нашёл в траве листок цветной почтовой бумаги. На листке было написано стихотворение, его сложила девушка. Называлось стихотворение «Бабочка тоскует о цветке»:

Луна скользнула сквозь разрывы туч —
 Подушка щёку холодит мою.
 Напоминает тонкий лунный луч
 Мне прежнюю любовь твою.
 Прекрасный юноша был рядом, ныне — далеко:
 Изменчив, как весенний ветерок.
 О, как мне, одинокой, нелегко!
 О, если б он меня услышать мог!
 Порознь цветы и легкий пух летят:
 Как воротить прошедшее назад?

Да-дао снова и снова декламировал эти стихи, очарованный талантом девушки. И вдруг он увидел её — девушка стояла под плакучей ивой. Краса её была так свежа, одежда так прекрасна — точь-в-точь как раньше! Подняв лицо к небу, Да-дао простонал:

— Я обычный человек, и с меня довольно красоты! Вот и сегодня — увидел, как она прекрасна, и наслаждался сполна! О чём мне ещё мечтать! Да и потом, откуда мне знать, может, раньше и я был необычным существом или стану таковым после смерти. Нет, не могу я порвать с нею!

Тут Да-дао разломал амулет и бросился к возлюбленной. Девушка то плакала, то смеялась.

— Теперь, когда вы, господин, знаете всё о моём дурном естестве, — сказала она, — вы со спокойным сердцем могли бы прогнать меня, порвать нашу связь. Неужели же я забуду вашу доброту и позволю вам пачкать себя в вульгарной грязи, печалиться о недостойной вас!

Из глаз её выкатилось несколько слезинок. Да-дао принялся её успокаивать, говоря:

— Да нет у меня к тебе никакой неприязни. Ни в чём я тебя не виню!

Они снова стали жить, как прежде, и чувства их стали ещё крепче и глубже.

Так прошёл месяц. Лицо Да-дао осунулось, он сильно исхудал, и родители, опасаясь, что он совсем сляжет, стали приглашать магов и заклинателей, но никто из них так и не смог совладать с недугом. Тогда отец запер Да-дао в потайной комнате, и девушка, придя на место встречи, не нашла его.

На другой день стали происходить и вовсе необычайные вещи. Откуда-то примчалось несколько сотен мартышек. Они принялись скакать по крышам и, как их ни гнали, не уходили, но продолжали шнырять повсюду. Ли Бао они не давали ни минуты покоя.

Однажды, когда Ли Бао сидел один в своем кабинете, в щель окна кто-то просунул письмо, и оно упало близ него. Бао тут же вскочил и выбежал на улицу, но там никого не оказалось. Тогда он распечатал письмо и прочёл. Вот что там было сказано:

Кун Чан-цзун, учёный-цзиньши из Куйчжоу, почтительно составил письмо и отправил в терем господина Ли.

В этом письме позвольте мне выразить своё преклонение перед Вашей высокой добродетелью. Да и как не разглядеть её, лишь увидев Ваш благородный лик! Я, Чан-цзун, отдаленный потомок Конфуция, переехал на жительство в Бачуань и теперь обитаю здесь. В семье нашей все издавна посвящали себя изучению конфуцианских книг, поколение за поколением носили чиновничье платье, и много было таких, кто, как говорится, в красном халате держит нефритовую табличку. Когда-то и я за свои таланты был вознесён высоко, мои манеры и стихи были выше всяких похвал, но, к несчастью, я попал под власть чар оборотня. Помрачение достигло наивысшей глубины и длилось очень долго. Я умер и стал лисом! Случайно узнал я, что и Ваш, сударь, сын попал в сходное положение. Это продолжается уже долго, и Ваш сын на грани гибели. А ведь я был мужем младшей сестры Сун Юань! Эти сёстры во всём помогают друг другу, и людей, введённых их превращениями в помрачение, — великое множество. Ваш, сударь, сын разломал амулет и отказался от защиты, он ходит по краю смерти и не задумывается об этом. Ну как не пожалеть его!.. Ещё я слышал, что если лиса-оборотень не может достичь того, чего хочет, она насылает беды и прочие удивительные напасти. Беснующиеся мартышки — это, конечно, то самое! Если вы спустите на них охотничьих соколов и собак, тогда ещё можно будет прогнать. Боюсь, правда, как бы Вы, благородный муж, из-за родственных чувств к сыну не причинили бы безо всякой вины вреда и моей жизни — ведь у людей и диких животных разные пути! Почтительно об этом напоминаю. Надеюсь, Вы простите мне бесстыжие речи.

Прочитав письмо, господин Ли долгое время сидел в тупом ошеломлении. Потом, следуя данному совету, спустил на обезьян собак и соколов, и обезьяны убралась восвояси.

Однажды вечером господину Ли приснился человек. Он сказал:

— Я — Кун Чан-цзун, тот самый, что писал к вам. Я выдал замыслы лис, и они в диком гневе убили меня на берегу западного ручья. Теперь мне не удастся вернуться в круговорот жизней человеком и окончить свои дни в праведности. Ведь душа моя бродит без пристанища! Вы, господин, исполнены великодушия и чувства долга, вы можете помочь в беде и выручить в нужде. Моя последняя надежда на вас! Бренные останки мои брошены в беспорядке в глухом месте, забыты среди густо-

го бурьяна. Если бы вы собрали и похоронили их, то эта заслуга зачлась бы вам после смерти!

Господин Ли дал согласие помочь, и человек пропал.

Когда рассвело, Ли послал людей искать у ручья. Но лиса не нашли. Тогда господин Ли раздал пищу нескольким десяткам буддийских монахов с тем, чтобы они читали сутры в поминовение души усопшего, а сам сложил поминальный текст и принёс его в жертву лису. Там было сказано:

Бессчётное число живых существ заполняет небо и землю, но никому не ведомы причины прихода и ухода! Говорят, Великое Небо можно измерить, а превращения — бесконечны! Бренное тело дается на краткий миг, чтобы дать прибежище духу. Круговорот от высших до низших сфер понятен, зачем же цепляться за нынешнюю оболочку, не стремясь к иной! Если сильны ещё инь и ян, если стужа по-прежнему сменяет жару, — значит, не покинул ты ещё переправы между жизнями и смертями. Все существа получают обличие согласно велению судьбы — так дело обстоит во всём мире, будь то гора Тайшань или ничтожнейшая песчинка. И растения, и твари — те, что бегают и летают, — тоже могут родиться в человеческом облике. А человек покидает этот мир, и, как знать, не станет ли он потом деревом или камнем, птицей или зверем. Этот закон непреложен, зачем горевать или радоваться! От непонимания его страдают даже сановники и государи, сотни лет они, лишённые речи и языка, хранят затаённые обиды. Вчера ещё жили они в роскошных хоробах, а ныне, как говорится, ютятся под деревьями на холме в диком поле!.. Вы, желая, чтобы я обо всём узнал, отправили письмо и — пострадали. Я со вниманием прочёл написанное Вами и понял, что когда-то Вы отменно владели литературным слогом. Что же до брошенных у западного ручья останков, то несколько раз я искал там, но, к досаде, ничего не сохранилось! Хоть Ваш лисий облик был нелицеприятен, может, соорудить для Вас у ручья могильный курган из тамошней земли? Пока же я принял труды для Вашего спасения, дабы помочь Вашей душе в тёмном мире. Берегите себя, господин! Осенью так холодно, клубятся тучи... Где Вы, господин? Услышали ли меня?

Через несколько дней после принесения жертв возобновились всякие безобразия, собаки и соколы уже не помогали. Господин Ли понял, что, видно, тут ничего уж не поделаешь, отпустил Да-дао и перестал надзирать за ним. Только после этого в доме установилось спокойствие.

Да-дао и Юань вновь обрели друг друга, и чувства их усилились несказанно. Дева принесла что-то похожее на ворсистые коврики, расшитые шёлком, — подарки свёкру и свекрови. Ли Бао сначала не хотел принимать этот подарок, но потом испугался, что Юань разозлится и снова будет безобразничать. Пришлось ему оставить подарок у себя.

Однажды мать Да-дао захворала сердечной болезнью. Она лежала чуть живая. Господин Ли приглашал к ней известных врачей, но никто из них помочь не смог.

— Болезнь у вашей матушки самая обычная, — сказала Да-дао Юань. — Вот, возьмите лекарство, поскорее бросьте в воду и приготовьте отвар, а потом пусть матушка выпьет. Через самое короткое время болезнь отступит!

Да-дао взял лекарство, развернул, смотрит — а это тёмный древесный листок размером с монету или немного больше. Не очень-то веря, Да-дао пошёл к матери и дал ей лекарство. Не успела она выпить отвар, как болезнь будто рукой сняло! Все пришли в сильный испуг и решили, что Юань ведома дела духов.

С этого времени Юань мало-помалу приняли в семью как родную и перестали испытывать к ней подозрение и неприязнь.

Однажды весенним вечером Да-дао и Юань прогуливались в саду позади дома. В беседке среди цветов они устроили пир. В строгом порядке были там расставлены посуда и чаши, играла музыка. Да-дао с девой, раскрыв душу друг другу, говорили о сокровенном — удовольствию их не было предела. Опьянев, Юань сложила такое четверостишие:

Шатёр ветвей зелёных над головою сплелся.

Едва лица касаясь, кружатся лепестки.

Красавица зарделась, румянец разлился...

Пусть пологом Лю Лина нам станут небеса!

Да-дао долго хвалил стихи, а потом сказал с улыбкой:

— Ну, как насчет парных строк, а?

— Пожалуйста! — ответила дева.

У пионов, росших рядом с беседкой, как раз в это время набухли бутоны, вот-вот распустятся. Подлетела пара бабочек и, кружась, села на бутон. Глядя на них, Да-дао продекламировал:

— Весною на пионе у перил любезничают бабочки.

— Ранним утром на вершине яблони кричит иволга, — тут же отвечала Юань.

Немного подумав, Да-дао снова прочёл:

— Плачущая ива у тропки по ветру стелет зелёные нити.

— Ростки бамбука из-за загородки подняли бирюзовые побеги, — ответила Юань.

Да-дао изумился её острому уму и способности быстро подбирать рифмы. До самого заката читали они стихи, пели, шутили и смеялись.

В другой раз Да-дао должен был ехать по служебным делам в Мэйчжоу.

— Дней через десять я непременно вернусь, никого не принимай! — сказал он деве. Прибыв на место, Да-дао встретил старого приятеля, и тот, обрадовавшись его приезду, постарался задержать друга подольше. Только через двадцать дней Да-дао удалось вернуться домой.

— Что же вы так сильно запоздали? — стала упрекать его дева.

— Да приятель задержал! — оправдывался Да-дао.

— С тех пор как вы уехали, окна в доме были закрыты даже днём, в сад и на порог не ступала нога человека, — сказала тогда Юань. — Я забросила помаду и туалетную воду для волос, не брала в руки румяна

и пудру. Я тосковала в разлуке! Я думала только о вас!.. Вот, я сложила стихотворение и в нём выразила свои мысли!

Стихотворение называлось «Вернитесь, господин»:

Ветер восточный крепчает, —
 Спутник весны молодой.
 Ивовый ветвью играет и занавеску качает:
 Тянет её за собой.
 Тени причудливо пали, —
 Солнце блеснуло вдали.
 Волосы-тучи смешались,
 в сердце забота с печалью:
 Где молодой господин?
 Жизнь что цветы и что травы:
 Только цвели — и не стало...

Прочитав эти стихи, Да-дао стал униженно просить прощения.

Тут как раз в уездном городе появился некий деревенский наставник по фамилии Чжан. Он, как говорится, опустил занавес и стал учительствовать в буддийском храме. Постепенно у него появилось множество слушателей и последователей. Узнав о Чжане, Ли Бао послал к нему своего сына. Юань приходила туда каждую ночь, тайно пробиралась к Да-дао и спала с ним. Однокашники Да-дао знали о ней и наперебой стремились хоть разочек увидеть деву. Юань их не избегала и со всеми разговаривала. Сметливая и умная, Юань умела найти подход к каждому, и все с ней чувствовали себя совершенно свободно. Однако наставнику о деве никто не рассказывал. Юань вместе с Да-дао и другими учениками Чжана часто встречались за пределами буддийского храма.

Некий цзиньши Ян Бяо, вернувшись сюда из столицы, прослышал о Да-дао и его подруге и явился с визитом. Он хотел увидеть Юань, та согласилась. Ян Бяо встал ей навстречу.

— Когда я уезжал из столицы, то купил головные украшения — цветы из золота и шелка. Очень тонкая и искусная работа! — сказал он. — Но здесь, в горном захолустье, грубые и вульгарные вкусы и некому оценить подобные вещи! Хотел бы поднести украшения вам, обменять их на одно талантливое ваше творение!

Юань охотно согласилась, велела принести кисть и бумагу и сложила ему такое четверостишие:

Скроили платье, блещет понапрасну:
 Не в этот дом Восточный государь весну принес.
 Но если лить так много горьких слёз,
 Придут одни болезни и несчастья.

Ян Бяо лишь вздохнул и ушёл.

Впоследствии Юань родила сына. И вот, когда мальчику исполнился год, однажды вечером она вдруг в слезах упала на колени, от рыдания горло её перехватило. В испуге Да-дао стал её тормошить, но дева лишь лила слёзы и молчала, не отвечая. Да-дао настойчиво продолжал спрашивать, в чём дело, и тогда она сказала:

— Мы с вами встретились не случайно! Теперь же назначенный срок весь вышел, и мы с сыном должны распрощаться с вами!

Она оправила платье и продолжила:

— Древние говорили, что женщины доставляют радость своей красотой. Я, ничтожная, удостоилась быть подле благородного мужа. С начала и до сего дня любовь наша была такой чистой, что даже если теперь разбросают мои кости или оставят тело без погребения, то и тогда мне не будет горько. В древности была «клятва у сорочьего гнезда», и хоть разлука продолжалась долго, но настал всё же срок для новой встречи. Что до «стихов на парчовом футляре», то хоть обида и была очень сильна, однако в конце концов любящие воссоединились! А у нас с вами, господин, день разлуки очень близок, но нет срока для нового свидания! Душа моя трепещет от тоски, сердце разрывается от боли! Велико горе разлуки, навечно сохранится печаль в моём сердце!

Тут Юань горестно насупила прекрасные брови, и жемчужины-слезы из её глаз обильно оросили полы халата. Глядя на неё, Да-дао тоже не сдержал слёз.

— Когда-то Кун Чан-цзун наговорил всякого вздора свекру и свекрови, — вновь заговорила дева, — но они всё же не питали ко мне брезгливых подозрений, и я получила возможность прислуживать вам, господин, у изголовья и циновки. Так прошло два года. Чувства наши глубоки, во всем мы соблюдали долг, земным парам и не сравниться с нами! Но мне обидно, что я ничем не могу отблагодарить вас за доброту! Да и неужели же я хотела бы повредить вашей судьбе и оборвать жизнь вашу, чтобы потом меня проклинали?! Этот Чан-цзун — ученый невежда и больше ничего! Да откуда ему знать меня!

Потом Юань снова обратилась к Да-дао:

— Вы, господин, еще молоды, и вам следует прилежно учиться, быть обходительным с наставниками, друзьями, покрыть славой свой род и возвеличить отца с матерью. Этим вы выполните свой сыновний долг. Только гоните мысли о женщинах! Я надеюсь, вы будете беречь себя.

— Когда же мы увидимся с тобою вновь? — спросил Да-дао.

Юань взяла кисть, сложила стихотворение и протянула ему:

Два года делили одно изголовье
И наслаждались любовью.
Теперь же иду на край неба,
Здесь — больше нам рядом не сесть.
Свидимся где ли, вздыхаю несмело,
Может, за облаком белым ?..

Они ещё долго беседовали, а потом легли спать раздельно. Утром Да-дао встал, отправился к родителям справиться об их здоровье, потом возвратился в комнаты — а Юань и сына уже нет! Не будучи в силах справиться с охватившим его горем, Да-дао только вздыхал в печали. Часто любуясь луною, он вспоминал о красоте и прелести Юань. Но больше вестей от неё не было.

Волшебный сон молодого Дина

Цзиньши Дин Во происходил из древнего рода из Янчжоу. Он уже достиг возраста, когда надевают шапку, по натуре был честно-благородным, обладал изысканными манерами, по отношению к окружающим вёл себя в высшей степени искренне.

В годы под девизом правления Юань-фу (1098-1100) он проходил обучение в столичном училище Тайсюэ, редко покидая его даже в праздничные или погожие деньки, не прерывал подготовки — молодой человек, воистину сосредоточенный помыслами на учении!

Однажды Дин неожиданно получил письмо из дома — ему велели срочно возвращаться для проведения свадебной церемонии. Дин испросил отпуск, послал слугу нанять повозку, собрал необходимые вещи и отбыл на юг.

Когда Дин приехал домой, родители сказали ему:

— Мы сосватали для тебя девушку из семьи Цуев, что живут неподалёку. Она тоже из рода, как говорится, чиновничьих шпилек и шнуров, равного положения и происхождения.

Был выбран благоприятный день, забит баран, заколота свинья, расстелены циновки, подготовлен пир, а мальчики-слуги были отправлены с повозкой в дом Цуев за невестой. В полночь, когда была завершена церемония приветствия будущих свёкра и свекрови, Ди наконец увидел свою жену: в узорной накидке, шёлковой юбке, расшитой фениксами, она словно парила в воздухе, подобно божественной бессмертной, что сошла в мир людей! Когда сопровождавшие невесту ушли, Дин захотел взойти с нею на ложе — за брачным пологом скользнуло вниз красное платье, шпильки с перьями зимородка покинули волосы, сердце Дина захмелело от счастья, и они возлегли на изголовье, вкусив сполна любовных радостей. Даже у Сыма Сян-жу с Вэнь-цзюнь и у Сяо Ши с Нун-юй и в помине такого не было. Вот уж воистину говорят: красавица и талант — достойная пара!

А еще госпожа Цуй прекрасно, что называется, управлялась с кистью и тушью и была особо искусна в сложении стихов. Всякий раз, любуясь луной, супруги обменивались поэтическими строками, находя в том взаимную радость. Они не расставались ни на миг, всё делали вместе, мечтая лишь о том, чтобы счастье их длилось вечно. Как говорится, летели крыло к крылу.

Однажды отец позвал Дина к себе и сказал ему:

— Надо бы тебе сегодня собрать вещи, чтобы отправиться обратно в столицу!

Хоть Дину эта новость и не пришлась по сердцу, перечить он не посмел. Вернулся к себе и сказал жене:

— Батюшка только что позвал меня к себе и велел возвращаться в столицу в Тайсюэ, чтобы продолжить обучение. Значит, нам придётся расстаться! Как же быть?

— Ты ещё так молод, — отвечала она, — и должен получить высшую степень на экзаменах, ведь обрести наивысшую славу — таковы твои помыслы! Как можно ставить страсть между мужчиной и женщиной выше воли батюшки и отказаться от своего предназначения? Разве в «Комментарии Цзо» не сказано: «Будешь лелеять спокойствие и расстанешься со славой»? Тебе надо ехать!.. Я слышала, в императорской столице есть винные лавки, вокруг которых селятся певички, и молодые люди частенько направляют туда своих коней, прихватив с собою деньги. В циньских, что называется, теремах они предаются безудержному пьянству, творя оскорбляющие их жён вещи. Если же ты твёрдо сосредоточишься на учении, не допуская ничего подобного в своё сердце, если будешь всё время обо мне вспоминать, то, пусть мы и в разлуке, — мне не о чем тогда грустить!

Через несколько дней Дин попрощался с родными, со слезами на глазах расстался с женой.

— При каждой оказии присылай мне побольше вестей, любая весточка от тебя бесценна и поможет унять тоску!

Сказал, хлестнул лошадь и уехал.

Прибыв в Тайсюэ, Дин так и не смог побороть душевной пустоты из-за внезапной разлуки с женой. Прошло несколько месяцев, тоска всё не утихала. Дин печалился, что не может, что называется, оседлать ветер и сжать землю, чтобы в единый миг вернуться домой. Ни одного письма от жены он не получил, и от других домашних известий не было тоже.

Настал день отвращения несчастий, потекли потоком экипажи, потянулись вереницы лошадей, юноши и девушки стали собираться вместе. Все однокашники Дина ушли гулять, он остался в училище один, в глубокой тоске. Спустился вечер, и Дин в полном сумбуре чувств решил лечь спать.

Вдруг ему приснилось, что он находится дома. Цуй у светильника как раз развернула лист бумаги, взяла кисть — пишет письмо, чтобы отослать ему, Дину, и письмо то исполнено скорби-печали, сполна отражает её чувства. «Да я ж уже здесь! — сказал ей Дин. — К чему теперь писать?» Четыре раза повторил, а Цуй лишь утирает слёзы и не отвечает. На другом листе она написала четверостишие:

От слёз отяжелели рукава
И не трепещут больше на ветру.
Хочу послать на запад с гусем
Письмо, чтоб бессердечный прочитал.

Цуй запечатала письмо и как раз стала надписывать имя, когда Дин проснулся — в совершенном смятении, словно себя потерял. Он ворочался с боку на бок, не будучи в состоянии заснуть снова, пытался вспомнить свой сон, но запомнил, что говорилось в письме, лишь четверостишие и помнил.

Как рассвело, Дин записал те стихи на бумаге и показал соседу по комнате, рассказал о своем странном сне.

— Ваша тоска, вероятно, достигла своего предела, — сказал тот. — Вот вам и снятся такие сны, и ничего другого.

Дней через десять Дин получил вести из дома, а с ними — письмо от Цуй. Открыл, стал внимательно читать, и понял, что это письмо из его сна. Засомневался было, но кинул взгляд на второй лист — а там четверостишие, и именно то самое, что было во сне, ни малейших расхождений! Изумленный, Дин в страшном испуге стал показывать стихи своим приятелям по учёбе — все лишь вздыхали в удивлении. Посмотрел, когда было написано письмо: оказалось, вечером дня отвращения несчастий! Стало ясно, что на самом деле это был не сон, просто душа Дина летала домой. О, сколь странно!

Моё мнение таково: в «Книге перемен» есть суждение о духе и сказано, что «боли не чувствует, но поспешает; ногами не шевелит, но приходит». Ведь дух не заключён в теле, подобно живым существам, которые поспевают, едва почувствовав боль, и сначала идут, а уж потом приходят. Вот каковы чудесные свойства духа! Стоило Дину подумать о доме, как в единое мгновение он преодолел тысячу ли! Написанное Цуй короткое стихотворение совпало до мелочей — и если не путешествием духа, то чем другим объяснить, что Дин оказался дома? Ясно теперь, что сон о стране Хуасюй и рассказы о путешествиях святых небожителей вовсе не пустые слова!

Записки о мерной линейке из нефрита

Некий Ван из Хайчжоу был выдвинут кандидатом на провинциальные экзамены и на время подготовки к ним поселился в буддийском монастыре.

Однажды вечером он гулял под луной, декламируя стихи, как вдруг увидел стоящую в галерее девушку. Отрешённо-спокойная, она была красива чистою, прозрачною красотою, сложения была настолько изящно-хрупкого, что, казалось, самая одежда тяготит её. Ван приблизился к ней, и девушка не сделала ни малейшей попытки скрыться от него, напротив — сказала с улыбкой:

— Очень скоро я нанесу вам визит, благородный муж!

Ван вернулся к себе и предался ожиданию. Через некоторое время та девушка действительно пришла.

— Я из хорошей семьи, — сказала она. — Живу к востоку от вашего, господин, обиталища, там, где блестят красные бамбуковые ворота, — там и есть мой дом. Я часто слышу доносящиеся отсюда звуки музыки и чтение стихов, а сегодня мне украдкой удалось и вас повидать, господин! Я специально пришла, чтобы выразить вам своё восхищение, — совсем как та девушка-соседка, что жила к востоку и перелезла через стену взглянуть на Сун Юя! Вы же не против, господин, не отвергнете меня с презрением?

— Тебе, дитя, действительно трудно совладать со своим чувством и обуздать страсти, — кивнул Ван. — Боюсь только, что родители твои и братья, прознав про твою любовь, могут ввергнуть меня в большую беду. И я не

стану делать того, о чём потом придётся пожалеть, и не желаю доводить до разврата.

— Давно уже лишилась я родительской опеки, — отвечала девушка. — А братья мои живут в другом месте. Я тут совершенно одна уже несколько лет, и сегодня, когда мне посчастливилось встретить вас, добродетельный господин, пора положить конец моему одиночеству!

Тогда Ван, очарованный её исключительной красотой и сообразительностью суждений, запер дверь и возлег с нею.

— С юных лет я, что называется, радовалась кисти и тушечнице, — сказала Вану девушка. — Изучила все каноны, истории и хроники, и стихи кое-как научилась слагать.

С рассветом она стала прощаться и оставила Вану стихотворение в подарок:

Прелестница чахнет в забвении — минуло несколько лет.

Печален ветер в утунах — и каждую ночь тоска.

Проходит жизнь, утекает — словно тяжелый сон.

А мне не унять обиды — когда же она пройдёт?

С тех пор девушка повадилась с рассветом уходить, а вечером возвращаться, и так каждый день. Они с Ваном частенько говорили в полной непринужденности о древности, судили о современности, воспевали, что называется, ветер и луну — далеко не все крупные учёные и эрудиты смогли бы потягаться с девушкой в познаниях!

Однажды она принесла с собой нефритовую мерную линейку.

— Раньше я очень дорожила ею, — сказала девушка Вану. — К тому же нефрит олицетворяет добродетель благородного мужа. Я принесла её вам в подарок, господин, чтобы она напоминала вам о моих чувствах, когда вы возьмёте её в руки. Если линейка всё время будет при вас, вы точно никогда меня не позабудете!

Приближался праздник холодной пищи.

— Вы, господин, давно уже здесь гостите, — сказала девушка. — Скоро праздник, может, вам нужно постирать или сшить новую одежду? Поручите это мне!

Ван дал ей тонкого шёлка, чтобы нашла простой одежды.

— В это предпраздничное время так много дел! Несколько дней я не смогу приходить, а накануне праздника чистого света явлюсь вас проведать, тогда и принесу сшитое, — пообещала она.

Дня через три некий приезжий поселился в соседней с Ваном келье. Ван раскланялся с ним, стал спрашивать, откуда тот приехал и что за дела его сюда привели.

— В этом монастыре временно захоронен гроб с телом моей младшей сестры, — отвечал приезжий. — Вот я в праздник и решил совершить положенные обряды и приношения в её память.

Вечером приезжий зашёл к Вану поболтать и увидел у него на столе мерную линейку.

— Где вы взяли эту линейку? — настороженно спросил он Вана.

— Это старинная вещь из моего дома, — отвечал Ван.

— Неправда! — возразил приезжий. — Эту линейку мы положили в гроб моей младшей сестры, а вы вскрыли захоронение и подло её украли! Откуда иначе бы линейке у вас взяться, а?

И приезжий собрался уже тащить Вана к властям для дознания, чтобы изобличить преступника в воровстве, так что Вану ничего не оставалось, как рассказать ему всю правду.

— Да как такое может быть! — воскликнул приезжий.

Вместе с монахами он отправился осматривать временное захоронение: стоит нетронутое. Приезжий пришёл в полное смятение. Захоронение вскрыли, достали гроб, смотрят — а его младшая умершая сестра покоится там словно живая! Линейки нет на месте, зато рядом лежит только что сшитая одежда!

Не проронив больше ни слова, приезжий запечатал захоронение снова, провёл обряды и тут же убыл. Ван тоже перебрался в другое место.

Превращений духов и бесов человеку не постичь: линейка исчезла, одежда появилась — и никаких отверстий-проходов. Разве так бывает? Странно, вот уж странно!

© Художник Андрей Карапетян

Виктория Терентьева
(Россия, Москва)

Родилась в 1978 году в Ставропольском крае. В четыре года научилась читать, что и определило дальнейшую жизнь. В 11 лет приняла первое самостоятельное решение — поступать «на английский». Дальнейшие годы решения не изменили, и в 1995 году стала студенткой Пятигорского иняза. Переводить стихи начала исключительно для собственного удовольствия: работа с техническими документами хоть и полезна обществу, но пищи воображению не даёт..

Трамвай с призраком (переводы с английского)

Джон Донн (песня)

Если сможешь ты поймать
Тусклый свет звезды в паденье,
Злого духа распознать,
Вспомнить время до рожденья
И услышать песнь сирен,
И порвать злодейства сети,
И понять, несёт нам ветер
Радость или боль измен,
Если создан ты творить
Чудеса со дня рожденья,
Дни и ночи проводить
В ожиданье вдохновенья,
То скажи, как на духу,
Существует ли на свете
Та, что чужда лжи и сплетни,
И не склонна ко греху?
Дай мне знать, коль
встретишь вдруг,
Вышли весточку скорее...
Впрочем, не спеши, мой друг!
В то я сам давно не верю.
Даже если весть летит
Быстрокрылой белой птицей,
Может статься, что девица
В тот же день не устоит.

Song (Go and catch a falling star)

Go and catch a falling star,
Get with child a mandrake root,
Tell me where all past years are,
Or who cleft the devil's foot,
Teach me to hear mermaids singing,
Or to keep off envy's stinging,
And find What wind
Serves to advance an honest mind.
If thou be'st born to strange sights,
Things invisible to see,
Ride ten thousand days and nights,
Till age snow white hairs on thee,
Thou, when thou return'st, wilt tell me,
All strange wonders that befell thee,
And swear, No where
Lives a woman true, and fair.
If thou find'st one, let me know,
Such a pilgrimage were sweet;
Yet do not, I would not go,
Though at next door we might meet;
Though she were true,
when you met her,
And last, till you write your letter,
Yet she Will be False,
ere I come, to two, or three.

Лорд Рэндал
(народная баллада)

— Скажи мне, лорд Рэндал,
 возлюбленный сын,
 Где был ты так долго,
 земель господин?
 — В лесу я был, мать,
 до вечерних теней.
 Устал я — готовь же
 постель поскорей.

— Скажи мне, лорд Рэндал,
 возлюбленный сын,
 Кого ты там встретил,
 земель господин?
 — Любимую встретил,
 что всех мне милей.
 Устал я — готовь же
 постель поскорей.

— Скажи мне, лорд Рэндал,
 возлюбленный сын,
 Обедал ль ты нынче,
 земель господин?
 — Отведал угрей я
 и пил добрый эль.
 Устал я — готовь же
 постель поскорей.

— Скажи мне, лорд Рэндал,
 возлюбленный сын,
 Борзых накормил ты,
 земель господин?
 — Они околели —
 лежат у дверей.
 Устал я — готовь же
 постель поскорей.

— О небо! Лорд Рэндал,
 возлюбленный сын,
 Тебя отравили,
 земель господин!

Оригинал

‘O where ha’ you been,
 Lord Randal, my son?
 And where ha’ you been, my
 handsome young man?’
 ‘I ha’ been at the greenwood;
 mother, mak my bed soon,
 For I’m wearied wi’ hunting,
 and fain wad lie down.
 ‘An wha met ye there,
 Lord Randal, my son?
 An wha met you there,
 my handsome young man?’
 ‘O I met wi my true-love;
 mother, mak my bed soon,
 For I’m wearied wi’
 hunting, and fain wad lie down.’
 ‘And what did she give you,
 Lord Randal, my son?
 And what did she give you, my
 handsome young man?’
 ‘Eels fried in a pan; mother,
 mak my bed soon,
 For I’m wearied wi’ hunting,
 and fain wad lie down.’
 ‘And wha gat your leavins,
 Lord Randal, my son?
 And wha gat your leavins,
 my handsome young man?’
 ‘My hawks and my hounds;
 mother, mak my bed soon,
 For I’m wearied wi’ hunting,
 and fain wad lie down.’
 ‘And what became of them,
 Lord Randal, my son?
 And what became of them, my
 handsome young man?’
 ‘They stretched their legs out
 an died; mother, mak my bed soon,
 For I’m weary wi’ hunting,
 and fain wad lie down.’

— Мне с каждым мгновеньем
дышать тяжелей.

Устал я — готовь же
постель поскорей.

— Скажи мне, лорд Рэндал,
возлюбленный сын,
Что мне ты оставишь,
земель господин?

— Молочных коров
и лихих лошадей.

Устал я — готовь же
постель поскорей.

— Скажи мне, лорд Рэндал,
возлюбленный сын,
Сестре что оставишь,
земель господин?

— Большое приданое
дам я за ней.

Устал я — готовь же
постель поскорей.

— Скажи мне, лорд Рэндал,
возлюбленный сын,
Что брату оставишь,
земель господин?

— Оставлю именье
и верных людей.

Устал я — готовь же
постель поскорей.

— Скажи мне, лорд Рэндал,
возлюбленный сын,
Что милой оставишь,
земель господин?

— Проклятье свое
оставляю я ей.

Устал я. Мне саван
готовь поскорей.

‘O I fear you are poisoned,
Lord Randal, my son!

I fear you are poisoned, my
handsome young man!’

‘O yes, I am poisoned;
mother, mak my bed soon,
For I’m sick at the heart, and
I fain wad lie down.’

‘What d’ ye leave to your mother,
Lord Randal, my son?

What d ‘ye leave to your mother,
my handsome young man?’

‘Four and twenty milk kye;
mother, mak my bed soon,
For I’m sick at the heart, and
I fain wad lie down.’

‘What d’ ye leave to your sister,
Lord Randal, my son?

What d’ ye leave to your sister,
my handsome young man?’

‘My gold and my silver;
mother, mak my bed soon,
For I’m sick at the heart, and
I fain wad lie down.’

‘What d’ ye leave to your brother,
Lord Randal, my son?

What d ‘ye leave to your mother,
my handsome young man?’

‘My house and my lands;
mother, mak my bed soon,
For I’m sick at the heart, and
I fain wad lie down.’

‘What d’ ye leave to your
true-love, Lord Randal, my son?

What d ‘ye leave to your true-love,
my handsome young man?’

‘I leave her hell and fire;
mother, mak my bed soon,
For I’m sick at the heart, and
I fain wad lie down.’

Уильям Шекспир. Сонет №2.

Когда безжалостно года избородят
 Морщин переплетеньями лицо
 Когда навек угаснет ясный взгляд,
 Исчезнет юность,

словно сладкий сон,

Возможно, люди спросят у тебя:
 Где отыскать

хоть след минувших дней?

Не говори, что молодость твоя
 Запрятана на дне твоих очей.

Куда достойней сына привести
 И всем ответить,

гордость сохраняя:

«Когда придётся

в мир иной уйти —

Он будет продолжением меня».

Бессмертны мы,

и жизни нет конца,

Ведь дети согревают нам сердца.

Гвоздь

(из детской английской поэзии)

Вам сейчас раскрою

маленький секрет:

Нет гвоздя в подкове —

и подковы нет.

Потерял подкову

конь в бою лихом

И упал на землю

вместе с ездоком.

Погибает войско.

Командир в плену.

Как без командира

выиграть войну?

Пало королевство.

Вот что с ним стряслось.

А всего и нужен

был обычный гвоздь.

Оригинал

When forty winters shall beseige thy brow,
 And dig deep trenches in thy beauty's field,
 Thy youth's proud livery, so gazed on now,
 Will be a tatter'd weed, of small worth held:
 Then being ask'd where all thy beauty lies,
 Where all the treasure of thy lusty days,
 To say, within thine own deep-sunken eyes,
 Were an all-eating shame

and thriftless praise.

How much more praise

deserved thy beauty's use,

If thou couldst answer

'This fair child of mine

Shall sum my count and

make my old excuse,'

Proving his beauty by succession thine!

This were to be new made when thou art old,

And see thy blood warm

when thou feel'st it cold

Оригинал:

For want of a nail

the shoe was lost,

For want of a shoe

the horse was lost,

For want of a horse

the rider was lost,

For want of a rider

the battle was lost,

For want of a battle

the kingdom was lost,

And all for

the want of horseshoe nail.

Пэлем Гренвилл Вудхаус
Трамвай с призраком

Есть призраки башен,
 амбаров, дворцов
 И даже судебных палат.
 Они непохожи: от томных юнцов
 До грубых веселых ребят

Те духи банальны,
 но есть среди них
 Фантом — не похож на других.
 Он выбрал трамвай,
 что уютен и чист,
 Для странствий
 безмолвных своих.

Его любопытным глазам не видеть,
 Шагов только звук за спиной,
 Он к вам подкрадётся,
 чтоб тихо сказать
 Заветное слово одно.

Услышите чётко, как призрак идёт,
 Его не заметит ваш взор,
 Но цепь зазвенит,
 чей-то голос вздохнёт
 И щёлкнет его компостёр.

Вечерние тени ползут по земле,
 Зажглись фонари у оград.
 Наш призрак стенает
 в сереющей мгле,
 Когда люди к дому спешат

Порой говорят
 (и, похоже, не лгут):
 Так страшен тот звон
 и тот вскрик,
 Что волосы дыбом
 от страха встают
 (У тех, кто не носит парик).

Оригинал
The Haunted Tram

Ghosts of The Towers,
 The Grange, The Court,
 Ghosts of the Castle Keep.
 Ghosts of the finicking,
 “high-life” sort
 Are growing a trifle cheap.
 But here is a spook
 of another stamp,
 No thin, theatrical sham,
 But a spectre who
 fears not dirt nor damp:
 He rides on a London tram.

By the curious glance
 of a mortal eye
 He is not seen. He's heard.
 His steps go a-creeping, creeping by,
 He speaks but a single word.
 You may hear his feet:
 you may hear them plain,
 For— it's odd in a ghost —
 they crunch.
 You may hear the whirr
 of his rattling chain,
 And the ting of his ringing punch.

The gathering shadows
 of night fall fast;
 The lamps in the street are lit;
 To the roof have the eerie
 footsteps passed,
 Where the outside passengers sit.

To the passenger's side
 has the spectre paced;
 For a moment he halts, they say,
 Then a ring from the punch
 at the unseen waist,
 And the footsteps pass away.

Татьяна Громова
(Россия, Санкт-Петербург)

Родилась в Ленинграде. Окончила дошкольное педагогическое училище с красным дипломом, затем — факультет дошкольной педагогики и психологии ЛГПИ им. А.И. Герцена.

Работала воспитателем, методистом, психологом в детских садах и Доме ребёнка, техническим редактором в журнале «Медный всадник», газете «Земля русская»; ответственным секретарём в журнале «Невский альманах» и газете «Собственное мнение». В настоящее время — руководитель издательства «АураИнфо». Член Союза писателей Санкт-Петербурга, член Многонационального Союза писателей, ответственный секретарь Совета Беляевского фонда поддержки и развития литературы.

Страна Гуляндия
(стихи для детей)

Волшебная клетка

О Боже! Что я натворил!
 Я двери в клетку отворил!
 И вот из клетки, осмелев,
 Наружу вышел рыжий лев,
 И крокодил, и бегемот,
 И гамадрил, и кашалот,
 И два моржа, и три ежа
 Из клетки вышли, не спеша.
 Они открыли пасти
 И мне сказали: «Здрассте!»

Кто самый-самый

Меньше Миши — Маша,
 Меньше Маши — Мяша,
 Меньше Мяши — Мыша,
 Меньше Мыши — Муша,
 А меньше Муши — Микроша.

Миша умеет рычать:
 — Р-р-р-р!
 Маша умеет кричать:
 — А-а-а-а!
 Мяша умеет мурчать:
 — Мур-р, мур-р!

Мыша умеет пищать:

— Пи-пи-пи!

Муша умеет жужжать:

— Ж-ж-ж-ж!

А Микроша умеет молчать:

— Тс-с-с!

Про Микрошу

Жил у меня на ладошке
 Хороший такой Микрошка.
 Тихо, спокойно жил,
 С другим Микрошей дружил.

И этот другой Микроша
 Тоже был очень хороший,
 Тихо, спокойно жил,
 С третьим Микрошей дружил...

Микроши бывают разные,
 Бывают очень заразные.

Я руки помыть забыла,
 Случайно Микрош проглотила,
 И у меня в животе
 Ощущения стали не те!

Мама улыбается

Я маму прошу уже месяца три:
— Сестрёнку, пожалуйста, мне подари!
Сестрёнку по имени Света.
Я буду кораблики ей мастерить,
Завязывать бантики, кашу варить,
Дарить леденцы и конфеты.

Я слышал со слов очень взрослых людей,
Что люди в капусте находят детей —
Сестрёнки в капусте рождаются.
И снятся мне часто в предутренних снах
Грудные младенцы в зелёных кочках,
И я не хочу просыпаться.

Но где в Петербурге капусту найти?
Не может она на асфальте расти,
И маме твержу я упрямо:
— Поехали к бабушке, там огород,
Там целая грядка капусты растёт!
...Но лишь улыбается мама.

© Художник Елена Любович

И.С.Тургенев
Ivan Tourgueniev
Когда в весенний день
Le jour de printemps

Когда в весенний день,
 о ангел мой послушный,
 С прогулки возвратясь,
 ко мне подходишь ты
 И, руку протянув,
 с улыбкой простодушной
 Мне подаёшь мои
 любимые цветы, —

Quand le jour de printemps,
 mon ange naïve et pure,
 Après une promenade
 tu viens me saluer.
 Je vois ce franc sourire,
 ces yeux couleur lasure
 Et dans ta main tu tends
 mes fleurs préférées!

Привев

С цветами той руки
 тогда не разлучая,
 Я радостно прижмусь
 губами к ним и к ней...
 И проникаюсь весь,
 беспечно отдыхая,
 И запахом цветов
 и близостью твоей.

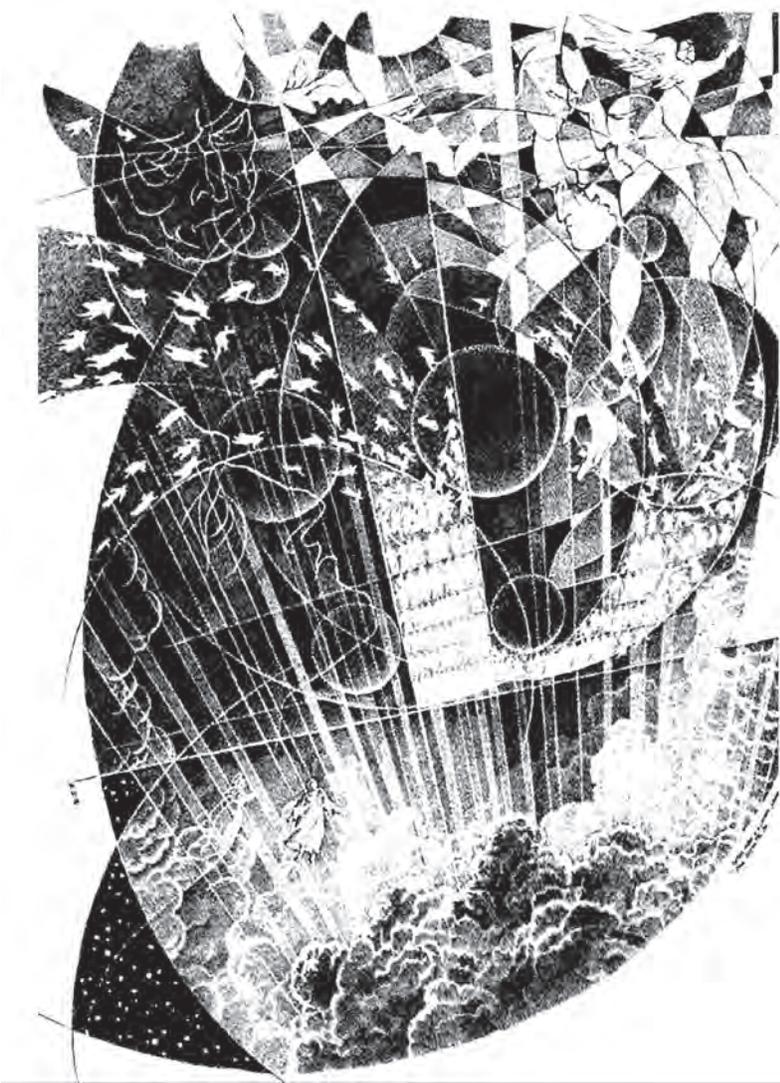
Et cette main fragile et
 ce bouquet de fleurs
 Je hâte de couvrir
 de mes baisers légers
 Je suis émerveillé
 par la douce fraîcheur
 De pétales éphémères
 et de ton corps tout près

Гляжу на тонкий стан, на девственные плечи,
 Любуюсь тишиной больших и светлых глаз,
 И слушаю твои младенческие речи,
 Как слушал некогда я нянюшки рассказ.

Привев

Гляжу тебе в лицо с отрадой сердцу новой —
 И наглядеться я тобою не могу...
 И только для тебя в душе моей суровой
 И нежность и любовь я свято берегу.

И КОНЕЧНО —
ФАНТАСТИКА!

© Художник Андрей Карапетян

Елена Арифиллина
 (Россия, Ростов-на-Дону)

Я родилась на юге России. Много лет прожила на Дальнем Востоке. Почти двадцать лет проработала врачом-психиатром. Сейчас занимаюсь консалтинговым бизнесом. Наряду с этим пишу прозу, книги для детей, стихи.

Метод выбора — магический реализм.

Мои первые рассказы отобрал для публикации Б.Н.Стругацкий. Олег Ладыженский и Дмитрий Громов (ака Генри Лайон Олди) рекомендовали в печать роман «Взгляд сквозь пальцы». Сейчас выходит второе издание.

Детская повесть «Жил-был такс» попала в лонг-лист «Книгуру», затем в призовую тройку конкурса «Новая сказка-2015» и шорт-лист конкурса «Книга года: выбирают дети». Повесть вышла в издательстве «Аквилегия-М».

Хранитель перехода

Он жил в подземном переходе, напротив киоска с колготками. Я проходила мимо два раза в день: на работу и с работы. На него я обратила внимание сразу. Не заметить его было трудно. Огромный, мощный — наверно, с примесью кавказца или алабая. Густая изжелта-серая шерсть, местами свалывшаяся в дреды. Жёлтые глаза, иногда цепко ищущие кого-то в толпе, иногда устало полузакрытые. Обычно он лежал, положив голову на лапы, глядя сквозь прохожих. И какая бы толпа ни заполняла переход в час пик, рядом всегда оставалась свободная полоса, словно огороженная невидимым барьером.

У него была подстилка — сплюснутая коробочка от холодильника. Временами на ней лежала какая-нибудь еда: шаурма, чебурек или хот-дог — дешёвый фастфуд из уличной палатки. Этих кусков ему было несомненно мало. Чем же он живёт? А вроде не тощий...

Наверху кипела жизнь. Отсюда можно было уехать в любой конец города, плотный поток транспорта мелел только к двум часам ночи. Тогда сюда становилось проще добираться реанимобилям и «скорым». Ну, это к нам: во двор, по пандусу к дверям приёмного покоя, в грузовой лифт, и рысью, разгоняя каталку, по коридору до матовой стеклянной двери.

В ургентную операционную.

Я полгода ходила мимо него по этому переходу. Иногда он взглядывал на меня, не поворачивая головы... Узнаёт? Хотя собаке вовсе не нужно смотреть на человека, чтобы его узнать...

Что он здесь делает? Кого ждёт? Охраняет — что, свою территорию? И правда, других собак здесь не было. Профессиональные нищие, которых я уже знала в лицо, тоже не спускались в переход, даже в непогоду

сидели на ступеньках. Боятся его, что ли? Но при мне он ни разу не оскаллился, не залаял.

Он был так же постоянно на людях, как я. И так же одинок, как я.

Я стала замечать, что, проходя по переходу, ищу его глазами. И, увидев его на обычном месте, отмечаю про себя: всё в порядке.

Я долго не могла собраться с духом, но всё же решилась. Купила говяжьих рёбрышек, вышла на полчаса раньше, пока не так много прохожих. С трудом заставила себя пересечь незримую границу, которая отделяла картонку от перехода. И аккуратно, не делая резких движений, положила рёбрышки на край картонки.

Взгляд жёлтых глаз на несколько секунд сфокусировался на мне и снова скользнул туда, где было что-то недоступное другим, но очень важное.

И тут я заметила, что мохнатый хвост чуть-чуть шевельнулся. Меня суховато, но вежливо поблагодарили.

Смешно сказать, но я обрадовалась.

С тех пор я ещё несколько раз приносила ему мясо, когда по два-три дня на его картонке ничего съедобного не лежало. Только потом я поняла, что ни разу не видела, чтобы он что-то ел.

В тот раз я спускалась в переход уже за полночь: автодорожку привезли к концу дежурства. Валерий Иванович бурчал из-под маски про идиотов, покупающих права вместе с машиной, орал на анестезиолога, когда падало давление, тот огрызался... На меня никто голоса не повышал. Врачей выпускают каждый год, а опытная операционная сестра сейчас редкость.

Да, в конце концов, пришта я, что ли, к этому конвейеру? Давно зовут в «Нью Лук». Вместо битых, резаных, переломанных будут богатенькие холёные дамочки. Вместо непредсказуемо затягивающихся операций — исключительно плановые. Хваткий и честолюбивый Сергей Николаевич, сбежавший туда с нашей каторги пару лет назад, звонил сам, приглашал, со смешком обещал сделать за полцены хоть блефаропластику, хоть круговую подтяжку. Я тогда отшутилась, что мне ещё рано, вот будет сорок, и тогда...

Сорок уже есть. И что? Пора решать...

Он шёл мне навстречу — худой, высокий, сутулящийся. Поравнявшись со мной, шагнул вправо и резко дернул с моего плеча сумку. Я на автопилоте вцепилась в ремень и увидела под низко надвинутым капюшоном испитое, до времени постаревшее лицо и запавшие глаза с пустым взглядом.

Наркоман.

Он досадливо дёрнул щекой и кивнул кому-то, кто был у меня за спиной. И тут же кольнуло в поясницу справа. Я рефлекторно схватилась за больное место и по нарастающей обморочной слабости, звону в ушах и головокружению поняла, что уже мертва.

Тот, второй, ударил меня шилом. И профессионально попал в почечную артерию. Кровь толчками бьёт сейчас в брюшную полость. Даже если бы это случилось у дверей операционной, мои шансы были бы пятьдесят на пятьдесят, и многое бы зависело от бригады. А сейчас мне конец... через несколько минут.

Из-за полутора тысяч рублей и подержанного мобильного.

Паспорта с собой нет... искать меня некому, а опознать смогут только наши, из ургентного блока... точечную колотую рану патологоанатом найдет не сразу... вонючий морг и безымянная могила...

Но тебя, сука, я захвачу с собой!

Я позволила коленям подогнуться и мешком осела на грязный бетон. И когда тот, который вырывал сумку, присел, чтобы расстегнуть у меня на шее золотую цепочку, без замаха вогнала палец ему в глаз.

Как сквозь толщу воды я услышала его неожиданно тонкий визг, успела подумать: «Господи, пусть он сдохнет от сепсиса!» — и всё накрыл оглушительный, нарастающий рев. Меня подхватило, поволокло, впечатало головой в бетонную стену перехода, и я удивилась, что это совсем не больно.

И все погасло.

Я открыла глаза и увидела занавеску в цветочек. Бревенчатые стены. Дощатый крашенный пол. Ещё в комнате оказались два старых венских стула, круглый стол с вышитой крестиком «дорожкой» и комод, выкрашенный той же коричневой краской, что и пол. На комод, на связанной крючком салфетке стояло тускловатое зеркало. На стене ходики с гирьками в виде еловых шишек. Их тиканье было единственным звуком в тишине. Ажурные стрелки показывали половину пятого.

Голова на удивление ясная, словно накануне я рано легла спать и проснулась поздним утром. Оказалось, что я, полностью одетая, лежу на кровати, словно взятой из фильмов о довоенной жизни: с пружинной сеткой, никелированными шарами и кружевным подзором. Правда, одеяло не было стёганым, как полагалось бы для такой кровати. Обычное тонкое одеяло, довольно потрёпанное.

Я встала, прислушиваясь к себе. Нигде ничего не болит. А должно — после ночи, проведённой на растянутой проволочной сетке, спина просто обязана протестовать.

И всё же — где я? Как сюда попала?

В торце комнаты обнаружилась дверь, а за ней — маленькая кухонька, в которой умещались только две табуретки, обшарпанный столик, покрытый клеёнкой в васильках, и допотопная чугунная плита. Кто-то разжег её несколько часов назад, и сейчас в ней лежала груда углей, тлеющих ровным багровым жаром. На плите стоял выдавший виды эмалированный чайник. В углу два ведра, таких же старых, как и всё в этом доме — с углём и водой.

Небогатое хозяйство...

На столе лежало что-то, прикрытое чистым вафельным полотенцем. Сознывая всё неприличие своего поведения, я не удержалась и приподняла шершавую ткань.

Полбуханки черного хлеба. Банка меда. Десяток крупных зеленых яблок. Насыпанные прямо на стол сушки.

Я аккуратно опустила полотенце, стараясь, чтобы складки легли точно так же.

Над столом фанерная полка с выпиленными лобзиком узорами. На полке сгрудились разнокалиберные чашки, заварочный чайник, вскрытая пачка чая — того самого, из детства, «со слонем».

Мои кроссовки оказались у входной двери, на полосатом половичке. Они были аккуратно расшнурованы — кем? Уж точно не мной. Куртка висела здесь же, на гвоздике.

Кто-то принёс меня сюда, разул, уложил на кровать, накрыл одеялом... Кто и зачем? Где моя сумка, где телефон и ключи, где всё, что там было?

Непонятное беспокойство гнало из этого странного дома. Я завязала шнурки на кроссовках и отворила тяжёлую обитую коричневым дерматином дверь.

На улице сиял солнечный вечер. Калиновый куст у крыльца покрыт тяжёлыми красными кистями, листья пожелтели только по краям. Ягоды горели под солнцем и выглядели такими аппетитными, что я отщипнула одну и сунула в рот.

И тут всё вспомнилось — словно резкая кислота раскушенной ягоды вернула мне память.

Те двое в ночном плохо освещённом переходе. Заведомо смертельный удар. Всё это было в промозглом октябре, когда листья облетели, трава давно пожухла, а в воздухе висело предчувствие снега.

Где я, чёрт возьми?

Чуть не подавившись ягодой, не думая, что меня могут увидеть, я сорвала с себя пуловер, распялила его на трясущихся руках и стала просматривать на свет.

Есть, вот оно. Маленькое красное пятнышко на плотном кремовом трикотаже. И аккуратная дырочка у него посередине...

Я бросилась в дом, на ходу ощупывая поясницу. Под пальцами боли не ощущалось. Вбежав в комнату, я повернулась спиной к зеркалу и чуть не свернула себе шею, пытаясь в него заглянуть.

В пыльном стекле отражалась занавеска в цветочек. Не веря собственным глазам, я схватила зеркало, поднесла его к лицу. Теперь в нем отражались часть бревенчатой стены, дверь и моя куртка на гвоздике.

Всё, что было у меня за спиной, кроме меня самой.

Ноги у меня подкосились, я опустилась на кровать и продолжала тупо смотреть в зеркало. Моего отражения там по-прежнему не было.

Не знаю, сколько я просидела с зеркалом в руках и без единой мысли в голове. Наконец встала, поставила зеркало обратно на комод, оделась и вышла на крыльцо. Я не могла оставаться в этом непонятном доме, под одной крышей с отменившим законы физики зеркалом.

Я села на верхнюю ступеньку и уставилась перед собой. В голове стоял невнятный гул, словно множество мыслей пытались привлечь моё внимание. Пока ни одной из них этого не удавалось.

А вечер был чудесный. Солнце стояло ещё высоко, пригревало как раз в меру, налетавший временами прохладный ветерок подчеркивал блаженное солнечное тепло. Только сейчас я увидела, что дом стоит недалеко от реки: до заросшего редким камышом берега было метров триста. Прищурившись, я разглядела, что дальше по зеркалу воды камыш растёт всё гуще и переходит в сплошную стену, уходящую в быстро густеющий туман. Ключья тумана виднелись и недалеко от берега.

Но откуда взяться туману задолго до заката?

Надо было чем-то заняться. Ну, хоть пойти на берег, прогуляться по воде.

Я спустилась с крыльца — каждая доска, каждая ступенька скрипели по-своему — и побрела к берегу. Солнце, ветер, звон кузнечиков в высокой траве, запах полыни, — всё было так хорошо, что не хотелось торопиться. Пойду потихоньку, посижу на бережку. Подышу речной свежестью, подумаю. Авьось до чего додумаюсь...

Вопросов накопилось много. Где я? Как попала сюда, в эту глушь, где нет ни единого признака человеческого присутствия, кроме этого странного дома: ни дороги, ни линии электропередач, ни одного самолёта в небе за всё время? Даже собаки нет, а как в такой глуши без собаки? Почему не видно и не слышно птиц и лягушек — лягушки-то должны быть, берег же рядом?

Кстати, а где же река?

Река была всё там же. Дом остался позади, крыльцо было плохо видно, оно сливалось в одно целое с домом. Но речной берег и камыши не приблизились ни на метр.

Я постояла, стиснув зубы и сжав кулаки, изо всех сил не давая себе скатиться в истерику. Ну что ж, буду идти дальше и считать шаги... Почему-то мне казалось очень важным дойти до берега. Отсчитаю сто шагов — загну один палец. И так до тех пор, пока будет виден дом. Надо же куда-то вернуться на ночь...

Через три тысячи шагов дом превратился в темное пятнышко, но берег ближе не стал. Приходилось признать своё поражение. Но что, собственно, я надеялась найти на ускользящем берегу? Может быть, хозяина этого странного дома? Рыбака, сидящего там с удочкой?

Да кого угодно. Человека, способного мне объяснить, куда я попала и что здесь творится.

Я пошла обратно: надо успеть засветло. На этот раз время и расстояние вели себя нормально — или, скорее, привычно. Дом был уже рядом, когда я с удивлением почувствовала, что совсем не устала. А ведь прошла быстрым шагом не менее четырёх километров. И ещё что-то было не так... Когда я поняла, в чём дело, то остановилась так резко, словно наступила на край пропасти.

Тени не удлинялись. Солнце не спускалось к горизонту. Всё было так, словно я только что вышла из дома.

Я взбежала на крыльцо и бросилась на кухню. Жар не прогорел. Чайник не выкипел. Ходики по-прежнему показывали половину пятого.

Я зачерпнула воды из ведра, экономно умылась на крыльце и уселась на верхнюю ступеньку. Надо решать, что делать дальше, но в голову ничего не лезло. Что можно предпринять там, откуда нельзя уйти, но куда можно вернуться?

Ну что ж, попробую подождать. В этом доме можно разве что переночевать, но кто-то здесь явно ночует.

Джинсы были облеплены сухими травинками и семенами. Я взялась их отчищать, и вскоре обнаружила, что напеваю себе под нос. Мне было так страшно и одиноко, что хотелось услышать человеческий голос, хотя бы и свой:

— Сабельки, пулечки, пушечки,
 Выбритые макушечки,
 Цепкие лапы Родины
 Да письмоце семье...
 Холмики, крестики, нолики —
 Где вы теперь, соколики?
 Где вы теперь, служивые,
 Спите в какой земле?

Петь так громко, чтобы заглушить его шаги, я не могла, но и его шагов не слышала. Поэтому, когда он возник передо мной, я испугалась так, что слова не могла сказать. Это не помешало мне рассматривать незнакомца во все глаза.

Высокий, плечистый, но худощавый. Одет в поношенный армейский камуфляж. Остросулое лицо с горбатым ястребиным носом и твёрдо очерченным подбородком. Круглые ярко-жёлтые глаза. Высоко посаженные заострённые уши. Волосы короткие, тёмные, с проседью на висках. Сильная шея в вырезе камуфляжной майки.

Он смотрел на меня так, словно увидел привидение: ошарашенно, недоверчиво, и, кажется, с легким ужасом.

— Ты откуда эту песню знаешь?

— В маршрутке услышала, понравилась, потом скачала себе на телефон, — столь же ошарашенно ответила я, не успев даже обрадоваться, что появился кто-то, способный объяснить мне, где я нахожусь и что здесь происходит.

— Понятно. Ну, пойдём, чаю выпьем. Меня, кстати, Андрей зовут.

— Меня Вера.

Он в два шага оказался рядом со мной на крыльце, переступая через несколько ступенек разом. Ни одна певучая доска не скрипнула под его кроссовками, и я невольно отметила, как пластично и легко он движется.

На вид ему лет тридцать пять... Для этого возраста так двигаться — значит, иметь большой спортивный опыт.

Или не только спортивный.

Эти мысли мелькали на фоне затопляющего облегчения: сейчас, наконец, мне расскажут, где я, что это за странное место и как отсюда уехать. Не с неба же он сюда свалился...

И ещё казалось, что где-то я его уже видела.

— Ты на кухне была?

— Да.

— Ну, значит, знаешь, куда идти.

Вдвоём в кухне мы помещались с трудом. Андрей кивком показал на снесь под вафельным полотенцем и стал заваривать чай. Видимо, мне предлагалось хозяйничать. Я отрезала пару ломтей хлеба, открыла банку с мёдом и поймала себя на том, что есть совсем не хочется. Странно, сегодня прошла приличное для себя расстояние, а ела последний раз часа за три до того, как привезли автодорожку. Но когда это было? Сколько я проспала?

Я решила нарезать яблоки тонкими ломтиками, чтобы макать в мёд и есть. Одно нашинковала быстро, а с плотной кожицы второго ножик соскочил и полоснул по пальцу. Вот ещё не было печали... Я полезла в карман джинсов за бумажными салфетками и увидела, что порез не кровит.

Из всех сегодняшних нелепостей эта была самой дикой. И самой страшной. Я смотрела то на сухой чистый порез, то на Андрея и не могла вздохнуть от давящего ужаса.

Во взгляде Андрея сквозило огорчение, словно что-то шло не так, как ожидалось. Он взял мою руку и положил её на проекцию сонной артерии у меня на шее.

Пульса не было, только привычное ощущение гладкой теплой кожи.

А я, оказывается, умею падать в обморок. Никогда не знала за собой таких талантов.

Очнулась я на той же кровати, точно так же разутая и укрытая одеялом. Мне показалось, что время повернуло вспять, но тут вошел Андрей с двумя чашками чая.

— Оклемалась? Давай всё же чай пить.

Я села на кровати, взяла чашку и задала главный вопрос:

— Что это?

Он подтащил к кровати венский стул, сел, отхлебнул чай и ответил:

— Тот свет.

Оглушенная этими словами, я могла только слушать, но не могла осознать, что это правда. Она была невозможна, невероятна, как убегающий берег и невыкипающий чайник.

Меня всё-таки убили в том переходе, но переход был не простой. Не только с улицы Кирова на Советскую, но и с «этого» света на «тот». Сейчас мы оба на «той» стороне. Меня выбросило сюда в состоянии клинической смерти. На другой стороне, в нашем привычном мире, остались боль, голод, усталость. И время. Здесь их нет.

— Ты пей чай-то.

Я сделала глоток. Горячий чай, хорошо заваренный...

— Как же это?...

— Ты его пьёшь, потому что помнишь: это было приятно. Здесь ешь и пьёшь только для удовольствия или отдыха. И только то, что можешь вспомнить. Если ты раньше ела икру или ананас — все это здесь будет. А если никогда лангустов не ела и захочешь их попробовать, то не получится. Потом, когда не сможешь как следует вспомнить, это уйдет окончательно. Между прочим, сортир здесь тоже не нужен.

— А почему к реке не подойти?

— Потому что тебе ещё рано. Здесь, на этом берегу... — он замялся, подбирая слово, — ну... караулка вроде...

— Карантин?

— Кому чего, — Андрей усмехнулся, — ты врач, что ли?

— Медсестра. А ты?

— А я, — он оскалился, словно всплыло неприятное воспоминание, — пес бездомный, капитан внутренних войск — вз-чэ шестьдесят семь семьдесят, отряд спецназначения «Скиф». Прошу любить и жаловать!

— Хорошо, буду.

Он ошеломлённо посмотрел на меня и захохотал, показывая отличные сплошные зубы.

— Ну, с тобой не соскучишься!

— Пока никто не жаловался, — с достоинством ответила я. — А что на том берегу?

Андрей оборвал смех и прищурился.

— Не знаю. Может — ничто, а может — вечность. «Дальше — тишина».

— Не думала, что во внутренних войсках любят «Гамлета».

Похоже, он обиделся.

— Ну да, конечно, там одни тупые мордовороты...

— А то... «Удар искросыпительный, удар зубодробительный, удар — скуловоррррот!»

Андрей зашёлся от смеха и помолодел на глазах.

— Один-один! Некрасов! В училище была хорошая библиотека. А я читал больше всех, память тренировал...

Мы выпили два чайника чаю, съели сушки и яблоки, ополовинили банку с мёдом. Говорили и не могли наговориться. Порой всплывала

мысль, что так я не говорила никогда и ни с кем, ни с кем никогда не чувствовала себя так легко и свободно.

— А ты как сюда попал?

— Так же, как и ты. Меня убили в том же подземном переходе.

— Так что, обязательно именно там умереть, чтобы сюда попасть?

— Не только. Дело в том — как. До меня здесь был Кузьмич: он наверху, на улице вытолкнул мальчишку из-под машины, спустился вниз — и умер от разрыва сердца. Я... меня гопота забила ногами, но я же «краповый берет», дешево им и лежачий не дался. Про тебя я и так знаю.

— Откуда?

— Здесь можно узнать всё, что захочешь.

— Тогда скажи, тот... живой?

Андрей на несколько секунд прикрыл глаза.

— Нет, уже сдох. Ты этого пожелала напоследок, а такое всегда исполняется. Ну, и палец ты всадила качественно, до дна глазницы.

— А тот, который был сзади?

— С шилом? Тоже сдох, от передоза. Но ты здесь ни при чём.

— А жаль.

— Не о чем тебе жалеть. Их нет, а ты есть.

— Так ведь меня тоже нет.

— Там. А здесь есть. Тебе что, плохо здесь?

Возразить было нечего.

— Так что получается?

— Получается, что надо умереть как человек, а не как чмо. Либо спасая кого-то, либо драться до конца. Ведь ты не испугалась.

— Не успела. А потом только ярость и желание захватить с собой.

— Ну вот, сама видишь.

— А почему дом такой допотопный?

— Это как с едой: что сможешь чётко представить себе, то и будет. Дом моих деда с бабушкой, они меня вырастили. Я его вспомнил как смог. Другого дома у меня и не было: сначала в кадетку, потом училище, потом общага.

— А потом?

— Потом служба... много чего. В девяносто девятом событии в Дагестане, слышала?

Я не «слышала» — я там была. Но вслух сказала только «угу».

— Я на мне подорвался, ноги выше колен ампутировали. Потом интернат. А потом меня продали.

— Как — продали?

— В нищие. Директор продал. Наверно, снотворного подсыпали, очнулся связанный в каком-то гараже. Сашка-цыган сказал, что теперь буду на него работать — там, в интернате, меня уже похоронили. Ну, бомжа какого-то похоронили под моим именем. Я один, искать меня некому. Паспорта нет, телефона нет, протезов нет — не успел получить. И меня самого нет... Послал я Сашку по известному адресу. Заперли меня в га-

раже на пару дней. Гараж во дворе здорового дома на отшибе, кричи, не кричи — никто не услышит. Думал, хоть бы сдохнуть поскорей, но не дали — видно, я дорого Сашке обошёлся. Через два дня принесли воды, и меня опять вырубило. Пришёл в себя — голова еле работает, кружится, словно много крови потерял, координации нет ни хрена, слабый, как котёнок...

Я примерно догадывалась, на какой препарат его посадили.

— ...ну, и потом на рабочее место, в тот самый переход. Весь в камуфле, голубой берет мне купили в военторге... Сашка заставлял ордена надевать — у меня два ордена Мужества ...было... — да я их ему в морду кинул. Он, видно, их продал, ссссука... а мне потом другие пришили-вали. Небось у алкаша дедовы ордена купил за бутылку: Красное Знамя и Красную Звезду, окопные, ходовые. Картинка: «Подайте доблестному воину!» Ттттттовую мммаать! Ох, извини... Подавали хорошо, рядом Нинка-«мадонна» сидит, деньги забирает и меня пасёт, чтобы рот не открывал. Мне ещё раньше объяснили, что у Сашки всё схвачено, а буду прохожим вякать, то на первый раз Таньку-хромую, такую же рабыню — а ей всего пятнадцать было — на хор поставят у меня на глазах... а на второй раз просто в выгребной яме утопят. Вот и сижу целый день, повторяю про себя стихи или таблицу умножения, чтобы не рехнуться... Записку написать нечем, Нинка с меня глаз не спускает — ценный кадр, рабочая скотина... Однажды у них нестыковка вышла. Нинка свалила куда-то, второй час ночи, а я всё сижу, окоченел весь. И ни одного прохожего, как назло! Тут компания гопоты шлёпает, все и так уже хорошие, и у каждого полторашка пива. Остановились и давай надо мной ржать: «Во, был пёс служебный, стал пёс бездомный! Служи, Бобик, служи! Апорт! На-на-на, Бобик!». Беляшом в меня кинули, в лицо попали... а я голодный как собака... И тут у меня словно шторка в голове упала. Слишком близко они подошли — я двоих уронил... ну, а прочие меня толпой запинали. Одному я успел зубами ахилл вырвать — он в кроссовках был, а остальные в берцах. Очнулся уже здесь. Тебе что, нехорошо?

— А что с ними потом было? — спросила я, с трудом, словно на морозе, шевеля губами.

— С гопниками? Не знаю, мне неинтересно. Тем двоим я шеи сразу сломал. А прочими ...благодетелями... поинтересовался. Сашку конкуренты грохнули. Директор интерната от рака умер. А я вот здесь... и в переходе.

— Как — в переходе?

— А я разве не сказал? Кто сюда попадёт через него, становится его Хранителем. Когда «там» день, он в переходе, а в полночь открывается Переход для него — сюда.

— Так если он «там» мёртвый, какой он Хранитель?

— Там он живет в другом облике. Я там пёс. Ты ведь не сомневалась, что это так, и приносила мне мясо. А здесь я человек, да ещё и ноги на

месте. Здесь всё так, как сможешь себе представить. Я очнулся уже с ногами — привык, знаешь, дольше прожил с ними, чем без них.

Я не могла в это поверить, но чувствовала, что мне говорят правду. В очередной раз предстояло смириться с тем, что здесь может случиться всё, что угодно — но по непонятным закономерностям. Нужно их найти и осознать, и тогда не будет так страшно.

— А как ты выбрал, кем быть «там»?

— Само получилось. Но меня устраивает. Может, потому, что те гадёныши меня псом называли? А ещё тогда весь день в голове крутилось: «...и псу не жить, как я живу...». Прочитал когда-то, запомнилось. Да и кто ещё может там жить, не бросаясь в глаза? Собака, конечно, не лошадь же. Кузьмич, кстати, тоже собакой был.

— Такой же? — с неожиданным для себя любопытством спросила я.

— Нет, он рыжий был, мохнатый, с низким клиренсом. Зеркала там не предусмотрены, так Кузьмич толком и не знал, какой он из себя, пока какая-то девчонка не завершала: «Ой, Каштанка, Каштанка! Папа, давай её к себе возьмем!»

— Ладно хоть не Муму...

Он усмехнулся.

— Нет, Муму там не выживет. Только дворняга. А уж какая дворняга из кого получится — это, наверно, от человека зависит. Главное, чтобы тебя никто из перехода не забрал: не знаю, что тогда с Хранителем будет. Понимаешь, как человек ты там умер. Жить там можешь только в другом теле и только в переходе. А человеком — только здесь.

— А что Хранитель делает?

— Охраняет переход и ... — он запнулся, — ждёт сменщика.

— Сменщика? То есть ждёт, пока ещё кто-нибудь умрёт в переходе?

— Да. Вот я — сменщик Кузьмича. А кого он сменил, не рассказывал, неразговорчивый был.

— Был? А что с ним стало?

— За речку ушёл. Здесь так: пришёл сменщик, и прежний Хранитель уступает ему место.

У меня пересохло во рту.

Молчание повисло в воздухе, пронизанном золотым вечерним светом, набухало тяжестью, делалось невыносимым. Свой голос я услышала словно со стороны и не узнала его:

— Так твой сменщик — я?

— Да.

Этот мир обрушивал на меня глыбу за глыбой.

— Но ты же никуда не ушёл.

— Сразу и не уходят.

— А когда?

— Через девять дней — тамошних.

— Почему?

— Не знаю. Здесь правила установлены давным-давно и не нами. Но, видно, неспроста всё это: три дня, девять дней, сорок дней...

Я чувствовала, что всё внутри меня словно налито тяжёлым холодным свинцом. Или страхом?

А чего ты хотела? Ты задала вопрос — тебе ответили. Так есть. Как бы ты к этому ни относилась, это ничего не изменит.

Так есть. Я умерла и вместе с другим покойником пью на том свете чай. С мёдом и сушками.

Бред какой-то.

Словно через толстый слой ваты до меня донесся голос Андрея:

— Попробуй отдохнуть. Может, уснёшь по старой памяти. Я на тебя слишком много сразу вывалил, извини. Когда мне Кузьмич всё, наконец, рассказал — в час по чайной ложке, молчун был, зараза, — я, помню, тоже был как контуженный, пока всё переварил. Но у меня всегда стрессоустойчивость была высокая. Ты ложись, укладывайся. Я на полу лягу, у меня ещё одеяло есть. Если хочешь, сейчас стемнеет.

— Мне всё равно. Ты это можешь сделать?

— Я тут все могу. У Кузьмича здесь была зима, морозное такое утро. «Мороз и солнце, день чудесный...» И дом был — копия его собственной дачи. Под окном берёза вся в инее, солнце играет, красота...

Я лежала, свернувшись в клубок, и не могла уснуть. Слишком много я узнала и слишком быстро. Каждый раз, когда думала, что хоть что-то мне понятно, мир Перехода обрушивал на меня новую вводную.

— Ты не спишь? А что плачешь?

Я только сейчас заметила, что всё лицо у меня мокрое. Оказывается, я беззвучно плакала, сама того не замечая.

— Я думала, что страшно только умирать, а потом всё кончается. Оказывается, умереть тоже страшно. Чем дальше, тем страшнее...

— Не плачь. Иди сюда.

И я рухнула в его руки, как в омут.

Когда я проснулась, в окна по-прежнему лился золотой вечерний свет. У меня было время, чтобы обдумывать и вспоминать, но всё тело было полно памятью о зрелой, неторопливой, щедрой любви, и эта память не давала мне думать.

Я никогда не была монахиней. Мужчины у меня были и до замужества, и после развода. Но, оказывается, я до сих пор не знала, что такое настоящий мужчина. А узнала только сейчас.

Раньше мной насыщались. Бывало, насыщали меня. Но никогда я не чувствовала, что меня берегут, обо мне заботятся, мной восхищаются.

Что меня любят.

Оставалось надеяться, что Андрею со мной было так же хорошо. Я чувствовала, что это так и есть, но боялась себе в этом признаться... хотя чего бояться тому, кто уже умер?

Эта мысль уже не вызывала прежнего ужаса. Правда, что человек — животное, которое ко всему привыкает. Я машинально проверила у себя пульс — его по-прежнему не было. Кожа оставалась тёплой. А вот порез на пальце затянулся. Странно, но так есть...

Я настолько полно ощущала присутствие Андрея после ночи, что не удивилась, когда он возник на пороге — по-прежнему бесшумно. Вопрос читался на его лице ещё до того, как прозвучал:

— Ты не...

— Спасибо тебе.

— Тогда пойдём. У нас мало времени. Один день уже прошёл.

Я помнила об этом, но хотела забыть. И вскоре забыла — об этом и обо всём другом на том и этом свете.

Времени здесь не было. А если б и было, то оно остановилось бы.

— Расскажи о себе, — сказал Андрей, когда мы, наконец, оторвались друг от друга.

— Ты же говорил, что здесь узнаёшь все, что захочешь. Наверно, всё и так обо мне знаешь.

— О тебе — не хочу. Захочешь, расскажешь сама, когда соберёшься.

— Да и рассказывать особенно нечего. Школа, медучилище, работа. Два раза пыталась в институт поступить, всё баллы недобираала. Потом завотделением мне как-то говорит: «Вера, я тебе скажу, а ты подумай и не обижайся. Таких операционных сестёр, как ты — одна на тысячу. Какой из тебя будет врач — не знаю. Лучше быть правой рукой хорошего хирурга, чем хирургом, у которого обе руки левые».

Я это пропустила мимо ушей, ещё раз подала документы — и опять балл не добрала до проходного. Проплакала ночь и решила оставаться тем, чем есть.

Андрей внимательно слушал и ни о чём не спрашивал — ни о семье, ни о мужчинах, ни о детях. Почему-то это радовало.

Его рука гладила моё бедро, скользила к колену, нежно обхватывала его, сжимала на мгновение, поднималась чуть выше, снова сжимала. Я уже видела эти длинные пальцы, и лежали они точно так же. И эти жёлтые глаза тоже видела.

И я вспомнила. Всё, наконец, связалось воедино.

Тогда, в девяносто девятом, я служила в армии. На квартиру хотела заработать, идиотка...

Нашу медсанчасть развернули в уцелевшей школе. Бои шли вторую неделю, и раненых везли потоком. Оперировали всю ночь, и ног я давно не чувствовала. Было уже совсем светло, когда в операционную внесли очередные носилки.

— Много ещё? — безнадежно спросил осунувшийся, серый от усталости анестезиолог.

— Этот и ещё двое, тащ-капитан, — ответил санитар-срочник.

Хирург, опытный, толковый и немногословный Кирилл Иванович, глянул на раненого и тихо присвистнул. Я уже знала, что такой свист ничего хорошего не предвещает.

Ниже колен были только окровавленные лохмотья камуфляжа. Санструктор сделал все, что мог: наложил жгуты и обезболит. Раненый был без сознания, но его длинные грязные пальцы надёжно пережимали бедренные артерии — именно там, где надо. И медбрат Женя-москвич, тихо матерясь сквозь зубы, безуспешно пытался ослабить эту хватку.

— Шпатель возьми и отгибай им по одному, — сказал хирург, — Вера, давай премедикацию.

Анестезиолог спал на стуле, откинув голову, чудом не сваливаясь на пол.

От укола раненый на секунду раскрыл невидящие глаза, и меня поразило, какие они ярко-желтые. Словно у кота... или у кого?

— Давайте на стол, фиксируйте. Вера, буди доктора.

Я снова превратилась в автомат, подающий инструменты и считающий салфетки. Где-то в мозгу сквозь усталость и недосып мерцала мысль: «...хоть бы удалось сохранить колени...»

Не удалось.

Дальше все сливалось в одно — пока я по стенке не добралась до кабинета физики, где стояли наши койки, рухнула на чью-то свободную и мгновенно уснула.

В памяти остались жёлтые глаза и вцепившиеся в ускользящую, вытекающую вместе с кровью жизнь пальцы. Мне хотелось узнать, как он вышел из наркоза, но «вертушка» уже ушла на Моздок.

Я вернулась из прифронтового госпиталя сюда, в золотой негаснущий вечер, увидела, что Андрей спит, и блаженно заснула сама.

Проснулась я от оглушительного крика:

— Слева! Снайпер! Серый!

Он кричал во сне, и я потрясла его за плечо. Проснулся он мгновенно.

— Снова приснилось... что я орал?

— Ты кричал: «Слева, снайпер!»

— Опять... Ты испугалась?

— Здесь вроде уже нечего бояться.

— Если бы ещё и не снилось ничего. Я радовался, что здесь спать почти не надо.

— Расскажи.

— Выходили с напарником к своим, я увидел, что в зелёнке прицел блестит, заорал: «Серый!», он обернулся — и тут ему пуля в голову... Придурок, если бы крикнул: «Ложись!» или — что я там кричал? — «Слева!» — да, тот и был слева, с-с-сука — может, Серёга был бы жив.

Вот видишь, ты говорила, что рассказывать о себе нечего — и у меня нечего. Кровь и грязь, кровь и грязь...

— И у меня кровь и грязь. Хирургия, что ты хочешь.

— Но ведь что-то хорошее было?

— Было. Операции.

— И у меня операции! Когда всё по плану, без потерь, задача выполнена. Словно раздваиваешься: голова работает сама по себе, а тело на рефлексах. Таймер в голове тикает, а время растягивается.

— Или стоишь у стола и видишь на шаг вперед, какой инструмент понадобится, и он тебе словно сам в руку прыгает. Сливаешься с хирургом в одно, его мысли тебе в голову перетекают.

Андрей слушал так внимательно, что я решила задать вопрос, который давно вертелся на языке.

— Послушай, я всё хотела спросить... Хранитель — что он охраняет? Переход?

— Нет, Переходу ничто повредить не может. Когда сидел там с Нинкой, то прикидывал, сколько и куда пластика надо, чтобы его обвалить. Как в клетке сидел, как в зоопарке... а я хороший подрывник, вот и подсчитывал, чтобы не рехнуться. Мечтал, дурак, чтобы и меня там завалило, недобитого, и Нинку-сучку, и этих всех, что идут мимо с пустыми глазами. Здесь мне объяснили, что Переход отсюда сюда — он не человеком создан, и не человеку его разрушить. Вот переход с Кирова на Советскую, бетонную коробку, подорвать можно. А Хранитель охраняет тех, кто по нему идёт.

— Кто тебе объяснил — Кузьмич?

— Нет, Кузьмич молчун был ещё тот. Да и сердит был: долго меня ждал, целых семь лет. Дождаться не мог, когда за речку уйдёт, всё хотел там Варю свою разыскать. Девять дней, пока я тут обживался, именинником ходил, аж светился весь. Потом хлопнул меня по плечу, сказал: «Бывай!» — и ушёл. Кузьмич здесь ни при чём. Это Разводящий объяснял.

— Кто это?

— Не знаю. Я его не видел, с ним не разговаривал. Он сам на связь выходит. Надо задать вопрос, и в голове всплывает ответ, словно знал уже когда-то, но забыл, а теперь вспоминаешь. Но только когда прежний Хранитель уйдёт.

В переходе ты знаешь, что кого ждёт. Люди идут мимо, а ты видишь, что с ними случится в ближайшее время. Если им грозит опасность, но её можно предотвратить — вмешиваешься. Вот и всё.

Итак, мне предстояло играть роль Судьбы. А что предстояло ему?

Андрей словно услышал мои мысли.

— Я спрашивал, что на том берегу. Разводящий не отвечает. Может, сам не знает. Может, это определяется тем, что успеваешь сделать в переходе. Вот так.

— Интересное кино получается...

— Нам невероятно повезло. Мы умерли там — и живы здесь. Сколько бы это ни продлилось, что бы ни было потом — это царский подарок. Я ни о чём не жалею.

— И я. Потому что мы встретились.

— Когда увидел тебя на крыльце, не мог в это поверить. Возвращаешься — а здесь любимая женщина сидит и поёт твою любимую песню...

Я не сразу поняла, что он сказал.

— Любимая?

— Я тебя заметил ещё в переходе. Лежал и думал: почему я не встретил её, когда был самим собой — живым, здоровым, с ногами... А потом ты принесла мне мяса. Не пирожок недоеденный бросила, а специально принесла, порадовать хотела...

Если бы я ещё был в переходе... — ну, тогда... — ничего бы не случилось. Тем двоим я бы глотки перегрыз, и плевать, что бы потом было. Хотя Разводящий предупреждал, что убивать Хранитель не имеет права... Ну, что ты плачешь? Посмотри на меня!

Я торопливо вытерла глаза, взглянула на Андрея и не удержалась от смеха. Он скорчил явно отработанную гримасу: моргнул, неуловимо быстро дернул головой, и его худое горбоносое лицо стало совершенно птичьим.

— Ну вот, хоть услышал, как ты смеёшься. Моя бы воля, ты б никогда ни одной слезинки не пролила.

Он подхватил меня на руки, и я поняла, что я дома. И что я счастлива.

Здесь, в мире Перехода, времени не было. Но в том мире, где меня уже похоронили, время летело, и я, таясь от самой себя, отсчитывала: осталось шесть дней... четыре... три... Что будет дальше, я знала, но не хотела знать.

Мы бродили по степи между домом и недостижимым берегом. Говорили обо всём на свете. Смеялись. Вспоминали прежнюю жизнь. И, замолкая на полуслове, вновь и вновь проходили один и тот же путь, встречаясь посередине, сливаясь в одно целое.

— Ты знаешь, я никогда не была так счастлива. Если бы мне сказали, что такое бывает, но для этого нужно умереть, не задумалась бы ни на секунду.

Андрей погладил меня по щеке.

Последнюю ночь мы провели, тесно прижавшись друг к другу, не разговаривая, не целуясь. Будущее накатывалось на нас холодной чёрной волной.

— Ты меня проводишь?

— Я бы с тобой ушла.

— Невозможно, сама знаешь. Я тебя там буду ждать. Когда придёшь туда, позови: «Филин!»

— Почему?

— Мой позывной. И вообще, это моя фамилия. Да и кличка с детства, ещё папаном в школе дразнили, даже не знали, что это фамилия. Я ж ещё и вижу в темноте...

Андрей снова сделал ту же гримасу, став на миг птицей — да, точно... Круглые жёлтые глаза, крючковатый нос — филин, грозный ночной охотник...

— Ты только позови. Если это вообще возможно — я приду. Не огорчайся, что приходится расставаться. Давай радоваться, что у нас это было. Столько счастья мало кому выпадает, и никто у нас его не отнимет. Ничего лучше у меня не было.

— И у меня, ты же знаешь.

— Ты сможешь здесь всё переделать. Представишь себе дворец, сад или джунгли — и всё это будет.

Мы оба знали, что ничего переделывать я не буду.

Я уже завязывала кроссовки, Андрей замешкался.

— Ты подожди на крыльце, я сейчас.

Я вышла на крыльцо, в нескончаемый летний вечер и вновь, как вечность — девять дней — тому назад, отщипнула просвечивающую на солнце ягоду калины и кинула её в рот.

Кислый вкус калины и ожидание надвигающегося конца отбросили меня на двадцать лет назад.

Баба Фрося, незабываемая баба Фрося. Вообще-то она была моей прабабушкой, но слова этого терпеть не могла.

Она пережила всех: мужа, детей, внуков. И умирала на десятом десятке в здравом уме и твёрдой памяти, без малейшего страха. После той жизни, которую она выдюжила, напугать её было невозможно. Я ухаживала за ней, чередуясь с Таней из процедурки и Светой из терапии. Все мы работали в смену, им я доплачивала — немного, ведь сложных процедур не требовалось. Старость не лечится...

Хорошо, что тогда было моё дежурство. Баба Фрося почти не разговаривала — всё уже было сказано — но тут окликнула меня.

— Верка, сядь и слушай, что скажу. Будешь мужика на войну провожать...

— Баб-Фрось, ну какая же война! Да я сама военнообязанная — еще кто кого провожать будет.

— Цыц, дура, молчи и слушай. Тебе этого никто не скажет. А войны у Бога на всех хватит...

Баба Фрося замолчала, отдышаваясь. Узловатые руки в старческой «гречке» безостановочно перебирали край одеяла.

— Будешь мужика на войну провожать — не реви: каждая твоя слеза ему там пулей будет. Мне моя бабка говорила, а я тебе говорю... Мы своих в сорок втором провожали: все бабы ревут, слезьми умываются, а

я молчу, помню бабкины слова. Вот один мой Степан и вернулся, из всех двадцати. Хоть детей успели нажить, пока он не потонул на лесосплаве.

Ну, я сказала, ты услышала, и ладно. Пойди теперь, свари мне кисельку, захотелось что-то...

Я метнулась на кухню. Баба Фрося третий день пила одну воду.

Когда я вошла в комнату с чашкой клюквенного киселя, там уже никого не было.

Я закрыла бабе Фросе глаза, села рядом и медленно выпила кисель, который она выпить не успела. Почему-то это показалось важным, словно она меня об этом попросила. Потом долго снилось, что успеваю принести этот несчастный кисель. А та чашка — с олимпийским Мишкой, выщербленная с краю, — разбилась на поминках.

Андрей легко прикоснулся к моему плечу:

— Подвинься, давай посидим на дорожку.

(Баба Фрося, я помню...)

Мы сидели рядом, держась за руки. Так, держась за руки, не сговариваясь, одновременно поднялись со ступеньки и пошли.

Берег маячил вдали, не приближаясь, и я вдруг поняла, что вместе мы туда никогда не дойдем. Андрей явно подумал о том же, пробормотал: «Долгие проводы — лишние слёзы» — и подхватил меня на руки.

На берегу мы оказались слишком быстро. Андрей бережно поставил меня на ноги. Мы постояли, обнявшись, и молча опустили на песок.

Время вновь остановилось.

Когда я открыла глаза, он стоял у кромки воды.

— Не пей... из реки... — сказала я и не узнала своего голоса.

— Думаешь, я тогда всё забуду? Хорошо, не стану.

Я видела, что ему страшно, и он привычно преодолевает страх.

— Как ты думаешь, что там?

— Что гадать, скоро узнаю. Если что-то есть — вдруг получится, как у Высоцкого: «... пусть пишут в хранители нас». Всегда любил эту песню. Кто бы мне сказал, что так и окажется. Может, и там буду хранителем. А что? Опыт уже есть. Правда, ангел из меня хреновый...

Он всматривался в камыши, в ползущие клочья тумана, словно искал блеск прицела или чьё-то движение. Лицо на глазах застывало, превращалось в маску с полузакрытыми глазами: охотник в засаде...

— Ну что... Пост сдал. Что надо сказать?

— Пост принял, — сдавленно ответила я.

Андрей кивнул и ступил в воду. Нет, он шёл по поверхности воды, и та слегка прогибалась под его кроссовками.

Шагов через десять он обернулся и негромко сказал:

— Я тебя люблю.

— И я тебя.

Он опять скорчил ту же гримасу — на меня искоса глянул филин, желтоглазый ночной охотник — улыбнулся и помахал мне.

Больше он не оглядывался.

Камыш быстро растворил в себе высокую фигуру в камуфляже.

Не знаю, сколько я просидела с гудящей пустотой в голове, глядя на уходящую в туман стену камыша. Потом встала и побрела обратно. Ноги не слушались, всё тело было как чужое. Чужим было все вокруг: пахнущая прогретой полыньей степь, солнце, ветер. Без Андрея всё это не имело ни малейшего смысла. Впервые в мире Перехода я ощутила усталость, и она гнула меня к земле. Хотелось упасть в траву и лежать, но я тащилась к дому, словно меня там кто-то ждал.

На крыльцо я взобралась, подтягиваясь за перила. В доме было пусто и тихо. Надо было как-то быть, что-то делать. Я решила вскипятить чайник.

На столе, на клеёнке в мелких васильках, углем была нарисована голова филина. Лёгкие острые штрихи обрисовывали торчащие «ушки» и намекали на распушённое ветром оперение. Непонятно, как Андрею это удалось, но было ясно, что филин улыбается. Внизу чётким чертёжным шрифтом было выведено: «Я тебя люблю».

Я упала головой на стол и завывала в голос.

Отрезвила мысль, что рисунок размажется. Я отпрянула от стола — так и есть, слово «люблю» превратилось в пятно и с трудом читалось.

Главное, филин был цел и продолжал улыбаться. А что Андрей любит меня, я и так знала. Всхлипывая, давясь слезами и судорожно сглатывая, я подхватила ведро с водой и пошла на крыльцо умыться. Было стыдно перед кем-то — перед Андреем, перед бабой Фросей? — за слёзы и едва не испорченный рисунок.

Проходя мимо комода, я боковым зрением уловила что-то необычное, повернула голову и увидела в зеркале своё отражение.

Я со стуком поставила ведро на пол — вода плеснула мне на ноги — взяла зеркало и, как что-то невиданное, стала рассматривать своё заплаканное, опухшее от слёз и перемазанное углём лицо.

Мир Перехода принял меня, и я стала его частью.

— Пост принял, — сказала я в зеркало. — Пост принял...

И тут же будто горячая игла уколола в затылок. На связь вышел Разводящий.

Я живу в подземном переходе, напротив киоска с колготками.

У меня густая короткая чёрная шерсть, белая «манишка» и янтарно-жёлтые глаза.

Я — кошка.

Большую часть дня я сижу, обернувшись хвостом, полузакрыв глаза, и подрёмываю. Это видят прохожие. На самом деле я сканирую информационное поле, наполняющее переход. Оно похоже на путаницу раз-

ноцветных нитей, где у каждого человека своя нить. Я отслеживаю те, которые могут сейчас оборваться.

Вот они. Только что спустились в переход... повернули... сейчас будут проходить мимо.

Молодая ухоженная женщина в куртке из рыжей лисы. С ней девочка лет шести: тёмные волосы зачёсаны в тугую «кичку», из рюкзака торчат булавки. На тренировку или с тренировки?

Я встаю, потягиваюсь и делаю несколько шагов им навстречу, высоко подняв напряженный хвост.

— Кис-кис-кис!

Начинаю с громким мурлыканьем тереться о девочкины джинсы.

— Мам, посмотри, какая киса! Как у Ирки, только глаза жёлтые!

— Полина, мы опаздываем!

Продолжаю тереться, вытягиваю шею, набиваясь на ласку, мурлычу ещё громче. Девочка начинает меня гладить.

— Мам, ну посмотри, какая ласковая! Давай возьмём, вы же обещали!

— Прекрати немедленно! Уличная, грязная, у неё наверняка блохи! Ещё лишай подцепишь — прекрати, я сказала! Пошли скорей, опоздаем! Обещали — купим, но породистую, с выставки.

— А я эту хочу...

Заваливаюсь на бок, подставляю девочке белую «манишку» — отработанный приём. Ещё чуть-чуть...

Она присаживается на корточки рядом со мной, гладит, перебирает густую шерсть.

— Мама, давай возьмём её на обратном пути, ну пожалуйста!

— Полина!!! Мы уже опоздали!

Да, они уже опоздали.

Я выскальзываю из рук девочки и, прижав уши, в три прыжка растворяюсь в толчее перехода.

Они опоздали. Та фура, которая размазала бы их по асфальту, уже проехала. Испорченное настроение и слёзы — недорогая плата за долгую жизнь впереди. Их не будут опознавать в морге. Заметка в разделе «происшествия», короткий страшный сюжет в новостях по местному телеканалу, запылённый пластмассовый венчик на фонарном столбе — ничего этого не будет.

Я — Хранитель перехода.

Литературно-художественное издание
ГЛАГОЛЬ
литературный альманах № 11.

ISBN 978-598673-159-9
Издательство «ООО Андрей Буровский КИФ»

Подписано в печать 2019 г. Формат 70x100/16. Печ. л. 18,5
Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Группа МИД» почтовый адрес:
Санкт-Петербург, ул. Седова, д. 12, бизнес центр «Т4»
тел./факс: (812) 458-43-69